

Зюганов Г.А. Сталин и современность

СОДЕРЖАНИЕ

Против истории.....	1
Соратник Ленина	20
Сталин и актуальные вопросы ленинизма	53
Строитель державы.....	92
Организатор Победы.....	114
За сильную Россию	139

В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает.

В. И. Ленин

ПРОТИВ ИСТОРИИ.

Уже почти два десятилетия прошло с тех пор, как начался демонтаж советской системы, проведенный с невиданным цинизмом и коварством. Для большинства народа — это время обманутых надежд, разочарований, разбитых судеб. Время упущенных возможностей.

Старшие поколения прозябают на задворках современной жизни, многие из тех, кто ковал могущество великой державы, обеспечивал ее процветание и безопасность, влачат откровенно нищенское существование. Этих людей, живших при социализме, трудно убедить в преимуществах того общества, которое, подобно долгострою, безуспешно пытаются возвести на обломках Советского Союза. Идет деградация общественного сознания, которая ускоряется возведенной в ранг официальной пошлой культурой, культом денег, идеей обогащения всеми возможными, в том числе и нечистоплотными, средствами.

Повернув время вспять, власть имущие пытаются создать иллюзию закономерности такого развития событий. Эту цель преследует непрекращающаяся кампания по переписыванию истории — политическая акция, нацеленная против жизненных интересов России. Она осуществляется в полном соответствии с антикоммунистическими и антироссийскими концепциями США и западноевропейских стран, и цель ее — представить великий опыт социалистического строительства как непрерывную цепь ужасов и катастроф. Чего стоят, к примеру, одни

только попытки Парламентской ассамблеи Совета Европы поставить коммунистов в один ряд с фашистами!

Суть антикоммунизма на протяжении многих десятилетий остается неизменной. Ее в свое время философ Александр Зиновьев хорошо выразил крылатой фразой: «Целились в коммунизм, попали в Россию».

Знаковые события последнего времени свидетельствуют о том, что в этом же направлении предпринимаются новые атаки либеральных сил: антикоммунистические по форме, они бьют по остаткам российской государственности. Откуда-то из политического небытия вернулись «прорабы перестройки» горбачевских времен с требованиями разоблачать «палачей» тридцатых годов и продолжать возведение мемориалов жертвам репрессий. Снова активизировалась недостойная возня вокруг расстрела царской семьи как одного из «злодеяний большевизма». Опять пошли нападки на Мавзолей В. И. Ленина, на пантеон деятелей Советского государства, прославленных полководцев и других выдающихся людей, захороненных на Красной площади.

Казалось бы, ничего нового, содержание антикоммунизма уже давно исчерпано. Однако новое наступление на святыни советских людей, вспышка гробокопательства и глумления над страницами прошлого свидетельствуют о том, что все действия, направленные на то, чтобы замести следы подлинной истории, носят хорошо осозанный, долговременный характер. При этом они выполняют и провокационную роль, периодически зондируют общественное мнение, реакцию населения, его способность к сопротивлению политике разложения.

Странно теперь отмечается самый большой праздник для миллионов жителей России — День Победы. Что может быть более циничным и кощунственным, чем попытки скрыть за драпировкой Мавзолей В. И. Ленина, к подножию которого на Параде Победы в июне 1945 года были брошены знамена поверженного врага? На вопрос в прямом эфире, для чего это было сделано, не питающий симпатий к коммунистам А. Венедиктов, ведущий радиостанции «Эхо Москвы», дал простое объяснение: «Потому что Путин и его команда борются с коммунистами и не хотят напоминать, что здесь лежит основатель и лидер Компартии». Очень доходчивые слова для тех, кто еще, может быть, сомневается в том, кто культивирует в стране антикоммунизм.

На официальных празднествах в честь Дня Победы, естественно, не только нельзя увидеть портретов Верховного главнокомандующего, но и услышать в его адрес хоть одно теплое слово. Странно представляют себе Победу нынешние власти — без Сталина.

Все это происходит на фоне грубого искажения исторической информации, которую распространяют марионеточные СМИ, той

отвратительной грязи, которая обильно льется с телеэкранов. Откровенной лживости большого числа художественных и документальных фильмов, нескончаемых сериалов, посвященных Великой Отечественной войне и другим значимым событиям, особенно памятным для народа.

О нашем прошлом очень часто судят некомпетентные и недобросовестные люди, у которых даже обычные явления нередко вызывают очень странную реакцию. Например, авторов одного из документальных фильмов о первом отряде советских космонавтов очень сильно изумило и возмутило, что космонавтов, оказывается, заставляли... беспрекословно повиноваться приказу. С таким вот странным пониманием даже вполне естественных вещей модные ныне кинорежиссеры и телеведущие берутся «переделывать» нашу историю, оказывают влияние на миллионы жителей страны, пытаются своими низкопробными поделками унижить героическое время, когда наши отцы бескорыстно создавали и творили великое.

Антикоммунизм, слегка затушеванный в самом начале нового столетия, снова набрал силу, все более проявляет свою открытую агрессивность, особенно во время выборных кампаний. Власть порочит прошлое, чтобы молодежь не могла сравнить с ним сегодняшнюю жизнь. Чтобы эта жизнь воспринималась как данность, не подлежащая обсуждению, стоящая вне всяких сомнений.

Не случайно лозунги «Хватит клеветать на коммунистов!», «Нет лжи об СССР и Великой Отечественной войне!» постоянно звучат во время многотысячных «Маршей на Останкино», организованных Компартией Российской Федерации. Они отражают и преобладающие настроения, и основные требования коммунистов и широких народных масс. Подобные акции свидетельствуют о том, что люди уже давно во всем разобрались и прекрасно понимают, на кого и как работает лживая пропагандистская машина, чьи интересы она отстаивает.

Прошедшие восемь лет шло упорное законодательное закрепление капиталистических принципов жизни, того, что в девяностые годы КПРФ, широкий фронт патриотических сил не позволили осуществить сторонникам Ельцина в экономической и социальной сферах. Захватив с помощью обмана и политических манипуляций большинство мест в Государственной думе, партия «Единая Россия» по указке сверху протасила антинародные Трудовой, Земельный, Водный и Жилищный кодексы, пресловутый 122-й закон об отмене льгот. Ликвидированы последние остатки социалистических завоеваний. Уже не первый раз в истории России либеральные демократы обнажают свое подлинное лицо, откровенно демонстрируя готовность пожертвовать благополучием подавляющего большинства людей ради обогащения незначительной части других.

Правда, подобные деяния все чаще стали прикрываться патриотической риторикой. Патриотизм сейчас в моде — утверждают «законодатели политических мод», известные телемонстры и заказные политологи, еще вчера любившие повторять, что «патриотизм — последнее прибежище негодяев». Заметим только, что пропагандируется сейчас мелкобуржуазный патриотизм, который не имеет ничего общего с деятельной любовью к Родине, вдохновлявшей советских людей на труд и на подвиг. Такой патриотизм, как правило, заканчивается с получением первой повестки из военкомата, напоминающей о том, что ее, Родину, оказывается, еще и защищать надо. И укреплять, о чем как-то не очень любят вспоминать новоиспеченные «патриоты».

Под пустопорожние разговоры о «Великой России» не прекращается выкорчевывание наших этнических корней, идет тотальное разрушение духовной сферы. Взять, к примеру, литературу, отношение к которой в России было особым во все времена, ибо она позволяла передать потомкам культурные коды нашего народа, сохранить его идентичность. Не пропустив через себя великие события советского времени или страдания людей дореволюционной России, отраженные во многих классических произведениях, наши внуки и правнуки рано или поздно перестанут быть русскими людьми. Однако новая система государственных экзаменов в школе делает уже необязательным изучение Пушкина, Толстого, Тургенева, Чехова, Шолохова. По сути дела, это означает сигнал всей системе образования о необязательности русской культуры вообще. И это — последовательная государственная политика.

Облеченные высокой властью люди едва ли не с гордостью говорят о том, что советская школа разрушена. Действительно, лучшая в мире школа в результате «реформирования» оказалась практически уничтоженной. По существу, развалена не советская — великая русская образовательная школа.

Все это поощряется и поддерживается Западом, блюстителями «демократических» ценностей. Недаром Джордж Буш поторопился выдать аванс новому российскому президенту вскоре после его избрания, похлопав по плечу и назвав «толковым» парнем. Мы уже видели эти снисходительные жесты в девяностые годы. Тогда западные покровители на каждом шагу демонстративно поощряли своих российских приспешников, разрушителей России — лидеров «демократических» блоков, скороспелых министров и, конечно, президента.

Не повторится ли эта история, унижающая достоинство российского народа, в ближайшее время?

Хочется надеяться, что нет.

Военные действия в Южной Осетии по защите российских граждан от бандитского нападения грузинских войск, признание независимости Южной Осетии и Абхазии показали, что Россия может проявить самостоятельность и решительность...

Все больше жителей России задумываются по поводу того, куда так бодро она шагает. Для подавляющего большинства ее населения — это дорога в тупик. Да и как может быть иначе в стране, в которой без малого за два десятилетия, со времени установления антинародного режима Ельцина, не построено ни одного крупного наукоемкого предприятия. В стране, которая, подвергнувшись в результате разрушительной деятельности полной деиндустриализации, уже не в силах самостоятельно прокормить себя. В которой потребность в продуктах питания удовлетворяется собственными силами лишь наполовину.

Важной составляющей политики власти по дискредитации отечественной истории, в которой используются как верноподданнические старания многих российских историков, так и тенденциозные труды западных исследователей, является очернение выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства. В первую очередь их великих основателей и организаторов — В. И. Ленина и

И. В. Сталина. Вспышки антиленинской и антисталинской истерии, как и разгул в стране пещерного антикоммунизма, бьют, как выразился известный публицист Юрий Белов, по стволу дерева под названием «русский патриотизм». Это удары по национальному самосознанию народов России, выразителями которого всегда выступали и выступают коммунисты.

Причина, почему для этого не жалеют сил и средств, одна: чувство страха. Почему же прозападные круги России смертельно боятся Сталина, даже усопшего?

Как мы знаем, с именем Сталина — продолжателя дела Ленина — связаны самые значимые и трагические страницы нашей истории. Индустриализация и коллективизация, культурный взлет страны, превратившие ее в одну из ведущих мировых держав, доказали справедливость сталинского утверждения о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Они ознаменовали победу Сталина над временем и пространством, ставшую прологом Великой Победы над фашизмом.

По образному выражению Черчилля, Сталин «принял страну с сохой, а оставил ее с атомной бомбой». В этих словах заключается емкая характеристика огромных свершений сталинского времени, в сравнении с которыми выглядят нелепыми и жалкими попытки отрицать или не замечать невиданные достижения этого периода, настоящий прорыв

Советской страны в лидирующую группу мировых держав.

Воздействие Сталина на ход исторического процесса столь значительно, что его не по силам осмыслить конъюнктурщикам и демагогам, пачкающим историю. Тем не менее сплошь и рядом мы сталкиваемся с порожденными ими примитивными оценками, стремлением демонизировать великого человека, наделить его всевозможными недостатками и пороками.

Надо заметить, что наряду с «модой» на патриотизм вошло в «моду» нападать на прошлое «просто так», от скуки или ради денег. Такая работа сейчас, как правило, хорошо оплачивается. Людей, которые этим занимаются, часто приводят в шок события по той причине, что они тщетно пытаются соотнести их с современностью. Исследовательская работа, которая, как и всякая научная деятельность, по плечу только высокопрофессиональным историкам и философам, подменяется эмоциональными, поверхностными суждениями.

Взялись судить о великой истории XX века и ее выдающихся деятелях, да не по Сеньке шапка. Справедливое замечание делает известный российский исследователь Ю. В. Емельянов, автор профессиональных книг о Сталине, Бухарине, Троцком и других видных партийных деятелях: «Вторжение в историческую тему лиц, которые никогда не имели с ней общения даже в качестве читателей, приводит к почти преступному обращению с фактами прошлого».

Созданные ими мифы о Сталине по своей нелепости могут быть сравнимы разве что с бытовавшим когда-то представлением, что Земля стоит на трех китах. Разве можно, например, серьезно воспринимать утверждение, что Сталин смог «узурпировать» власть в партии, несмотря на «желание» Ленина отстранить его от руководства? Или, вопреки здравому рассудку и фактам, поверить в то, что коварный Сталин организовал убийство Кирова, чтобы развязать в стране жестокий террор? В ходу версия, что в силу своей подозрительности Сталин принимал за чистую монету сфабрикованные обвинения против военных руководителей страны и поэтому уничтожил многих из них, а это привело к поражениям Красной армии в 1941—1942 годах. Или то, будто бы Сталин настолько полагался на пакт Молотова — Риббентропа, что целиком доверился Гитлеру и поэтому напрочь отметал все предупреждения о дате нападения Германии на СССР..

Сейчас, когда социальное расслоение, неравенство и несправедливость уже считаются вполне терпимыми и обыденными, когда в обществе, лишенном нравственных ориентиров, торжествуют ложь, насилие, стяжательство, безответственность и конечно же цинизм, мало кого волнует, что квалификация подавляющего большинства современных историков и политологов не соответствует степени сложности об-

щественных явлений прошлого и настоящего. А ведь такие профессии ввиду новых вызовов эпохи требуют особенно серьезной подготовки и высоких моральных качеств.

Есть одна закономерность: наибольшее рвение в «разоблачении» низвергнутых исполинов Советского государства проявляют те, кто еще вчера их превозносил. Яркий образчик — А. Н. Яковлев, который в конце восьмидесятых годов инициировал и возглавил антисталинскую кампанию. Идеолог с многолетним стажем партийной работы, бывший заведующий идеологическим отделом ЦК, секретарь ЦК КПСС, наконец, член Политбюро. А на поверку — перерожденец и предатель партии.

В свое время Троцкий, уже находясь за границей, призывал «перейти в международное наступление против сталинизма». Не получилось. Слишком внушительными оказались успехи, достигнутые Советской страной под руководством Сталина к концу 1937 года — ко времени, когда главный лидер антисталинской оппозиции намеревался начать «крестовый поход». Тогда желающих записаться в «крестоносцы» не нашлось, зато спустя пять десятилетий, когда подул «свежий ветер перемен», таких людей оказалось больше чем достаточно.

Их разрушительные намерения с головой выдает то, что они кроме ГУЛАГа и уничтожения православных храмов руками воинствующих безбожников ничего не хотят видеть. К этому «джентльменскому» набору начиная с девяностых годов прошлого века иногда добавляются совершенно необоснованные, с точки зрения серьезных историков, трактовки событий в Катynie. Оставленное нацистами свидетельство о найденных останках польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД, — грубая пропагандистская ложь, вокруг которой нагромождено огромное количество фальшивок и подлогов. Делается все, чтобы посеять вражду между польским и российским народами. Похожую цель преследует всяческая пропаганда так называемого «голодомора» на Украине, только здесь хотят поссорить украинцев с русскими.

Этот скудный перечень исторических явлений, отчасти реальных, но в большинстве случаев искаженных в своей основе, застит им глаза. Мешает видеть то, что для миллионов советских людей Сталин олицетворял священное понятие «Родина». Его авторитет в народе был так велик, что в годы Великой Отечественной войны шли на смерть, громили врага со словами «За Родину, за Сталина!». Их не интересует, как произошло то, что имя Сталина вдохновляло людей на подвиги, вплоть до самопожертвования. Что за всю тысячелетнюю историю народ впервые признал власть своей, народной, и почему после смерти Сталина произошло отчуждение народа от власти.

Они будто не замечают того, что при всей своей трагической противоречивости «тридцать седьмой» смел с политической сцены в первую очередь тех, кто, по словам Ленина, «примазался» к великой

народной революции. Тех, кто готов был принести Россию в жертву своим псевдореволюционным иллюзиям и отводил ей роль «охапки хвороста для разжигания мирового пожара». От репрессий в первую очередь пострадали те, кто разрушал храмы, раскулачивал крестьян и проводил «расказачивание», утверждал «пролетарскую культуру», пытался сбросить Пушкина с «корабля современности».

Но не только жажда политического реванша вызывает столько нападок на Сталина, хотя желание свести счеты с ним и с советской властью уже давно и полностью обнажило свою ядовитую сущность. Вместе с грубыми извращениями деятельности Сталина пытаются окончательно похоронить его диалектический подход к учению Маркса — Энгельса и к теоретическому наследию Ленина как марксизму качественно новой эпохи. Его понимание, что такое ленинизм на практике.

В этом преуспевают не только открытые антикоммунисты. Есть люди, считающие себя сторонниками коммунистического движения, но не утруждающие себя анализом современной ситуации, проповедующие безнадежно устаревшие догмы. А это в конечном счете еще больше дискредитирует учение основоположников революционной теории.

Хотя, казалось бы, все прекрасно знают: и Ленин, и Сталин особенно подчеркивали, что марксизм является живым учением, методическим базисом для анализа общественной ситуации и социально-политического действия. Они предупреждали, что пытаться оценивать современное положение дел, опираясь только на постулаты вековой или полувековой давности, — дело бессмысленное и опасное. Опыт XX века, в том числе и деятельность КПСС, это очень наглядно подтвердил.

Как в практической, так и в теоретической деятельности Сталина мы находим ответ на главный вопрос — вопрос о жизнеспособности социализма, о том, насколько оптимистична его историческая перспектива. Именно этот ответ так не любят сегодняшние временщики, захватившие власть, всеми силами демонстрирующие свою приверженность либерально-демократическим ценностям и не желающие выбраться из вороватой ельцинской колеи. Они упорно и последовательно свертывают все демократические завоевания, ради которых в свое время и затевалась перестройка. Таких масштабов фальсификаций на последних выборах в Государственную думу и во время избрания президента страны еще не знала история. Только доказанные незаконные приписки голосов партии власти насчитывают сотни тысяч, а материалы тотальных нарушений в 29 регионах страны объединены в 15 томов. Все они были представлены в Верховный суд РФ.

Попытки выстроить в нашей стране так называемую «вертикаль власти» обернулись созданием огромного бюрократического аппарата, который беззастенчиво искажает итоги голосований, издевается над правом

народа высказывать свою позицию на выборах. Он, по сути дела, лишил народ этого права, а протаскив в Думе поправки к закону о референдумах, — и права высказывать свое мнение по важнейшим вопросам жизни государства.

Все это сопровождается усилением нападков на КПРФ, что прямо связано с принципиальной позицией партии по целому ряду узловых вопросов. Прежде всего с голосованием фракции коммунистов в Госдуме против выдвижения кандидатуры Путина на должность премьер-министра и с подачей иска по фактам фальсификаций итогов выборов Госдумы в Верховный суд. Особое раздражение властных структур вызывают конструктивные предложения Компартии по национализации природных ресурсов и стратегических отраслей, а также мощная волна протестных действий, которые организует КПРФ для защиты интересов трудящихся.

В России слово «демократия» давно уже во многих изданиях пишется в кавычках — настолько далека нынешняя система власти от подлинной демократии. По мнению американской газеты «International Herald Tribune*», в ней сложилась треугольная властная конструкция, состоящая из чиновников, сырьевых баронов и силовиков. Это ведет к упадку роли избирательного процесса и усилению контроля за оппозицией. В рейтинге свободных стран, который готовит исследовательский центр «Freedom Ноше», Россия оказалась на 170-м месте из 195, рядом с Казахстаном, Суданом и Йеменом.

Почти все телевизионные программы в духе худших традиций прошлого подсовывают доверчивому обывателю на завтрак и на ужин бойкие репортажи о «достижениях» страны с неизменным присутствием первых лиц государства. А тем временем у большей части населения России возникает вполне резонный вопрос: начнет ли когда-нибудь власть серьезно заниматься тем, что действительно волнует людей, отражается на их жизни, дает им, наконец, шансы на выживание?

Люди, за долгие годы уставшие надеяться на позитивные перемены в стране, невольно сравнивают все происходящее сейчас с тем, как менялась жизнь к лучшему в прежние времена. И далеко не случайно, что и Сталин, и Ленин уверенно лидировали в интернет-опросе россиян в рамках проекта «Имя России. Исторический выбор — 2008», который проводили государственный телеканал «Россия», Институт российской истории РАН и фонд «Общественное мнение». Сейчас среди нас уже почти нет людей, живших в сталинскую эпоху и все годы после смерти Сталина считавших его своим вождем. Но на смену им пришли молодые поколения. А подавляющее большинство пользователей Интернета, как известно, — молодежь, для которой имя Сталина становится символом величайших дел в истории России, знаменем побед, образцом преданного служения своему народу.

Память о нем пробуждает все более в широких слоях населения надежды на избавление великой страны от гнета жирующих чиновников, разграбивших народное достояние олигархов, воров и бандитов. От тех, кто пограл в России саму идею справедливости под видом борьбы «за свободу и демократию».

Итоги опроса — резкая, неожиданная для властей реакция на нынешнее униженное положение России и большинства ее населения.

Не мечты о наведении в России порядка твердой рукой движут людьми, а неистребимая в народе идея — идея восстановления государства, способного постоять за себя и за тех, кто в нем не желает больше строить свою жизнь по законам воровского мира.

Сталин бессмертен, и его имя невозможно ничем вытравить из народной памяти. Пока отдельные ученые робко ставят вопрос о «политической и политологической реабилитации Сталина», в массовом сознании это давно уже произошло.

Извращая деятельность Сталина, а заодно и всю советскую историю, власти наступают на те же грабли, на которые однажды уже наступали «ура-революционеры» с левого фланга большевистской партии, возвестив о том, что со старым покончено навсегда. И тем самым прервали историческую традицию. Трудным путем пришлось идти к ее восстановлению, но Сталину удалось это сделать. Нынешней власти, заинтересованной в выращивании Иванов, не помнящих родства, это ни к чему.

Не случайно в свое время Сталин настоял на более глубоком преподавании истории в школе, которая стала включать описание реальных событий и действительных героев прошлого времени. При этом он подверг резкой критике так называемую «историческую школу Покровского», ее абстрактные схемы.

Интересно, что оппоненты Сталина пытались представить это как «неонационалистическую реабилитацию царизма» (Бухарин) или «национал-консерватизм» (Троцкий). Считалось проявлением «великодержавного шовинизма», например, воспитание школьников в духе уважения к армии Суворова, которая среди некоторых лидеров партии считалась «армией феодальных рабов». Рассматривались как ненужные проводимые Сталиным меры по укреплению семьи — «архаического, затхлого, прогнившего института».

Обвинения Сталина в «националистическом уклоне» усилились после того, как он выдвинул лозунг о возможности построения социализма в одной стране. Такие ярлыки использовались против всех, кто пытался сдерживать господствующие в то время тенденции, отмечающие на

корню любую постановку вопроса о необходимости учета национальных особенностей народов СССР в строительстве нового государства.

Впрочем, всевозможные ярлыки всегда, и особенно в двадцатые годы, широко использовались во внутривластной борьбе. Поэтому в том, что «традиция» наклеивать их на неугодных была продолжена в период репрессий, нет ничего удивительного.

Сталин признавал губительность разрыва исторической и культурной традиций. В дни работы I Всесоюзного съезда советских писателей, состоявшегося в 1934 году, он пригласил к себе М. Г. Торошелидзе, руководителя грузинских писателей, которому предстояло на съезде сделать доклад. После съезда Торошелидзе собрал писательский актив Грузии и подробно рассказал о содержании беседы со Сталиным:

— Как? Вы скажете съезду, что грузинский народ только после Октябрьской революции обрел возможности творчества, а до той поры ничего не создал в области культуры? — удивился Сталин. — Передайте грузинским писателям от моего имени, что, если они не могут [создать] нечто подобное тому, что создали наши предшественники в области культуры и литературы, пусть хоть окажутся в состоянии показать это наследие.

Пожалуй, этот пример, как и многие другие, служит убедительной иллюстрацией отношения Сталина к сохранению всего того, что создавалось и копилось веками, что составляет богатство любого народа. Он высоко ценил традиции народной культуры и прекрасно понимал, что гордость за свою историю и свершения предков является мощным источником формирования здорового мировоззрения и духовной силы людей, что так ярко проявилось в их массовом энтузиазме в годы довоенных пятилеток, придавало им стойкость и мужество в смертельной схватке с фашизмом. При Сталине возникла новая культура — «национальная по форме, социалистическая по содержанию», как он сам формулировал ее две главные черты.

Будучи признанным специалистом в области национальных отношений, Сталин понимал роль и значение национального фактора и осуждал нигилистическое отношение к национальной культуре и патриотизму. Он решительно отвергал пренебрежительное отношение к русскому историческому и культурному наследию, видя в этом унижение и оскорбление русского пролетариата.

Сталин впервые вводит в марксизм понятие «русский вопрос», определяет его интернациональный и общенациональный смысл в России. В 1917 году, на VI съезде РСДРП (б), он говорит о Советах как наиболее целесообразной форме организации борьбы рабочего класса за власть и подчеркивает: «Это форма чисто русская». Задолго до Октября

Сталин мыслит категориями всемирной и национальной, русской, истории. Он осознавал такую важную национально-историческую особенность России, как ведущая роль русского народа в ее образовании и развитии.

Сталин родился в Грузии, где природа и культурно-национальные особенности жизни людей существенно отличаются от российских. Тем не менее он называл себя «русским человеком грузинской национальности». И в этом нет даже малейших элементов позирования, а сказываются глубинные пласты, отложившиеся в психологии человека, прожившего большую часть жизни в Центральной России. В этой «формуле» — глубочайшее уважение к людям, его окружавшим, понимание значения русских в единении народов всех национальностей.

К сожалению, в советское время, особенно после XX съезда КПСС, имя Сталина, по сути, было предано забвению. Достаточно сказать, что в течение трех десятилетий в нашей стране о нем не вышло ни одной книги. Этот вакуум поспешили заполнить на Западе, где сразу же и появилась масса фальшивых поделок. Известный в западных кругах советолог Дэвид Дал-лин писал: «В отношении Сталина все сгодится, и чем грязнее подозрение, тем больше оснований, что оно окажется правдивым» (читай — «правдоподобным»).

Так что в конце восьмидесятых годов рвавшиеся к власти «перестройщики» под лозунгом демократизации получили в руки уже готовые лекала и заготовки, испытанные в деле. В поднятой шумной антисталинской кампании подавляющее число статей и книг делалось в спешке, фактический материал никем не проверялся и никем под сомнение не ставился. Авторы, как правило, руководствовались одним принципом: чем больше грязи и мусора принесем на могилу великого человека, тем выше шансы быть опубликованным. Несмотря на всю абсурдность многих новых утверждений, почти ни у кого уже не вызывала удивления трактовка событий двадцатых — тридцатых годов. Так, Дмитрий Волкогонов сначала клеймил Сталина как предателя дела Ленина. А когда того потребовали изменение конъюнктуры и новые запросы «перестройщиков», начал клеймить и самого Ленина. Такая «эволюция» взглядов Волкогонова отражает основные этапы и характер изменений в идеологической позиции горбачевско-яковлевской пропагандистской машины: от социализма «с человеческим лицом» — к полному отрицанию социалистических ценностей.

Формирующаяся пресса новой эпохи — эпохи реставрации буржуазии — валила на головы людей огромный поток ошарашивающих сведений. В унисон с западными советологами утверждалось, например, что в результате репрессий, коллективизации и голода в СССР погибло 50—60 миллионов человек. При этом не будем говорить о цифрах, которые слишком далеко зашли за пределы здравого смысла. И ведь мало кто утруждал себя тем, чтобы сопоставить эти надуманные цифры с

документально подтвержденными фактами, которые никто не рискнул опровергнуть впрямую.

А реальная картина никак не вяжется с фантазиями «перестройщиков» и их последователей. Например, в 1917 году население России в ее нынешних границах составляло 91 миллион человек. К 1926 году, когда была проведена первая советская перепись населения, его численность в РСФСР (то есть опять же на территории нынешней России) выросла до 92,7 миллиона человек. И это притом что лишь пятью годами раньше закончилась разрушительная и кровопролитная Гражданская война.

К 1939 году, когда проводилась вторая в истории СССР перепись, население Российской Федерации достигает уже 108,4 миллиона. То есть за 13 лет оно увеличилось на 15,7 миллиона человек, или на 17 процентов. А средний ежегодный прирост населения в этот период составил 1 миллион 210 тысяч человек.

Впрочем, в подобных аргументах либерал-демократы не особенно нуждаются. Тем более что среди них есть и специалисты, имеющие вполне реальное представление о настоящей истории. Однако перед ними стоит совсем иная задача — отвлечь массовое внимание от масштабов человеческих потерь при «демократических» порядках, которые уже давно превзошли даже завышенные оценки жертв репрессий. И продолжают расти.

К слову сказать, появившееся у нас вдруг большое число людей с «новым мышлением» только позаимствовало на Западе старый миф о неотъемлемой черте русской истории — особой жестокости и варварстве. Как пишет в вышедшей недавно книге «Кровь и почва русской истории» ее автор, известный историк и политолог В. Соловей, подобные представления вдребезги разбиваются при ее сравнении с историей западных стран. Так, вызывающий у некоторых наших современников трепет Иван Грозный за годы своего правления казнил четыре тысячи человек, а английская королева его времени Елизавета I — 89 тысяч. При этом российский монарх для многих является символом жестокости, а британский — великим государственным деятелем.

Можно привести и множество других фактов бесчеловечности, которыми отмечена история Западной Европы. Например, кровавый след в ней оставили крестоносцы, которые только в Южной Франции вырезали более половины населения. Тридцатилетняя война Германии уменьшила численность жителей страны примерно наполовину. Франция в эпоху Великой революции по отношению к общей численности населения понесла большие потери, чем Россия за Октябрьскую революцию и Гражданскую войну. А издержки коллективизации в СССР вполне сравнимы с огораживаниями, то есть незаконным захватом крестьянских земель, в Англии.

Чтобы сформировать у людей свой взгляд на прошлое, действующая власть ангажировала большинство как профессиональных ученых-исследователей, так и историков-«любителей». Это заставляет нас думать, что все-таки М. Н. Покровский был, наверное, не так уж далек от истины, говоря о том, что история — это политика, опрокинутая в прошлое.

Казалось бы, у большинства специалистов в конце восьмидесятых — начале девяностых годов, как и у многих граждан России, утрата совести носила все же временный характер. Однако с годами развращающее воздействие властей сделало свое дело, и изготовителей дешевых поделок о Сталине ничем уже не урезонишь. Во всяком случае, патриотам придется в дальнейшем защищать его имя, надеясь только на собственные интеллектуальные силы. Опыт идеологической и теоретической деятельности КПРФ в последние годы показывает, что они смогут это сделать.

Позиция коммунистов общеизвестна, она была высказана в решениях XX съезда КПСС по докладу Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Надо при этом заметить, что наряду с резким, вполне справедливым осуждением некоторых методов работы Сталина в то время мало кто подвергал сомнению его роль в подготовке и проведении социалистической революции, в Гражданской войне, в борьбе за построение социализма в нашей стране, в организации разгрома фашизма. Постаравшись забыть об этом, кое-кто пытается заставить руководителей и членов КПРФ посыпать свои головы пеплом за беззакония тридцатых годов. Впрочем, на современных коммунистов хотят возложить вину и за другие перекосы и издержки социалистического строительства, игнорируя тот факт, что подавляющее их большинство никак не может нести ответственность за дела давно минувших лет хотя бы по той причине, что родилось значительно позже. И не намерено ее нести.

Потому что КПРФ — это люди, осудившие допущенные в партии перекосы и неоправданное насилие, подмену государственной власти партийной, массовое использование членства в партии ради карьерных целей, косность и инертность ее вождей в послесталинский период, застывшие в своем развитии формы и методы партийной работы. КПРФ — это люди, давно очистившие свою партию от этих изъянов и преобразовавшие ее.

Причем сделали они это, не дожидаясь, пока им что-то «подскажут» политические авантюристы. Люди, которые несут прямую ответственность за миллионы жертв либеральных реформ последних двух десятилетий, за продолжающееся вымирание России.

К сожалению, секретный доклад Хрущева был заслушан делегатами съезда на закрытом заседании и на съезде не обсуждался. Это

впоследствии и явилось одной из главных причин невразумительных, половинчатых суждений о Сталине, недомолвок внутри страны, а также опубликования многочисленных лживых материалов на Западе.

Но дело заключается не только в этом — многие важные вопросы, несмотря на огромный поток отечественных публикаций, хлынувший со второй половины восьмидесятых годов, остаются в стороне, не до конца изученными и осмысленными. Да, мы помним, например, что состоявшийся в январе — феврале 1934 года XVII съезд ВКП(б) вошел в историю не только как «съезд победителей», но и как «съезд расстрелянных». Но только ли Сталин несет ответственность за массовые репрессии последующего времени? Например, ставший их жертвой Бухарин был, пожалуй, главным идеологом и пропагандистом насильственных методов, считал их едва ли не единственным способом управления страной по мере продвижения социализма вперед. В своем хорошо известном труде «Экономика переходного периода» он писал, что революционное насилие должно активно помочь формированию нового государства, а «пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью... является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

«У нас могут быть только две партии: одна у власти, другая в тюрьме» — это высказывание также отражает понимание Бухариным революционного процесса. А если учесть, что раскол партии «на две» произошел еще в 1903 году — на большевиков и меньшевиков, а с первых дней после Октябрьской революции в ней долгие годы существовали два непримиримых течения — ленинцев и троцкистов, то не трудно было предвидеть и финал существования «двух партий».

Идеологию насилия исповедовал и Троцкий, постоянно используя в своей лексике унижительное для народа понятие «человеческий материал». Так, делая доклад на V съезде Советов (июль 1918 года), доклад о создании Красной армии, он предлагал «взять на учет весь наличный человеческий материал и планомерно привлекать его... к несению повинности по охране советского рабочего и крестьянского режима и отечества». Ему же принадлежит мысль о том, что принуждение будет основным способом руководства крестьянскими массами в обозримом будущем. «Мы не можем дожидаться, — говорил он на XI съезде партии, — пока каждый крестьянин и каждая крестьянка поймет! Мы должны сегодня заставить каждого стать на то место, на котором он должен быть». Не отсюда ли берет начало мечта современных российских демократов «вести Россию в цивилизованное стойло», которую в девяностые годы так образно сформулировал А. Н. Яковлев?

Троцкий осуществлял идеи милитаризации Советского государства на практике, по его инициативе создавались «трудовые армии». Очень показательна история с профсоюзом транспортных рабочих — Цек-

траном, который был превращен, по сути дела, в военизированную организацию. Например, для его рабочих и служащих были установлены наказания в виде арестов и принудительных работ.

Как видим, мысли о строительстве государства, основанного на насилии и принуждении, не были лишь «теоретическими» упражнениями и досужими размышлениями, а проводились в жизнь. При этом в создании идеологии насилия, которая в двадцатые — тридцатые годы пронизывала всю партийную верхушку, первенство принадлежит отнюдь не Сталину. «Инструкции» по раскручиванию маховика репрессий готовили в партии ее «теоретики». Остановить его оказалось очень трудно. В насилии некоторые руководители видели наиболее простой и быстрый способ осуществления большинства задач, хотя некоторые из них, как выяснилось позднее, вовсе не имели решения.

Многие исследователи обращают внимание еще на одну сторону наболевшего вопроса: «дело» каждого репрессированного обрастало, словно снежный ком, новыми именами людей, которые также становились подозреваемыми и обвиняемыми. Их число множилось в геометрической прогрессии, начало которой дает расследование убийства Кирова. Люди оговаривали друг друга не только из-за страха — часто ими руководили зависть, корысть и другие темные инстинкты. Сами репрессии сопровождались чередой интриг и интрижек, носивших характер борьбы за те или иные должности на различных этажах власти. И конечно же немалую роль сыграло искреннее желание людей быть бдительными. В этом они мало чем отличались от жителей других стран. Например, в США уже через двое суток после нападения Японии на Пёрл-Харбор было арестовано около четырех тысяч человек, якобы являвшихся тайными агентами враждебных государств. Но еще довольно долго вполне добропорядочные жители Штатов продолжали донимать полицию и ФБР сообщениями о подозрительных лицах. На поверку оказалось, что подавляющее большинство доносов оказалось ложными и ошибочными.

Еще не до конца разгаданными остаются действия многих высокопоставленных лиц партии, которые, раскаиваясь на XVII съезде ВКП(б), безоговорочно поддерживали сталинскую линию. Можно с уверенностью сказать одно: руководила ими отнюдь не угроза физического воздействия, так как к тому времени еще никто из руководителей партии репрессиям не подвергался. Во всяком случае, позднее, когда эти люди публично говорили о своей вине перед партией и государством, уже никто им не верил. Широкие массы населения считали, что Сталину грозит опасность, так как вокруг него собралось слишком много предателей и лжецов, а потому были полностью на стороне обвинения.

Отчасти на эту проблему проливают свет слова Бухарина, произнесенные незадолго до гибели, в марте 1938 года: «Мне кажется,

что когда по поводу процессов, проходящих в СССР, среди части западноевропейской и американской интеллигенции начинаются различные сомнения и шатания, то они в первую очередь происходят из-за того, что эта публика не понимает того коренного отличия, что в нашей стране противник, враг, в то же самое время имеет это раздвоенное, двойственное сознание».

На то обстоятельство, что даже в разгар ожесточенной идейной борьбы против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев к ним не применялись крайние репрессивные меры, обратил внимание еще Хрущев в докладе о культе личности на XX съезде партии, отметивший, что борьба длительное время велась на идейной основе. Но были ли противники партии, как считал Хрущев, политически разгромлены к тому времени, когда начались репрессии? Думается, положительно ответить на этот вопрос нельзя. Трудно согласиться и с другим утверждением, прозвучавшим на XX съезде, — о том, что социализм в нашей стране тогда был уже в основном построен и в ней были в основном ликвидированы эксплуататорские классы.

Вполне обоснованно суждение, высказываемое некоторыми исследователями, что покаяния и безудержное славословие в адрес Сталина создавали ту атмосферу, в которой стали возможны массовые репрессии. Что и происходило, например, на так называемых московских процессах, состоявшихся в 1936-1938 годах.

Немаловажную роль в формировании общественного мнения сыграло то обстоятельство, что крупнейшие зарубежные писатели — Лион Фейхтвангер, Ромен Роллан, Теодор Драйзер и другие — не сомневались в правоте действий Сталина и в справедливости выносимых приговоров. О собственных впечатлениях Фейхтвангер рассказывает в книге «Москва 1937»: «До тех пор, пока я находился в Европе, обвинения, предъявленные на процессе Зиновьева, казались не заслуживающими доверия. Мне казалось, что истерические признания обвиняемых добываются какими-то таинственными путями. Весь процесс представлялся мне какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством.

...Но когда я присутствовал в Москве на втором процессе, когда я увидел и услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились, как соль в воде, под влиянием непосредственных впечатлений от того, что говорили подсудимые и как они это говорили. Если все это было вымышлено или подстроено, то я не знаю, что тогда значит правда».

Похожим образом рассуждал и посол США Джозеф Э. Дэвис: «Предположить, что этот процесс изобретен и поставлен как политическая театральная пьеса — значит предположить наличие

творческого гения, равного Шекспиру». Его слова невольно приходят на ум, когда читаешь материалы расследований и судебных процессов. Или, например, когда знакомишься с материалами январского пленума ЦК ВКП(б) 1938 года, внесшего «известное оздоровление в партийные организации» (из доклада Хрущева на XX съезде КПСС). В принятом пленумом постановлении «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии...» решительно осуждаются факты допущенного рядом парторганизаций беззакония и произвола, необоснованного, без всякой проверки, исключения коммунистов из ВКП(б), лишения их работы и объявления без каких-либо оснований «врагами народа».

Плохо верится, что такой документ, как постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, признавший, что работа органов НКВД и Прокуратуры в 1937—1938 годах при упрощенном ведении следствия и суда имела серьезнейшие недостатки и извращения, — всего лишь фарс и прикрытие неблагоприятных действий центральной власти. Отмахиваться от таких документов могут только люди, далекие от намерения вскрыть подлинные механизмы репрессий тридцатых годов. А в этом документе раскрывается одна из причин массового террора. По мнению СНК и ЦК партии, она заключалась в том, что люди, пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры, как в центре, так и на местах, «сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью "дела" против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности».

А ведь мы имеем дело с документами сталинской эпохи. И не надо пытаться их авторов и руководителей партии скопом обвинять в ханжестве и изощренном коварстве, в котором так преуспели «архитекторы» и «прорабы» горбачевской перестройки.

Пожалуй, имеет под собой определенные основания хронологическая классификация репрессий некоторыми исследователями, которые различают первый, «троцкистский», период репрессий — до середины тридцатых годов и второй, «сталинский», который начался после убийства Кирова. Однако подобная «периодизация» выглядит весьма условной: в осуществлении этих дел трудно разделить роль Сталина и его соратников, с одной стороны, различных оппозиционеров и недовольных властью — с другой. Хотя сам Троцкий и пытается оправдать первые годы террора и осудить его проведение в последующем. «Те меры террора, которые применялись в первый, так сказать, "якобинский" период революции, — пишет он в 1935 году, — вызывались железной необходимостью ее самообороны. Об этих мерах мы могли дать открытый отчет всему мировому рабочему классу. Террор нынешнего, термидорианского периода служит обороне бюрократии не

столько от классового врага, сколько от передовых элементов самого пролетариата». Для тех, кто знаком с реальной историей того времени, звучит неубедительно.

Как бы то ни было на самом деле, безнравственно отрицать, что произвол в нижних эшелонах власти порождался прежде всего произволом, который установился на вершине властной пирамиды. Но при этом нелепо объяснять репрессии личными мотивами Сталина, его якобы амбициозными устремлениями, намерениями поставить себя на одну ступень с Лениным и уж, во всяком случае, войти в историю главным строителем социалистического государства.

Даже поверхностное знакомство с биографией Сталина и большинством его работ обнажает всю беспочвенность таких утверждений. До конца своей жизни Сталин считал себя лишь учеником Ленина, высоко ценил его заслуги перед партией и страной, подчеркивая их огромное международное значение. Не мыслил подняться до тех вершин, с высоты которых Владимир Ильич в запутанной до предела исторической ситуации сумел рассмотреть для России единственно верный выход из существовавшего тупика.

Сравнивая события, связанные с Октябрьской революцией, с явлениями всемирной истории, можно заметить, что они прошли в своем развитии фазы, которые подчиняются определенным закономерностям и уже случались в прошлом. Так же, например, как и Великая французская революция, открывшая начало новому этапу в развитии человечества, социалистическая революция в России повлекла большое число жертв и раскол общества. На вопрос, почему во время таких потрясений люди разделяются на два непримиримых лагеря, а те, кто пытаются занять нейтральную позицию и отсидеться в стороне, все равно оказываются вовлеченными в водоворот событий, можно найти ответ, используя марксистско-ленинский метод исследования. Но человеческий разум порой бессилен объяснить, откуда иногда берется в людях такая жестокость друг к другу, ненависть, доходящая до братоубийства.

Профессор Н. Н. Молчанов в своей книге «Монтаньяры», посвященной Великой французской революции, приводит рассказ художника Эдгара Дега, который стал свидетелем спора двух людей о том, кем были Робеспьер, Кутон, Сен-Жюст — «чудовищами или святыми». Этот спор так и не разрешен до сих пор. Но тем не менее 14 июля, День взятия Бастилии, стало во Франции крупнейшим национальным праздником, который отмечают и сторонники монтаньяров, и их противники. Французы, как и другие цивилизованные нации, чтят свою историю.

СОРАТНИК ЛЕНИНА.

XX век, пожалуй, самый динамичный и бурный в истории человечества и в то же время — самый сложный и противоречивый, породил целый ряд политиков и государственных деятелей, снискавших себе особое место, на самой вершине политического Олимпа. Но, к сожалению, исторические портреты многих героев давно минувших лет часто изготавливаются по сложившимся стереотипам, грешат против действительности.

Не случайно еще Маркс указывал на необходимость правдивого изображения политических вождей. «Было бы весьма желательно, — писал он, — чтобы люди, стоявшие во главе партии движения... были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде». Остается надеяться, что все же когда-нибудь придут талантливые исследователи и литераторы с незамутненным взглядом, которые смогут найти краски, подобрать нужную палитру для воссоздания объективного образа Сталина, и как политика, и как человека. И канут в прошлое «исторические» опусы, построенные на рассказах всякого рода Дурмашкиных, которые используются как серьезные доказательства при создании антисталинских «теорий»*.

Говоря о Сталине, нельзя игнорировать тот факт, что его становление происходило в эпоху жесткой, бескомпромиссной классовой борьбы, которая в полной мере отразилась на его характере. И поиск простых и прямолинейных решений при анализе его поступков и действий обречен на неудачу. Ответить на вопросы, связанные со Сталиным, поможет только диалектический метод исследования.

Сталин — сын своего времени. И это время оказало решающее значение на выбор жизненного пути человека, имя которого навеки вошло в историю.

Он родился 21 декабря 1879 года. Если бы становление Иосифа Джугашвили происходило в другое время, в другую эпоху, его наверняка бы затянуло неторопливое течение патриархальной жизни и его удел вряд ли бы серьезно отличался от участи большинства его сверстников, получивших духовное образование. Вполне возможным был и такой сценарий: с малых лет — ученичество, а затем работа сапожником. Именно на этом настаивал его отец, который твердил: «Я — сапожник, и мой сын тоже должен стать сапожником». Такой взгляд отца на воспитание сына порождал в семье Джугашвили конфликты, которые отдельные биографы Сталина совершенно необоснованно связывают с возникновением у него мстительности и других отрицательных черт характера.

* Дурмашкин, по некоторым сведениям, был приятелем второго секретаря Ленинградского обкома партии Чудова и на этом основании любил рассуждать о причинах убийства Кирова. — Прим. ред.

Оставим это на совести сочинителей. Для нас важно, что Сталин с юных лет связал свою судьбу с профессиональной революционной деятельностью. Что на это повлияло? Стоит отметить, что с детства у Сталина формировалось обостренное чувство справедливости. Он мечтал стать писарем и помогать обиженным людям в составлении прошений и жалоб. Эта наивная мечта детства отражает свойства характера, которые в более позднем возрасте получили свое развитие в духовном училище и семинарии: в защите бедных и униженных он видит главный смысл своей жизни. Позднее во всей своей деятельности во главу угла он всегда будет ставить интересы народа, простых людей.

Но главное, что подвигло Сталина стать на путь революционной борьбы, — это объективные условия, которые в конце XIX — начале XX века коренным образом меняли судьбы людей.

Первое — это развитие капитализма, а вместе с ним — выход на арену политической борьбы рабочего класса. Второе — это распространение марксизма в России. И, наконец, — соединение рабочего движения с марксизмом.

Капитализм разрушал патриархальную замкнутость той среды, в которой формировался Сталин, резко менял образ жизни народов Кавказа. В своей работе «Развитие капитализма в России», написанной в 1899 году, Ленин отметил те процессы, которые происходили в этом крае: «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшая в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов... Рядом с процессом усиленной колонизации Кавказа и усиленного роста его земледельческого населения шел также (прикрываемый этим ростом) процесс отвлечения населения от земледелия и промышленности. Городское население Кавказа выросло с 350 тыс. в 1863 г. до ок. 900 тыс. в 1897 г. (все население Кавказа возросло с 1851 г. по 1897 г. на 95%)».

При этом, как отмечает Ленин, число рабочих, занятых в горной промышленности, с 1877 по 1890 год здесь увеличилось в пять раз.

Россия в конце XIX века уверенно выходит в мировые лидеры по добыче нефти. Наряду с городами, в которых преобладало мелкобуржуазное население, в Закавказье вырастает крупный промышленный центр — Баку, город, сыгравший большую роль в формировании Сталина как революционера. На этот район в 1901 году приходилось 50 процентов мировой и 95 процентов российской добычи нефти.

Зная эти цифры, нетрудно понять главную причину оккупации Баку английскими интервентами в 1918 году, оставившую страшную зарубину — зверский расстрел двадцати шести бакинских комиссаров после

падения там советской власти. Через несколько лет подобная ситуация возникнет вновь, только к Баку уже будут рваться фашистские орды.

В целом по России в 1860 году численность рабочего класса составляла около 365 тысяч человек, а в 1897 году пролетариат насчитывал в своих рядах уже 1,5 миллиона человек. С ростом его численности выявилась важная российская особенность — полное бесправие промышленных рабочих. Их труд долго не регламентировался законом. Рабочий день в 1900 году официально составлял в среднем 11,2 часа, однако фактически он длился 14 или 15 часов. Заработная плата была в два-три раза ниже, чем в большинстве стран Западной Европы, и в четыре раза меньше, чем в США.

Все это было в полной мере, даже еще в более рельефном проявлении капиталистической эксплуатации и бесчеловечности, свойственно и Закавказью, где распространение марксизма осуществлялось русскими революционерами, находившимися там в ссылке.

Была в революционном движении Грузии и своя особенность: местная буржуазия формировалась в основном из людей негрузинской национальности. Поэтому революционная работа рассматривалась ее участниками как неотъемлемая часть борьбы грузинского народа за свою свободу. Это способствовало быстрому распространению марксизма, который оказывал большое влияние не только на рабочий класс, но и на патриотически настроенную грузинскую интеллигенцию.

Много лет спустя в своей речи на XIX съезде КПСС, ставшей, по сути дела, его политическим завещанием, Сталин провозгласит принцип органического слияния классовый борьбы за социализм с борьбой за национальную независимость и суверенитет, за демократические права и свободы трудящихся.

...Несомненная одаренность Сталина — важная особенность, имевшая в формировании его личности куда более серьезное значение, чем принято считать. Если быть точнее, эта сторона его натуры в последнее время, по уже упомянутым причинам, как правило, замалчивается. Но как можно не обратить внимание на то, например, что в юности Сталин писал прекрасные стихи. Стихи, которые публиковались, и первые из них — в газете «Иверия», выходившей под редакцией известного грузинского писателя Ильи Чавча-вадзе. Получившее особое признание стихотворение «Рафаилу Эристави» было включено в юбилейный сборник, посвященный этому выдающемуся поэту Грузии. Еще в 1907 году стихотворение вошло в книгу «Грузинская хрестоматия, или Сборник лучших образцов грузинской словесности».

Как и всякий образованный грузин, Сталин преклонялся перед Шота Руставели, его «Витязем в тигровой шкуре». По воспоминаниям

современников, он сам рисовал портреты Руставели, других грузинских писателей.

В детстве Сталин зачитывался приключенческими книгами Жюль Верна, Майн Рида, Густава Эмара, позднее познакомился с произведениями Шекспира, Шиллера, Гейне, Бальзака, Гюго, Гиде Мопассана. Но больше всего он любил русскую литературу, особенно произведения Пушкина, очень ценил Чехова, хорошо знал Толстого, Гоголя, Салтыкова-Щедрина.

Сталин почти не расставался с книгой, в молодости друзья его даже порой обижались, что из-за чтения он уделял им недостаточно внимания.

В 1925 году у него, как у генерального секретаря, появилась личная библиотека, которая ежегодно пополнялась сотнями книг. Но для нас интересен не сам факт ее возникновения, а важнее другое — первые книги в ней подбирались и классифицировались по указанию самого Сталина, который собственноручно составил перечень разделов библиотеки. Вот лишь часть из них: философия, психология, социология, политэкономия, финансы, промышленность, сельское хозяйство, кооперация, русская история, история других стран... Многочисленные пометки в книгах свидетельствуют о том, что Сталин с ними серьезно работал. По его собственным словам, ежедневная норма чтения, составляла 400— 500 страниц.

Широта интересов Сталина в литературе поражает. И нет ничего удивительного в том, что Сталин изумлял окружающих своей осведомленностью в ее различных областях, в том числе и художественной. Его начитанность и высочайшую эрудицию отмечали практически все знавшие его люди.

Любовь к чтению книг, в том числе высокохудожественных, сформировала ясный и образный язык, который был характерен в последующем для большинства его работ и выступлений. Заметим, что трудился он над своими очерками и докладами самостоятельно, не прибегая к услугам «спичрайтеров». В его стиле хорошо просматривается и уважение к людям — всё, о чем он пишет или что говорит, предельно доходчиво.

Это — с одной стороны. С другой, уже по первой его крупной самостоятельной статье, написанной в 1904 году — «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?», он сумел подняться до глубоких теоретических обобщений, позволяющих судить о незаурядных способностях автора.

Через всю жизнь Сталин пронес уважение к высокой культуре, прекрасно разбирался в ее проблемах, что позволяло ему на равных

обсуждать сложные и специфические вопросы со многими деятелями литературы и искусства.

Во времена приобщения Сталина к революционному движению очагами распространения марксизма в Грузии были многие духовные учебные заведения. Этот странный на первый взгляд факт вполне объясним: основные заповеди христианской церкви отражают извечное стремление людей к социальной справедливости, а принципы коммунизма в своей основе соответствуют сущности христианской морали, содержащейся в Новом Завете, главным образом в Нагорной проповеди.

То, что христианство и марксистская теория имеют много общего, замечено не нами. В прошлом веке делалось немало усилий со стороны представителей христианской церкви соединить религию с теорией марксизма. Предпринял такую попытку и один из представителей этого движения настоятель Кентерберийского собора — главного англиканского храма Великобритании — Хьюлетт Джонсон. За свою подвижническую деятельность он в 1945 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а затем удостоен Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Конечно, об общности христианства и марксизма можно говорить лишь до определенных пределов. Мы же отметим только, что формирование материалистического мировоззрения Сталина не повлекло у него негативного отношения к религии — сказались корни, заложенные духовным образованием.

Касаясь раннего периода жизни Сталина, нельзя не упомянуть об одном эпизоде, происшедшем уже в 1938 году. Узнав о подготовке к печати книги рассказов писательницы Веры Смирновой о своем детстве, Сталин направил в Детиздат записку: «Книга изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, "добросовестные" брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом. Но не это главное. Главное состоит в том, что книжица имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория "героев" и "толпы" есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ — говорят эсеры. Народ делает героев — отвечают эсерам большевики. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу».

Показательно и отношение Сталина к пьесе Михаила Булгакова «Батум», написанной в 1939 году и посвященной раннему, батумскому периоду революционной деятельности Сталина, его боевому крещению..

Домыслов, которые не имеют под собой никаких оснований, вокруг этой пьесы много. Доходит дело вплоть до того, что писатель якобы пытался добиться своей пьесой благосклонности вождя. Но мы оставим их на совести сочинителей, которые всеми силами пытаются подорвать доверие читателей к правдивому и талантливому произведению.

Пьеса «Батум» отражает лишь короткий период в жизни Сталина, но она помогает понять, какими лишениями и опасностями была чревата избранная им дорога, задуматься, во имя чего люди выбирают судьбу, которая не сулит им ничего взамен утраченного спокойствия и других обычных человеческих радостей. Сталину (а он понимал толк в большой литературе) пьеса понравилась. Однако, как хорошо известно, он посчитал ее постановку преждевременной.

Написание этой пьесы, как и все творчество Булгакова, лишний раз доказывает нелепость утверждения, что советские писатели создавали свои произведения по принуждению. Ладно, некоторые критики не воспринимают Горького, Шолохова, Фадеева и других крупных художников слова, полагая, что они состояли у партии на службе. Но ведь Булгаков еще с двадцатых годов считался оппозиционным писателем, использовал, как говорилось тогда в одной из статей Большой советской энциклопедии, «теневые стороны советской действительности в целях ее дискредитирования и осмеяния». Стоял на крайнем правом фланге современной русской литературы, являясь «художественным выразителем буржуазных слоев нашего общества».

Писал стихи о Сталине и Борис Пастернак. Два его стихотворения были опубликованы 1 января 1936 года в газете «Известия». Нетрудно догадаться, почему более поздняя критика расценила стихи Пастернака как «самый крайний для Пастернака компромисс с властью». Сам же автор считал, что это была «искренняя, одна из сильнейших... попытка жить думами времени и ему в тон». Но кому важно его собственное мнение, если представляется повод лишний раз «изобличить» нравы эпохи?

...С юных лет Сталина всегда отличали целеустремленность, способность добиваться необходимых результатов в любом деле. «Коба» («Неукротимый») — так звали его товарищи по подпольной работе. По Марксу, классовая борьба — это «внутренняя гражданская война». А на войне как на войне. Сейчас даже трудно представить себе, что почти весь отрезок жизни Сталина с начала его революционной деятельности по 1917 год представлял собой сплошную цепь арестов, тюрем и ссылок. Впрочем, многих это просто не интересует — цели иные.

Пять побегов из ссылки! Ничто не могло сломить волю человека, убежденного в правоте своего дела. В то же время постоянная жизнь вне закона, огромные лишения, безусловно, наложили свой отпечаток и в

какой-то мере ожесточили его.

Дооктябрьский период своей жизни Сталин называл «школой революционного ученичества». Взыскательная оценка, если учесть, что на такую «учебу» понадобилось около двадцати лет. Хочется подчеркнуть, что он очень скромно оценивал свое место в революционном движении того времени: «Как практический работник, я был тогда, безусловно, начинающим».

Характерно отношение Сталина к окружающим его соратникам по борьбе, обладавшим более значительным стажем революционной работы: «В сравнении с этими товарищами я был тогда молокососом...» Называл он себя и «подмастерьем революции», и в этом не было позерства, а заключалось огромное уважение к людям, которые вели его по жизни.

Однако в целом Сталин конечно же умалял свою роль в дореволюционной борьбе. Ведь уже с девятнадцати лет он входит в состав социал-демократической организации «Месаме-Даси», а затем, под влиянием ленинской «Искры», принимает активное участие в издании пролетарской газеты «Брдзола» («Борьба»).

Изменилась среда, а вместе с ней и характер его революционной деятельности с тех пор, как он возглавил пропагандистскую работу среди рабочих Главных железнодорожных мастерских Тифлиса. Важными вехами биографии Сталина явились организация в 1900 году на этом предприятии забастовки, к которой присоединились рабочие других фабрик, и первомайской демонстрации в грузинской столице. Уже в следующем году маевка проходит под лозунгами, призывающими к свержению царского режима, что означает переход от просветительской деятельности марксистских кружков, которые вел Сталин, от организации стачек с экономическими требованиями к политической борьбе с существующим государственным строем. В этом же году Сталин избирается членом Тифлисского комитета РСДРП.

И это далеко не полный «послужной список» начала его революционной деятельности.

В чем невозможно переоценить роль Сталина, так это в соединении стихийного рабочего движения с марксизмом. Только таким путем можно было добиться превращения растущих выступлений трудящихся в сознательную борьбу против угнетения. В одной из ранних своих работ «О партийных разногласиях», написанной в мае 1905 года, Сталин рассуждает следующим образом:

«Что такое научный социализм без рабочего движения?» Компас, который, будучи оставлен без применения, может лишь ржаветь, и тогда его пришлось бы выбросить за борт.

Что такое рабочее движение без социализма? — Корабль без компаса, который и так пристанет к другому берегу, но, будь у него компас, он достиг бы берега гораздо скорее и встретил бы меньше опасностей.

Соедините то и другое вместе, и вы получите прекрасный корабль, который прямо понесется к другому берегу и невредимым достигнет пристани».

Какой вывод из этого мы можем сделать для себя сегодня? Каким бы правильным ни представлялся для многочисленных современных движений и организаций — и в России, и за рубежом, — именующих себя коммунистическими, тот «марксизм», который они проповедуют, он навсегда останется «продуктом» для внутреннего пользования и будет «ржаветь», если оторван от жизни и не находит себе применения.

С другой стороны, если в стране еще не созрели условия для подлинно массового политического движения трудящихся против своих угнетателей, то никакая, даже самая «умная», теория не сможет стимулировать этот процесс. Не говоря уже о тех изысканиях многих нынешних «теоретиков», которые основывают свои взгляды на современное движение грудящихся по принципу «Чем хуже — тем лучше». Увы, полный развал экономики страны и катастрофическое обнищание масс, как свидетельствует практика минувших лет, заметного влияния на радикализацию настроений общества не оказали.

В то же время коммунистам чужд исторический фатализм, они не приемлют тактику пассивного ожидания, пока «вызреет» революционная ситуация. Материалистический взгляд на исторический процесс невозможен без понимания, что историю делают люди. И без их волевых усилий и практической деятельности ничто не происходит само по себе. Но если научная мысль плетется в хвосте событий, то неизбежно возникают провалы на практике. Развал СССР и КПСС наглядно подтверждает это, ибо фатальных причин поражения социализма не было, а возникшие проблемы при наличии глубокого научного анализа развития событий и политической воли партийного руководства могли быть решены иным путем.

Приходится еще сталкиваться со взглядом на социалистическую революцию как на одноразовый акт, как на переворот, единственное сражение, призванное коренным образом изменить положение трудящихся. Однако — в этом убеждает и опыт Октябрьской революции, и особенности общественных процессов современности — это всегда целая

эпоха обостренных классовых конфликтов, длинный ряд битв по всем фронтам, по всем вопросам экономики и политики.

Революции не делаются по заказу. Сталин уловил этот важный момент и предупредил о необходимости соблюдения ленинского принципа — «не обгонять развитие масс, не декретировать движение масс, не отрываться от масс, а двигаться вместе с массами и двигать их вперед, подводя их к нашим лозунгам и облегчая им убедиться на собственном опыте в правильности наших лозунгов».

Когда на II съезде РСДРП произошло размежевание партии, Сталин сразу же полностью поддержал позицию Ленина и его сторонников. Он безоговорочно признал в Ленине вождя революционного движения в России и ни при каких обстоятельствах не позволял кому-либо усомниться в этом. Главной заслугой Ленина он считал создание им политической партии, которая оказалась в состоянии взять власть в России.

Только пролетарская партия может указать дорогу к социалистическому обществу. Эту принципиальную ленинскую мысль Сталин всецело поддерживал и развивал. Многие рабочие организации, говорил он, «не могут выйти за рамки капитализма, ибо целью их является улучшение положения рабочих в рамках капитализма. Но рабочие хотят полного освобождения от капиталистического рабства, они хотят разбить эти самые рамки, а не только возвращаться в рамках капитализма».

В этом кроется коренное отличие людей, считающих себя коммунистами, от тех, кто называет себя социал-демократами. В нашем обществе кремлевские политехнологи смогли вывести и новый, третий сорт партии — «Справедливую Россию», ставшую левой подпоркой действующей власти. «Эсэры» настойчиво пытаются примазаться к коммунистическому движению и подорвать КПРФ изнутри, рассуждают едва ли не о единстве своих целей с задачами Компартии. Постоянно пускают в нашем обществе провокационные слухи то об объединении с Компартией, то о выступлении с ней «единым фронтом». Удивляют многочисленные заявления «Справедливой России» о своем намерении строить социализм, не выходя за рамки капитализма. В народе такой социализм окрестили «небритым»...

Выходец из народа, Сталин высоко ценил в Ленине скромность и считал это качество одной из самых сильных сторон его как вождя «простых и обыкновенных масс, глубочайших "низов" человечества». Поэтому он и сам опору на народные, в первую очередь пролетарские, массы считал важнейшим условием достижения поставленных целей. Он не только объявлял себя последовательным выразителем позиции, наиболее отвечающей интересам трудящихся России, но и доказывал верность этому принципу во всех своих практических делах. Именно это помогло ему преодолеть сопротивление многочисленных противников внутри

партии, когда стоял вопрос о выборе путей социалистического строительства. Добиться невиданного подъема страны в годы первых пятилеток, мобилизовать людей на отпор врагу в Великой Отечественной войне.

Люди верили ему, потому что чувствовали искреннее уважение к себе со стороны Сталина, видели, что его слова никогда не расходятся с делом. В этом, на наш взгляд, заключается основная причина безоговорочной поддержки его линии большевиками «Ленинского призыва» в трудный период внутрипартийной борьбы или тех горячих отзывов, которые неизменно находили в народе все его прямые обращения к людям.

В то же время шаткость большей части старой интеллигенции, воспитанной в традициях дореволюционного времени, особенно часто проявлявшаяся в ее отношении к советской власти, вызывала у Сталина недоверчивое отношение к ней, что порой необоснованно сужало социальную базу революционного процесса.

Еще в своей статье «Коротко о партийных разногласиях» Сталин, например, так трактует главную причину партийных разногласий между большевиками и меньшевиками: «В нашей партии выявились две тенденции, тенденция пролетарской стойкости и тенденция интеллигентской шаткости». Излишне говорить, что Сталину больше были по душе стойкие и сильные люди, но не «хлюпики» из интеллигентской среды. Более того, он считал, что слабовольные люди являются наиболее опасными в жизни.

Сталин назвал свою революционную работу в Баку, которая пришлась на 1909—1910 годы, «вторым боевым крещением». Это было тяжелейшее для партии время, когда она еще не оправилась после тяжелого поражения в первой русской революции и ей не хватало сил для преодоления того давления, которое на нее оказывалось царским правительством. Под его ударами шло резкое снижение численности партии. По существу, стоял вопрос о том, быть пролетарской партии или не быть.

В это трудное для партии время в статье «Партийный кризис и наши задачи», опубликованной в газете «Бакинский рабочий», Сталин писал, что из партии в первую очередь побежали неустойчивые, большинство которых составляла (опять-таки!) интеллигенция, или, как он назвал ее представителей, «гости партии». Именно поэтому он считал важным укреплять рабочую прослойку в руководстве партии. «Необходимо, — говорил он, — чтобы опытейшие и влиятельнейшие из передовых рабочих находились во всех местных организациях, чтобы дела организации сосредоточивались в их крепких руках, чтобы они, и именно они, занимали важнейшие посты в организации, от практических и организационных вплоть до литературных».

Характерно, что много лет спустя на параде, который состоялся на Красной площади 7 ноября 1941 года, он произнес следующие слова: «Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигенции».

Естественно, что такое предубеждение передавалось народным массам, которые также относились к интеллигенции с недоверием, тем более что у значительной ее части корни уходили в дореволюционное время и она не была связана должным образом с рабочими и крестьянством.

И все же, вместе с успехами в социалистическом строительстве, позиция Сталина претерпевала серьезные изменения. В докладе на XVIII съезде партии интеллигенции был посвящен целый раздел. В нем отмечалось, что «интеллигенция за период советского развития успела измениться в корне как по своему составу, так и по своему положению, сближаясь с народом и честно сотрудничая с ним, чем она принципиально отличается от старой, буржуазной интеллигенции... Сотни тысяч молодых людей, выходцев из рядов рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции пошли в вузы и техникумы... Они влили в интеллигенцию новую кровь и оживили ее по-новому, по-советски. Они в корне изменили весь облик интеллигенции по образу своему и подобию. Остатки старой интеллигенции оказались растворенными в недрах новой, советской, народной интеллигенции. Создалась, таким образом, новая, советская интеллигенция, тесно связанная с народом и готовая в своей массе служить ему верой и правдой».

Наверное, в самое тяжелое время — в периоды подготовки революции, строительства социалистической экономики, смертельной схватки с фашизмом — у Сталина были основания сомневаться в преданности наиболее шаткой части интеллигенции социалистическим идеалам. Поэтому у определенной группы интеллигентов несомненно были основания платить ему «взаимностью», что и привело в конечном счете к антисталинской вакханалии, поднятой в конце восьмидесятых годов прошлого века.

Следует отметить, что, безоговорочно признавая высочайший авторитет Ленина, Сталин никогда перед ним не заискивал и слепо за ним не шел. Это проявилось позднее и в его теоретической деятельности, о чем еще будет говориться. А в период работы в Баку он довольно резко критикует ЦК, который возглавлял в то время Ленин, настойчиво добиваясь создания общерусской политической газеты, которая, по его замыслу, должна была стать центром всей партийной работы, могла связать местные партийные организации.

Замечания Сталина были учтены VI Пражской конференцией РСДРП, которая избрала в состав ЦК и созданного Русского бюро ЦК большое количество партийцев пролетарского происхождения. Достаточно вспомнить имена Калинина, Петровского, Бадаева и ряда других

деятелей партии. То, что руководство РСДРП укрепили люди, отражающие интересы рабочего класса России, позволило Сталину впоследствии утверждать, что «Пражская конференция положила начало партии нового типа, партии ленинизма, большевистской партии». Соответствовало ли это на самом деле действительности?

Как бы то ни было, в преддверии нового подъема рабочего движения это был перелом традиций, сложившихся к тому времени в РСДРП, который, вне всякого сомнения, оказал позитивное воздействие на деятельность всей партии. Некоторые исследователи делают чересчур громкие заявления, считая, что Сталин со своими сторонниками совершил в партии «настоящую пролетарскую революцию». Однако в том, что противостояние «"эмигранты-теоретики" — "практики"» до Пражской конференции существовало, они, конечно, правы. Во всяком случае, на конференции от руководства партией было отстранено много эмигрантов, привыкших находиться за границей в безопасности. Проявляя склонность к теоретизированию и абстрактным умозаключениям, на самом деле многие из них очень туманно представляли себе реальную политическую обстановку в России, настроения людей.

Огромным событием в истории партии явился выход 5 мая 1912 года первого номера газеты «Правда» — той самой «общерусской газеты», создания которой добивался Сталин и которая стала издаваться по решению Пражской конференции. С тех пор вот уже почти 100 лет газета «Правда» находится на переднем крае, в авангарде политической борьбы трудящихся за социальную справедливость.

В том же году на Сталина было возложено руководство деятельностью фракции большевиков в Государственной думе. Как и предшествующие внутрипартийные назначения, о которых мы говорили, это стало важной ступенью укрепления его авторитета в партии и означало выдвижение на руководящие роли в РСДРП.

Пройденный Сталиным путь с начала его революционной деятельности позволяет нам сказать, что это был не «карьерный» путь к власти, а закономерное и объективное восхождение к ведущим позициям в партии.

В 1917 году, возвратившись после Февральской революции в Петроград из туруханской ссылки, Сталин руководит редакцией «Правды», избирается в состав президиума бюро ЦК партии, делегируется в исполком Петроградского Совета. В отсутствие Ленина он фактически возглавляет партию. А соратники по партии называют его между собой «Мастер революции», чем он очень гордился и тогда, и в более позднее время.

«Апрельские тезисы» В. И. Ленина, возвестившие о возможности прорыва к социализму, взорвали политическую жизнь России, в том числе вызвали смятение и в руководстве партии. Тезисы рушили известный догмат, согласно которому социалистическая революция возможна только в развитой капиталистической стране, где сконцентрирован промышленный пролетариат. Призыв к пролетарской революции в крестьянской России многим казался немыслимой авантюрой. Плеханов, в частности, оценил ленинские тезисы как «бред сумасшедшего». Решительно выступили против них Рыков и другие деятели партии.

Сталин же встал на сторону Ленина безоговорочно и пошел за ним без колебаний, потому что смог по достоинству оценить ленинский метод выработки стратегии политической борьбы. Союз рабочего класса и крестьянства, опора на революционный потенциал крестьянства — русского в первую очередь, при ведущей роли пролетариата — это был русский путь в социалистической революции. Ленин предлагал не «русификацию» марксизма, в чем его обвиняли, а диалектическое его использование в соответствии с национально-историческими особенностями России.

Сталину был чужд закоснелый подход к делу, при котором руководствуются устоявшимися партийными догмами без учета реальной обстановки. Не только присущую ему твердость, но и невиданную ранее гибкость он проявил в июльских событиях 1917 года. Речь тогда шла о том, пойти ли вслед за большой группой нетерпеливых большевиков и поддержать попытку захвата власти Советами или удержать партию от преждевременного выступления и спасти ее от неминуемого разгрома, который был бы неизбежен в случае первого варианта развития событий. Обстановку до предела накалили члены партии, требовавшие немедленного установления советской власти.

Сталину пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы охладить горячие головы, а также, вопреки мнению многих членов ЦК, убедить Ленина скрыться от сыщиков Временного правительства за границей, так как был отдан приказ о его аресте. Сталин был убежден, что, если бы Ленин был арестован, расправа вслед за этим последовала бы незамедлительно. Ведь поводом для ареста послужило очередное, уже не новое, обвинение Ленина в том, что он является германским агентом (впервые оно было сфабриковано после возвращения Ленина в Россию через Германию), а июльское восстание было поднято якобы по указанию немецкого правительства. Дискредитация большевиков в глазах народных масс таким провокационным способом пришлось по душе не только Временному правительству, но и всем анти-большевистским силам тех дней. Через 70 с лишним лет этот «сильный ход», подготовленный в свое время контрразведкой Петроградского военного округа, будет активно использован в целях дискредитации КПСС преемниками циничных «традиций» антикоммунизма.

В самый разгар июльских событий Сталин так сформулировал главные задачи: «Первая заповедь — не поддаваться провокации контрреволюционеров, вооружиться выдержкой и самообладанием, беречь силы для грядущей борьбы, не допускать никаких преждевременных выступлений». Он убеждал тех, кто надеялся на скорую победу: «Наш пароль: стойкость, выдержка, спокойствие». В ночь на 5 июля ЦК большевистской партии принял решение призвать рабочих и солдат прекратить уличные демонстрации. На экстренной конференции петроградских большевиков, состоявшейся во второй половине июля, когда накал ситуации в стране несколько ослаб, Сталин заявил, что главный вопрос состоит не в том, могли взять власть большевики или нет, а в том, могли ли они удержать власть.

Находясь в Разливе, Ленин дал высокую оценку такой тактике, позволившей партии сохранить свои ряды во время политического кризиса. «Передовые отряды пролетариата, — писал он, — сумели выйти из наших июньских и июльских дней без массового обескровления. Партия пролетариата имеет полную возможность выбрать такую тактику и такую форму или такие формы организации, чтобы внезапные (будто бы внезапные) преследования... не могли ни в коем случае прекратить ее существование и ее систематическое обращение со своим словом к народу».

С учетом политической обстановки в стране большевики после июльских событий отказались от лозунга «Вся власть Советам!». Они вернулись к нему только после Корниловского мятежа, когда перед угрозой установления в стране военной диктатуры и в результате решительных действий левых сил по ее предотвращению распался единый антибольшевистский фронт. Корниловское восстание, писал Сталин в сентябре 1917 года, «только развязало связанную было революцию, подстегнув ее и толкнув вперед».

Но еще раньше состоялся VI съезд партии, на котором в отсутствие Ленина Сталин делает основной доклад о политическом положении и обосновывает новый курс партии — курс на вооруженное восстание.

Временный отказ от лозунга «Вся власть Советам!», как мы видим, ни в коем случае не означал отказа от борьбы большевиков за власть.

Очень похожая ситуация сложилась в России накануне и во время октябрьских событий 1917 года. До сих пор руководству КПРФ предъявляют обвинения в нерешительности, в соглашательстве, а также в том, что партия после расстрела защитников Дома Советов пошла на выборы, получившие название «Выборы на крови». Среди «обвинителей» немало тех, кто, используя в то время напряженность вокруг Верховного Совета, пытался реализовать свои личные цели и амбиции. Нужно было быть совершенно оторванными от жизни, чтобы не увидеть тогда, что основная масса людей, обманутая обещаниями слад-

кой жизни, отравленная психологией мелких лавочников, была пассивна и не только не готова к решительным действиям против наступающей ельцинской диктатуры, но и поддерживала позицию Ельцина. Нетрудно понять, чем было чревато в условиях произошедшего раскола общества вооруженное противостояние.

Напрасно нам говорят, что Компартия тогда упустила свой шанс в борьбе за власть — таких шансов просто не было, а нагнетание обстановки, расширение масштабов стихийных выступлений только бы спровоцировали более тяжкие последствия, более страшную кровавую бойню, чем та, которая была развязана ельцинистами.

Время только подтвердило правильность позиции, занятой в те дни руководством КПРФ. Благодаря выдержке ее руководителей удалось спасти партию, не дать спровоцировать ее на открытое выступление против одурманенных опричников Ельцина, расшибить о стену непонимания со стороны широких масс. Это позволило буквально прорваться в Государственную думу и использовать ее трибуну для защиты интересов народа, для того чтобы открыть глаза людям на преступления Ельцина и его пособников, для усиления легальной работы на местах. А что касается главной исторической перспективы, то КПРФ боролась и борется не за свою долю во власти, а за установление подлинного народовластия и справедливости, за то, чтобы вместе с соратниками взять власть в свои руки.

Не проводя прямых параллелей между временем, предшествовавшим Октябрю, и сегодняшним днем, можно в качестве примеров привести и другие схожие ситуации. Так, характеризуя тяжелый период в жизни партии, который пришелся на годы реакции после первой русской революции, Сталин признавал, что партия была тогда вынуждена «перейти на тактику отступления», ибо наступил отлив революции и упадок революционного движения. «Соответственно с этим, — писал он, — изменились и формы борьбы, так же как и формы организации. Вместо бойкота Думы — участие в Думе, вместо открытых внедумских революционных выступлений — думские выступления и думская работа, вместо общих политических забастовок — частичные экономические забастовки или просто затишье».

В преддверии Октября Сталин обосновывает возможность победы социалистической революции в России независимо от того, свершатся или нет революции в европейских странах, от обстановки, складывающейся в них. На VI съезде РСДРП(б), который проходил в условиях подполья 26 июля — 3 августа 1917 года, он фактически открыто выступил против тех, кто не верил в возможность подобного развития событий в России и рассматривал будущую революцию только в контексте раздувания «мирового пожара», — в неизбежность мировой революции верили большинство членов партии, она считалась само со-

бой разумеющимся делом.

Резко выступая на съезде против позиции Преображенского, которую активно поддерживает и Бухарин, Сталин прямо заявил о возможности такого развития событий, при котором «именно Россия явится страной, прокладывающей путь к социализму». Он предлагал своим соратникам «откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь». «Существует марксизм догматический и марксизм творческий, — говорил в связи с этим Сталин. — Я стою на почве последнего». Обосновывая предпосылки социалистической революции в России, он обратил внимание делегатов VI съезда на ее базу, которая была шире, чем в Европе, и на поддержку рабочего движения беднейшими слоями крестьянства.

Заметим, что позднее устремленные на Запад мечты подогрели события в Германии, где социалисты, составлявшие большинство депутатов рейхстага, подняли всеобщую стачку и заставили Вильгельма II отречься от престола. В Баварии провозгласили Советскую республику, а Карл Либкнехт даже объявил Советской республикой всю Германию. Но не зря говорил Сталин в июле 1917 года, что главный вопрос состоит не в том, чтобы взять власть, а в том, чтобы ее удержать. Вот этого-то сделать немецкие революционеры как раз и не смогли. По иронии судьбы, брожение масс и ожидание нового революционного подъема немецких рабочих обернулись «пивным путчем» Гитлера в Мюнхене...

Надо сказать, что и сам Сталин некоторое время находился под воздействием надуманных лозунгов о неизбежности всемирной революции, той общей психологической атмосферы, в которой многие вещи кажутся уже потому правильными, что так считает большинство. Но победил рассудок, жизненные реалии взяли верх. Идя наперекор сложившемуся мнению, он отстаивал свою позицию, основанную на вере в возможности России: «Некоторые товарищи говорят, что так как у нас капитализм слабо развит, то утопично ставить вопрос о социалистической революции.

Они были бы правы, если бы не было войны, если бы не было разрухи, не были бы расшатаны основы капиталистической организации народного хозяйства... Было бы недостойным педантизмом требовать, чтобы Россия "подождала" с социалистическими преобразованиями, пока Европа не "начнет". "Начинает" та страна, у которой больше возможностей».

Эти слова были сказаны еще за три месяца до Октября, до того, как власть, по утверждению некоторых историков, якобы сама «свалилась» прямо в руки большевиков. Кстати, с таким утверждением молчаливо соглашались сейчас и некоторые коммунисты, не способные понять, что такой взгляд на социалистическую революцию — большая историческая

ложь. Она напрочь игнорирует тяжелые годы огромной подготовительной работы, замалчивает многочисленные жертвы, которые были принесены большевистской партией во имя победы в нашей стране социализма.

В октябре 1917 года, накануне революционных событий, Сталин избирается в состав Военно-революционного комитета, руководившего вооруженным восстанием, а сразу после его победы входит в Совнарком как народный комиссар по делам национальностей. Он также избирается в состав бюро ЦК (так называемой «четверки»: Ленин, Сталин, Троцкий, Свердлов) и, таким образом, становится одним из руководителей страны.

«Русский прорыв» — так оценивал Сталин Октябрьскую революцию и ее победоносное шествие. Этими словами он подчеркивал не только выдвижение России на ведущие позиции среди крупнейших и более развитых капиталистических стран, но и характер, национальные особенности Октября, авангардную роль в революционном процессе русского рабочего класса. Это положение, значительно развитое и обогащенное применительно к новым условиям, помогает современным коммунистам найти верный ответ на вопрос, что такое «русский социализм» и что составляет суть борьбы КПРФ за его победу.

А этот вопрос, как правило, с претензией на иронию, ставят в основном те, кто хочет выхолостить национальное содержание из социальных отношений, как в паспортах они вытравивали пункт о национальной принадлежности людей. Его ставят те, кто сомневается в способности русского народа возглавить борьбу всех народов России за социализм и национальное освобождение.

Нетрудно заметить, где эти люди черпают свое вдохновение. Когда Сталин, будучи, заметим, грузином, с гордостью говорил о «русском прорыве», ярый русофоб Троцкий утверждал, что Россия самой природой приговорена на долгую отсталость, что ее культура является «лишь поверхностной имитацией высших западных моделей и ничего не внесла в сокровищницу человечества». Низкого мнения о русских был и Бухарин, который инициировал нападки на творчество Есенина, относился к истории России как к «рабскому» прошлому. Перепевы всех этих и подобных им суждений мы слышим едва ли не каждый день на протяжении и двух последних десятилетий.

Стоит сопоставить подобные мнения с позицией Сталина, которая хорошо видна в его письме поэту Демьяну Бедному от 12 декабря 1930 года. «Весь мир признает теперь, — писал Сталин, — что центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию... Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу, и прежде всего русскому рабочему классу... А Вы? Вместо того чтобы осмыслить этот величайший в истории революции

процесс... стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что "лень" и стремление "сидеть на печке" является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит — и русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими».

Очерняя Ленина и Сталина, подельщики нынешней власти из идеологического цеха любят представить людей, противостоящих большевикам, находящимся от них по другую сторону баррикад, в первую очередь белых генералов, как идеальных героев, наделенных всевозможными талантами и непревзойденными качествами, борцами за спасение России. Действительно, знакомясь со страницами Гражданской войны, мы видим среди руководителей Белого движения и интересных людей, талантливых военачальников. Но это не меняет сути дела: большинство «спасителей» России — это те, кто поддержал интервенцию западных держав, кто развязал в стране Гражданскую войну, кто отличался невиданной жестокостью по отношению к мирному населению, не брезговал самыми грязными методами террора и насилия.

Именуя себя «патриотами», они с энтузиазмом восприняли оккупацию странами Антанты Мурманска и Дальнего Востока, связывали свои надежды с восстанием чехословацкого корпуса. Конечно, основная причина восстания чехословацкого корпуса заключалась не в приказе о его разоружении после массовой драки в Челябинске, а в том, что поднятый мятеж отвечал интересам французского правительства. Кстати, этот корпус, насчитывающий около 45 тысяч человек, сумел взять под контроль почти все города Транссибирской магистрали и делал попытки продвижения в центральную часть России. А сформированная на юге страны Белая гвардия имела тесные связи и с чехословаками, и с савинковцами, поднявшими в июле 1918 года мятеж в Ярославской губернии.

Четырнадцать государств во главе с Англией, Францией, Японией, США ополчились против молодой Советской республики. Англия, например, в поддержку белогвардейской армии решила выстроить блокаду, которая должна была сжать удушающее Россию кольцо. Осуществлять ее предполагалось по схеме: Балтийское море, Финляндия, Карелия, Русский Север — Транссибирская магистраль — Владивосток — Туркестан, Кавказ, Кубань, Дон, Черное море — Румыния, Польша.

Характерно, что Уильям Donovan, крупнейший американский разведчик, который считается «духовным отцом» ЦРУ, свою карьеру в разведке сделал после Первой мировой войны, когда Госдепартамент назначил его офицером по связи с антибольшевистской «белой» Россией (см.: Daninos F. CIA. Une histoire Politique 1947-2007. Paris, 2007).

Не будь помощи Антанты — внутренняя контрреволюция никогда бы не решилась развязать в стране Гражданскую войну.

По поводу «благородных патриотов» России Сталин писал в конце 1919 года: «Деникин и Колчак несут с собой не только ярмо помещика и капиталиста, но и ярмо англо-французского капитала. Победа Деникина — Колчака есть потеря самостоятельности России, превращение России в дойную корову англо-французских денежных мешков. В этом смысле правительство Деникина — Колчака есть самое антинародное, самое антинациональное правительство...»

Все Белое движение было накрепко связано с интервенцией, полностью зависело от решений, принимаемых в Париже, Лондоне и Вашингтоне. Идею верности западным союзникам Деникин и Колчак не подвергали никакому сомнению. Хотя они прекрасно знали, что ценой возможной победы, если таковая произойдет, станет колонизация России. Украина попадала бы под протекторат Франции, Азербайджан, Кавказ и Закавказье — Англии. Даже такой известный деятель российского либерализма, как П. Милюков, признал в 1920 году, что на Западе «теперь выдвигается в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России как колонии ради ее богатств и необходимости для Европы сырых материалов».

Париж и Лондон удовлетворяли все запросы Колчака и Деникина, но делалось это под залог в виде трети золотого запаса России, в обмен на отказ от национальных интересов. Одним из условий оказания Западом помощи белой армии был лозунг «К Учредительному собранию!». Это означало утверждение в России либерально-буржуазного парламента по европейским лекалам.

Русский патриотизм вождей Белого движения с их девизом «За единую Россию!» был всего лишь риторикой, ширмой прикрытия их прозападных интересов. На территориях, занятых интервентами и белыми, восстанавливался дореволюционный порядок, земля отдавалась в руки помещиков, скинутых революцией, ликвидировались все революционные завоевания, провозглашенные в первых декретах советской власти. Особое неприятие крестьян белые вызывали тем, что Колчак и Деникин отменили декрет о национализации земли.

Ответной мерой руководства РСДРП(б) и Совнаркома на бесчинства белогвардейцев и солдат Ан-танты стал «красный террор». Входила ли эта мера в планы правительства молодой Советской республики или была вынужденной?

Ленин по этому поводу писал: «Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы

продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты.

И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле».

Конечно, создавая Красную армию фактически заново, с «чистого листа», нельзя было рассчитывать на то, что она сможет самостоятельно защитить огромную территорию от западных границ до Дальнего Востока. Так, к началу Гражданской войны в ее рядах насчитывалось всего лишь 116 тысяч пехотинцев и около восьми тысяч кавалеристов. Советская власть смогла выстоять, только опираясь на широкие народные массы, воспринявшие главные лозунги Октября. В большинстве своем крестьянство приняло сторону Красной армии и оказывало ей помощь. Это — с одной стороны. А с другой — во многих регионах страны решающее значение на ход боевых действий оказывали отнюдь не регулярные части, а партизанские отряды, созданные из крестьян, простых русских мужиков, не пожелавших терпеть насилия белых и надеявшихся на большевиков. В первую очередь именно на сопротивление народа натолкнулись, например, армии Колчака, которые оказались бессильны против восставших крестьян и не смогли ничего поделаться с повсеместно создаваемыми крестьянскими республиками.

Гражданская война подтвердила способность Сталина братья за решение самых тяжелых и неблагоприятных вопросов, стоявших перед партией, — невзирая на опасности, совершенно не заботясь о том, как скажется выполняемая работа на личной репутации. Высказывая свое отношение к наделению Сталина в мае 1918 года чрезвычайными полномочиями в борьбе с голодом (сначала в центральной части России, а затем на юге республики), профессор истории и права Гарвардского университета Адам Улам обращает внимание на то, что выполнить подобную задачу способен далеко не каждый человек — «властолюбец предпочел бы сидеть в сравнительной безопасности в Москве, а не принимать на себя ответственность, чреватую многими опасностями, в зоне боевых действий».

И это — далеко не единственный факт реальной, а не вымышленной истории, опровергающий мифы о «прорыве» Сталина к власти, его диктаторских замашках. Хочется напомнить, что этот «диктатор» после завершения работы XV съезда ВКП(б), на котором была разгромлена троцкистско-зиновьевская оппозиция, а ее руководители исключены из

партии, в очередной, третий раз инициировал вопрос об освобождении его с поста генсека. Он заметил, что уже три года просит решить этот вопрос, а с разгромом оппозиции отпала-де необходимость удерживать его на этом посту. Однако пленум почти единогласно, при одном воздержавшемся, отклонил эту просьбу. Сталин даже пошел на хитрость и предложил ликвидировать пост генерального секретаря. Однако и здесь у него ничего не получилось — все выступили против его предложения.

Этот «диктатор», как свидетельствуют современники, находясь во главе государства, принимал решения только после всестороннего обсуждения их со своими коллегами и специалистами. Судя по целому ряду опубликованных воспоминаний, он с большим уважением относился к людям независимым, любил, когда ему открыто и честно возражали и отстаивали свое мнение. Он мог часами выслушивать человека и поменять точку зрения, если его собеседник мог доказать свою правоту, обосновать свои взгляды. Многочисленные свидетельства людей, близких к Сталину, полностью опровергают миф о том, что «властолюбивый, подозрительный и жестокий» Сталин плохо переносил возле себя людей ярких и самостоятельных. Наоборот, многие из тех, кто общался со Сталиным, отмечают его мягкость, обходительность, обстоятельность в спорах, которые никогда не выходили за рамки внутривнутрипартийной этики.

Верность методу коллективного творчества при решении сложных задач Сталин сохранил на всю жизнь. Например, участвуя в послевоенные годы в создании учебника по политэкономии, он справедливо считал, что такая работа по силам лишь коллективу авторов, и высмеивал тех, кто был готов взяться за нее в одиночку. Проект учебника стал предметом широкой дискуссии, состоявшейся в ноябре 1951 года.

Люди видели в Сталине живой пример народного руководителя, он наиболее полно отвечал их представлениям и вековым мечтам о своем вожде, способном поставить государство на службу народу, его коренным интересам. Они пошли за ним, потому что поняли и поверили: партия большевиков — это партия народа и для народа. Не случайно Лион Фейхтвангер, говоря о Сталине, заметил: «Он больше, чем любой из известных мне государственных деятелей, говорит языком народа...» Всенародная любовь к Сталину, как точно заметил знаменитый писатель, была чувством глубоко органическим, которое выросло «вместе с успехами экономического строительства. Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и за создание армии, обеспечивающей это новое благополучие».

Ощущая свое духовное родство с простыми людьми, Сталин был убежден, что в первую очередь именно благодаря им и состоялся прорыв России в число индустриально развитых стран мира. Он всегда подчеркивал свое уважение к партийцам «Ленинского призыва»,

проведенного в 1924 году, которые в большинстве своем были представителями рабочего класса и при нем составили костяк партии. К сожалению, подавляющее большинство этих людей не вернулось с полей сражений Великой Отечественной войны.

По любому принципиальному поводу Сталин всегда находил нужные, доходчивые слова, обращенные к народу, к широким партийным массам рядовых партийцев. Он получал от них неизменную поддержку, потому что политика, которую он проводил, действительно отвечала нуждам подавляющего большинства советского народа и его ядра — русского народа, на которого Сталин постоянно опирался и в повседневной работе, и в решении наиболее сложных проблем.

В беседе с Эмилем Людвигом, состоявшейся еще в декабре 1931 года, Сталин имел полные основания сказать: «...Если взять трудящееся население СССР, рабочих и трудящихся крестьян, представляющих не менее 90% населения, то они стоят за Советскую власть и подавляющее большинство их активно поддерживает советский режим. А поддерживают они Советский строй потому, что этот строй обслуживает коренные интересы рабочих и крестьян. В этом основа прочности Советской власти, а не в политике так называемого устрашения».

Сталина поддерживали не только партия и пролетариат, но и патриотически настроенные представители крестьянства, научной и творческой интеллигенции, военные специалисты, гражданские служащие, видевшие в нем последовательного и решительного защитника национальных интересов страны. Народ платил ему взаимностью, понимая и чувствуя, что Сталин верит в его силы, талант, способность к созидательной работе, а не рассматривает его как «человеческий материал» для сомнительных экспериментов.

Отсюда — готовность людей к подвигу, к самопожертвованию во имя Родины. Без этого невозможно было в годы Великой Отечественной войны обеспечить защиту своего Отечества от фашистских агрессоров и добить страшного врага в собственном логове.

Эту внутреннюю, прочную взаимосвязь вождя и народа, пожалуй, лучше других уловил патриарх Алексей, который в день похорон Сталина произнес незабываемые слова: «Упразднилась сила великая, нравственная, общественная: сила, в которой народ наш ощущал собственную силу».

По многочисленным свидетельствам современников, Сталин очень любил детей, без труда находил с ними общий язык. А это уж совсем не вяжется с бытующим в некоторых кругах мнением о Сталине как о бесстрашном, холодном человеке, лишенном простых человеческих чувств. Став во главе страны, он не раз возвращался к своим детским

мечтам о счастье, представлениям о мире и переносил их на почву великой советской державы, где они дали обильные всходы. Несмотря на свою занятость, он находил время для того, чтобы заниматься проблемами пионерской организации. Например, на вопросах ее работы он подробно остановился в своем докладе на XIII съезде партии в мае 1924 года. Именно в сталинское время сложились практически все традиции пионерии, которые хорошо знакомы нам по более позднему периоду.

И, наконец, всех подкупали его высокая требовательность к себе в работе и в личной жизни, исключительная скромность в быту, аскетический образ существования. Человек «кристаллический» — так одним словом охарактеризовал его личные качества маршал Голованов. Никаких двойных стандартов. На примере жизни Сталина все убеждались в явном социальном и бытовом равенстве представителей власти и народа, что, по большому счету, является началом реальной социалистической демократии, заменяемой ныне пустой болтовней о демократических ценностях.

...Первый крупный опыт Сталина по самостоятельному проведению военных операций был связан с обороной Царицына — будущего Сталинграда. Царицын обеспечивал сообщение с югом России, а богатства этого региона страны — хлеб, нефть, уголь, скот, рыба, — как писал тогда Сталин, — сами по себе распалили «алчные аппетиты хищников империализма... Взятие Царицына и перерыв сообщения с югом обеспечило бы достижение всех задач противников: оно соединило бы донских контрреволюционеров с казачьими верхами астраханского и уральско-ю войск, создав единый фронт контрреволюции от

Дона до чехословаков; оно закрепило бы за контрреволюционерами, внутренними и внешними, юг и Каспий; оно оставило бы в беспомощном состоянии войска Северного Кавказа».

Как видим, в анализе стратегической роли Царицына Сталин проявляет зрелое геополитическое мышление, которое позволит ему в дальнейшем найти верный путь к превращению страны в мировую державу.

В те тяжелые дни произошло событие, которое значительно подорвало доверие Сталина к военспецам старой армии. Начальник штаба округа бывший полковник царской армии Носович, являвшийся одним из организаторов обороны Царицына, тайно возглавил крупный заговор, призванный помочь белым взять город. Этот случай еще раз подтвердил мнение Сталина о необходимости сосредоточить усилия на создании нового командного состава из офицеров, вышедших из солдат и приобретших опыт в империалистической войне. Только таким образом можно было обеспечить взаимное доверие между командным составом и солдатами Красной армии.

А ведь история с Носовичем — далеко не единственный случай предательства. Массовым переходом военспецов на сторону белых была ознаменована так называемая «Пермская катастрофа», которую Ленин поручил расследовать Сталину как заместителю председателя Совета рабочей и крестьянской обороны. 5 января 1919 года партийно-следственная комиссия поставила в известность Ленина, что от 3-й армии «осталось лишь около 11 тысяч усталых, истрепанных солдат, еле сдерживающих напор противника». Как показало расследование, в котором участвовал Дзержинский, среди причин падения Перми в конце 1918 года были, помимо прочего, массовая измена и дезертирство красноармейцев. В связи с этим Сталин вместе с Дзержинским пришел к выводу, что необходимо «строго делить мобилизованных на имущих (ненадежные) и малоимущих (единственно пригодные для красноармейской службы)».

На VII съезде партии в марте 1919 года Сталин высказался более определенно и жестко: «Я должен сказать, что те элементы, нерабочие элементы, которые составляют большинство нашей армии — крестьяне, не будут добровольно драться за социализм... Ряд бунтов в тылу, на фронтах, ряд эксцессов на фронтах показывают, что непролетарские элементы, составляющие большинство нашей армии, драться добровольно за коммунизм не хотят. Отсюда наша задача — эти элементы перевоспитать в духе железной дисциплины, повести их за пролетариатом не только в тылу, но и на фронтах, заставить воевать за наше общее социалистическое дело и в ходе войны завершить строительство настоящей регулярной армии, единственно способной защищать страну».

Но главное, что по итогам расследования событий в Перми Сталин и Дзержинский рекомендовали осуществить серьезные меры, касающиеся в целом социальной политики большевиков. Именно там они пришли к выводу, что декрет о чрезвычайном налоге превратился в опаснейшее оружие в руках кулаков для сплочения деревни против советской власти и стал одной из главных причин усиления контрреволюционных настроений в сельской местности.

Курс на союз с середняком, который включал в себя смягчение чрезвычайного налога, сыграл решающую роль в Гражданской войне, укрепил авторитет советской власти среди широких масс населения России.

По ряду высказываний Сталина можно судить, насколько глубоко запало ему в душу все то, что было пережито в Гражданскую войну, и особенно в 1918 году. Даже обращаясь к советским людям в тяжелейшие дни 1941 года, когда враг стоял у стен Москвы, он счел необходимым напомнить, что были дни, когда страна находилась в еще более тяжелом положении, что в 1918 году, когда на страну наседали четырнадцать государств, три

четверти страны находились в руках иностранных интервентов: Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток. У большевиков не было союзников, не было, по сути, Красной армии — она еще только создавалась — не хватало хлеба, вооружения, обмундирования. Но тогда удалось организовать армию, превратить страну в военный лагерь и разбить интервентов.

Во время Гражданской войны Сталин выдерживает колоссальные нагрузки. К его обязанностям добавляются новые — он назначается народным комиссаром государственного контроля. «Дело гигантское, — указывал Ленин, когда создавался Раб-крин. — Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах».

Ленин полагался на Сталина в больших и малых делах, ценил его работоспособность, часто ставил его в пример другим партийным деятелям. Он считал, что Сталину можно доверить выполнение любого поручения партии, видя, как тот всегда берется за самую тяжелую работу «не жалуясь и не капризничая». Именно по предложению Ленина в 1922 году Сталин стал генеральным секретарем ЦК партии.

Высочайшая ленинская оценка Сталина — это исторический факт, который не ставит под сомнение никто из профессиональных историков. И его невозможно опровергнуть, размахивая, например, «Письмом к съезду» и не утруждая себя попытками разобраться в том, а что же говорится в этом документе по сути, при каких обстоятельствах оно готовилось и обнародовано.

Сейчас лишь заметим, что Сталин не был новичком в руководстве партии. Он был членом ее ЦК с 1912 года, еще до того, как в его состав вошли Троцкий, Каменев, Бухарин. Именно Сталин (Ленин тогда находился в подполье) выступил с политическим отчетом ЦК на нелегальном VI съезде РСДРП(б), состоявшемся летом 1917 года. Он входил в Политбюро с момента его создания в 1919 году, когда в его составе было пять членов: Ленин, Троцкий, Каменев, Крестинский, Сталин. Не Сталин «втерся» в доверие «ленинской гвардии», в чем безуспешно пытаются нас убедить некоторые «историки», а Сталина старались оттеснить на задний план новые «звезды» партии, вроде Троцкого, Каменева, Бухарина и других.

...И снова — фронт, руководство обороной Петрограда, которому угрожал Юденич. В июле 1919 года Сталин уже на Западном фронте, а затем — на Южном, где сложилось тяжелейшее положение: наступление Деникина ставило под вопрос само существование советской власти.

Запаниковал председатель Реввоенсовета Троцкий, который заговорил о неизбежности поражения Красной армии в Гражданской войне. Исходя

из этого, он предложил свой «выход» — представил в Совет обороны план... переноса базы мировой революции из России в Индию. По его замыслу, следовало создать кавалерийский корпус численностью несколько десятков тысяч всадников и «сосредоточить где-нибудь на Урале или Туркестане революционную академию, политический штаб азиатской революции». Сейчас такое решение в час смертельной для России опасности вызывает лишь горькую улыбку. Трудно в это поверить, но тогда такие планы обсуждались всерьез.

Этот пример должен был заставить сторонников «объективной» оценки Троцкого задуматься, что он из себя представлял на самом деле и чем занимались люди из его окружения. Но, как мы уже говорили, у фальсификаторов истории иные цели.

В ноябре 1919 года заслуги Сталина при обороне Петрограда и организации наступления Южного фронта были отмечены Президиумом ВЦИК, который наградил его орденом Красного Знамени. А новый год открыл черную страницу в истории молодого Советского государства, которую вписали идеологи мировой революции. В ней оказалось очень много поучительного.

25 апреля 1920 года войска Польши, за спиной которой стояли ведущие страны Запада, вместе с отрядами Петлюры начали наступление на Украину. Оно было отражено, и части Красной армии, форсировав

Неман, продолжили наступление на территориях, где проживало коренное польское население. Это и явилось одной из главных причин трагедии.

Сталин предупреждал об опасности продвижения Красной армии вглубь Польши. Он писал в «Правде» о том, что «тыл польских войск является однородным и национально спаянным», а преобладающим настроением поляков является «чувство отчизны», которое передается польскому фронту. И далее он делает очень серьезное замечание: классовые конфликты в гылу Польши «еще не достигли такой силы, чтобы прорвать чувство национального единства и заразить противоречиями разнородный в классовом отношении фронт».

Как видим, в соотношении глубины классовых противоречий и чувства национального единства попикив, по мнению Сталина, явно перевешивало второе. Сталин высказывает трезвую и прямо противоположную настроениям значительной части партии мысль, которая, конечно, была совершенно неприемлема для тех, кто грезил мировой революцией и считал Россию лишь ее плацдармом. Ведь ради своих иллюзий они могли пожертвовать многим, в том числе и будущим России. Например, в 1919 году Троцкий перебрасывал свои войска ближе к западу, чтобы оказать помощь установившим советскую власть

рабочим Венгрии и Баварии, и тем самым поставил под угрозу судьбу Восточного фронта.

Скептицизм Сталина по отношению к перспективам возможных социалистических революций на Западе был вызван тем, что экономика крупнейших европейских государств, вступившая в полосу стабилизации, в значительной степени снимала социальную напряженность, а подавляющая часть населения этих стран не была готова жертвовать собой во имя лучшей жизни. Тем более в памяти миллионов людей еще свежи были воспоминания об империалистической войне, большинство участников которой, кстати, во время войны были охвачены националистическим угаром, не испытывая особенно чувства пролетарского интернационализма, не ощущая себя, о чем любили рассуждать троцкисты, бойцами армии «мирового пролетариата». Используя образное выражение Сталина, можно сказать, что в то же самое время «партии II Интернационала обрастали жиром и не хотели думать серьезно о революции, о диктатуре пролетариата, о революционном воспитании масс».

Это были реалии, которые упорно не хотели видеть радикально настроенные партийцы. Поэтому-то в середине 1920 года в руководящих кругах партии и бытовало странное на первый взгляд мнение, что взятие Варшавы будет сигналом для революции в Германии и других странах.

Командующий фронтом, двадцатисемилетний Тухачевский, который возглавил «поход за Вислу», издал по этому поводу красноречивый приказ: «Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на Запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству».

Как говорится в подобных случаях, комментарии излишни.

Сталин осуждал тех, кто призывал к маршу на Варшаву, не довольствуясь достигнутыми успехами на фронте. Однако его предупреждения об опасностях, с которыми придется столкнуться, были проигнорированы. 23 июля был отдан приказ захватить Варшаву. Решение о взятии польской столицы принималось несмотря на то, что членам Политбюро была хорошо известна позиция Сталина. В итоге этот план обернулся катастрофой.

По договору, подписанному в Риге в октябре 1920 года, к Польше отходили области Западной Украины и Западной Белоруссии. Но самое главное, десятки тысяч красноармейцев не вернулись домой. По данным исследователей, от 60 до 80 тысяч человек погибли в польских концлагерях. В своем большинстве они были казнены без суда и следствия или заморены голодом. Только в одном лагере Тухоль погибло

22 тысячи пленных красноармейцев. После этого противоречия между двумя странами углубились на долгие годы, завязались в тугую, сложный узел.

Жестокое поражение в Польше не поубавило пыла у тех, кто пытался разжечь «мировой пожар». Урок, как говорится, не пошел впрок. Как считал, например, Бухарин, «неудача заключалась только в том, что мы не разожгли мирового пожара и не взяли Варшаву». Более здравое суждение высказывал Радек: «В основе нашей ошибки лежала переоценка зрелости революции в Центральной Европе».

Как показала история КПСС и Советского государства, никто не сделал вывода из того, что «поход за Вислу» — в чистом виде провалившаяся попытка экспорта революции. Она была одной из первых, однако, как мы знаем, в более позднее время были и другие. К ним можно отнести послевоенное несозревшее изменение государственного строя в некоторых странах Восточной Европы, насаждение социализма в государствах, избравших путь независимости, войну в Афганистане. Одной из причин такого явления была догматическая трактовка тезиса о неизбежной смене общественно-экономических формаций. Совершенно очевидно, что допускались большие геополитические просчеты. Затраченные силы и средства не укрепляли положения СССР на международной арене, а оборачивались против него же.

Подобные действия, только под иной идеологической оболочкой, пытаются осуществить сейчас Соединенные Штаты Америки, которые насаждают «демократию» по-американски во всем мире. Но у них ничего не получается и не получится, хотя бы потому, что истинные цели другие: чаще всего США под надуманными лозунгами свободы и прав человека стремятся обеспечить себе новые доступы к энергетическим и иным природным ресурсам. Налицо разрушительный характер грубого вмешательства в дела других стран, взять, к примеру, войну в Ираке или бомбардировки и расчленение Югославии, последние события вокруг коренной славянской территории — Косова.

Меняются времена — суть явления остается прежней.

...Необходимо сказать, что победа в Гражданской войне не была оценена критически, хотя она была достигнута непомерно большой ценой. Усилился раскол общества. Жесткое деление страны на «красных» и «белых» стало на долгие годы непреодолимой линией размежевания людей. Обоснованное преобладание насильственных методов в управлении страной в годы войны наложило свой отпечаток на сознание руководителей страны, вырабатывало у них специфическую психологию и особый «стиль» мышления. Временные чрезвычайные меры грозили превратиться в постоянные, порождали беззаконие.

Это особенно полно проявилось в период коллективизации, когда руководители ряда районов угрозами и расправами принуждали крестьян к сдаче остатков зерна. Подавляющее большинство тех, кто осуществлял эти меры, были выходцами из города, они совершенно не знали деревни и смотрели на сельских жителей как на темных и жадных людей. Но суть в том, что они прошли суровую школу Гражданской войны и не представляли, что есть еще иные методы, кроме насилия и запугивания. Увы, это явление во многих областях приобрело угрожающие масштабы.

В ожидании мировой революции многие большевики рассматривали военное состояние общества, тяжелейшее положение основной массы населения как само собой разумеющееся и были бы не прочь вновь объявить страну военным лагерем, как это было вынужденно сделано в декабре 1918 года — тяжелейшая обстановка в стране тогда не оставляла выбора.

Так что Сталин был неодинок в своей внутренней готовности использовать, если понадобится, жесткие меры наведения порядка в государстве и в управлении страной. Однако им руководили принципиально иные мотивы, нежели ретивыми администраторами: Сталин исходил из того, что одной из важнейших задач страны является подготовка к новой, неизбежной войне с империалистическими государствами, которым не удалось задуть Советскую Россию в первые годы ее существования.

В годы Гражданской войны Сталин приобрел не только бесценные навыки непосредственного руководства боевыми действиями, которые такгодились впоследствии. Опыт участия в военной деятельности, безотлагательного решения непрерывно встающих все новых, важнейших хозяйственных и политических вопросов положительно сказался и на его государственном мышлении. Его отличало умение в череде многообразных дел выделить главное, сосредоточить на нем все силы, собрать в единый кулак все имеющиеся возможности.

Основываясь на суровом опыте реалий военного времени, Сталин всесторонне обосновал принципы борьбы и организации революционных масс, считал, что для их правильного использования необходимо соблюдать следующие главные условия:

«Во-первых. Выдвижение на первый план тех именно форм борьбы и организации, которые, более всего соответствуя условиям данного прилива или отлива движения, способны облегчить и обеспечить подвод масс к революционным позициям...

Во-вторых. Нахождение в каждый данный момент того особого звена в цепи процессов, ухватившись за которое можно будет удержать всю

цепь и подготовить условия для стратегического успеха.

Дело идет о том, — указывал Сталин, — чтобы выделить из ряда задач, стоящих перед партией, ту именно очередную задачу, разрешение которой является центральным пунктом и проведение которой обеспечивает успешное разрешение остальных очередных задач».

Многие соратники Сталина отмечали его поразительное умение вычленить главное из любых вопросов, какие только приходилось обсуждать и решать. В частности, последний сталинский нарком Н. К. Байбаков писал, что «его сила в том, что он умел сразу схватывать самую суть любого события или явления, судьбоносного для народа, искал истину путем сопоставления многих данных и мнений».

В ходе бесчисленных дискуссий с «теоретиками» партии о судьбах революции Сталин дал им однажды короткий и внушительный ответ: «Вы не вполне понимаете характер происходящих перемен. Я воевал на всех фронтах гражданской войны и видел то, что вы не видели. Историческая победа будет за мной».

Сталину удалось объединить людей, сумевших вывести партию из той критической ситуации, которая в ней складывалась в начале двадцатых годов. Во многом возникший тогда кризис был связан с популярностью Троцкого, который окружил себя ореолом героя Гражданской войны. Для многих он со своими идеями выглядел весьма привлекательно, что вполне объяснимо. Но наступала пора кропотливой, черновой работы, нужно было вытаскивать Россию из ямы, куда она свалилась еще задолго до Октября. А эта работа была гораздо сложнее, нежели выступления с красивыми заявлениями о грядущей победе социализма в мировом масштабе. Да и проблемы России, как полагали сторонники Троцкого, кроме головной боли ничего не сулили.

В ноябре 1924 года Сталин также предупреждал членов партии, «что троцкисты усиленно распространяют слухи о том, что вдохновителем и единственным руководителем Октябрьского восстания являлся Троцкий. Эти слухи особенно усиленно распространяются так называемым редактором сочинений Троцкого, Лецнером. Сам Троцкий, систематически обходя партию, ЦК партии и Петроградский комитет партии, замалчивая руководящую роль этих организаций в деле восстания и усиленно выдвигая себя как центральную фигуру Октябрьского восстания, вольно или невольно способствует распространению слухов об особой роли Троцкого в восстании».

Английский исследователь Роберт Конквест — заметим, откровенно враждебно настроенный по отношению к Сталину, — счел необходимым заметить по поводу его главного политического оппонента: «Когда говорят о том, что Троцкий был привлекательной личностью, то имеют в

виду главным образом его выступления на крупных митингах, его острые сочинения, его общественный вес. Но при всем том Троцкий отталкивал многих своим тщеславием, с одной стороны, и безответственностью, с другой, и в том смысле, что он был склонен выдвигать "блестящие" замыслы и потом требовать их воплощения, невзирая ни на что, во что бы то ни стало... Если бы Троцкий пришел к власти, то, несомненно, правил бы беспощадно, люди для него были материалом для достижения своих амбициозных, тщеславных целей».

Здесь уместно будет заметить, что Сталину была чужда роль публичного политика, не привлекали лавры, которая она сулила. Поэтому его огромная организаторская работа в партии, конкретная и осязаемая, но проводимая без шума и излишней суеты, никогда не бросалась в глаза.

Сталин сразу увидел конечную цель дискуссии о профсоюзах, в которую Троцкий втянул партию, — замена им, Троцким, Ленина как вождя партии и Советского государства. Как писал один из участников тех событий, в этом была сущность дискуссии, скрытая от непосвященных «под тряпьем теоретического спора». В качестве «тряпья» использовались предложения Троцкого передать высшую власть в стране профсоюзам и сохранить в ней чрезвычайные методы управления. Это означало милитаризацию всей экономики по образцу упомянутого нами Цект-рана — профсоюза транспортных рабочих. Троцкий без труда нашел взаимопонимание с Бухариным и вместе с ним выдвинул другую «тряпичную» идею — о слиянии хозяйственных и профсоюзных организаций.

В ходе «профсоюзной дискуссии» Сталин твердо защищал ленинскую линию, а впоследствии безоговорочно поддержал новую экономическую политику партии, рассматривая ее как необходимую передышку, которую нужно было дать стране.

Сталин впервые использовал понятие «новый троцкизм» (или «неотроцкизм», как часто называют это явление в настоящее время) и определил его характерные черты: приспособление ленинизма к требованиям троцкизма, прежде всего к идее «чистой» пролетарской диктатуры, исключая союз пролетариата и крестьянства; подрыв единства партии путем противопоставления «старых» кадров партийному «молодняку», противопоставление по-своему трактуемого Ленина партийному руководству страны, его курсу. «Новый» троцкизм отличается от «старого» лишь тактическими ухищрениями, его стратегия остается прежней — перманентная революция.

После смерти Ленина Сталин объявил о своей верности ленинскому курсу — курсу построения в России социалистического общества, который основывается на принципах единства партии и ее высокой требовательности к своим членам, диктатуры пролетариата,

гарантирующей прочный союз рабочего класса и крестьянства, трудящихся всех национальностей страны.

Это в значительной мере усилило интриги против него, несмотря на которые все делегации XIII съезда РКП(б), состоявшегося в мае 1924 года, твердо высказались за сохранение за ним должности генерального секретаря. Это решение съезда полностью поддержал и прошедший после него пленум ЦК, несмотря на то, что было письменное заявление Сталина с просьбой об освобождении его от этой должности. Аналогичную просьбу Сталин, как мы уже говорили, выскажет и позднее, после XV съезда партии.

Мы еще раз напоминаем об этом, чтобы показать всю несостоятельность всевозможных домыслов о том, что Сталин был готов на все ради сохранения власти. Да, он был готов поступиться многим, но только тогда, когда вставал самый главный вопрос после смерти Ленина — вопрос о единстве в партии. Мощная поддержка Сталина, снизу — прежде всего, объясняется тем, что для подавляющего большинства партии он стал символом борьбы за ее единство. Никто из руководства партии так твердо не стоял на ленинских позициях, позициях большевиков, которые он раз и навсегда выбрал для себя после II съезда РСДРП. Но, отстаивая свои взгляды, он всегда был готов ради выработки единой платформы пойти на компромиссы в тех многочисленных дискуссиях с оппозиционерами, которые велись в двадцатых годах почти постоянно, найти общие точки соприкосновения с теми, кто был не согласен с его линией.

Товарищи по партии знали и другое: когда наступала пора отодвинуть споры и дискуссии в сторону и заняться конкретным делом, впереди других оказывался «товарищ Сталин», которому можно было поручить любую, в том числе и самую сложную работу. Все знали о его привычке взваливать на себя ответственность за принимаемые решения и действовать в то время, когда многие из оппозиционеров предпочитали отсиживаться в стороне или же отдыхать на курортах, где могли позволить себе писать статьи об искусстве и немного пофилософствовать.

Наконец, образ Сталина отвечал представлениям коммунистов о пролетарском вожде. Выходец из народа, прекрасно знающий этот народ, он без остатка отдавал себя делу служения своему народу.

Властолюбцев из всякого рода оппозиций смущало и раздражало бескорыстное, упорное следование человека своим идеалам, идеалам, которые во многом разнились с теми, какие они проповедовали. Не могут, а точнее — не хотят этого понять и многие из современных исследователей.

Сталин в конечном счете вышел победителем из целого ряда внутрипартийных дискуссий и вместе со своими соратниками не дал растащить партию по частям. Однако, участвуя в жарких спорах, он не забывал самое главное — деятельное участие в решении актуальных хозяйственных проблем страны, едва ожившей после Гражданской войны. Предстояло сделать то, во что мало кто верил: в сжатые сроки достигнуть довоенного уровня развития экономики и перейти к индустриализации России. Превратить страну из аграрной в промышленную, развитую державу — об этом и мечтать не хотели «проектировщики» мирового социализма. А Сталин уже в 1928 году ставил задачу догнать и перегнать передовые капиталистические страны по основным технико-экономическим показателям.

...В апреле 1925 года XIV партийная конференция поддержала идею Сталина о возможности построения социализма в одной стране, которая лежала отнюдь не только в области теоретических споров. Это означало начало нового качественного этапа в истории России — периода строительства социализма собственными силами. Центральной задачей партии в соответствии с решениями съезда стал «курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования».

Кризис хлебозаготовок, начавшийся в 1927 году, означал, что коренное переустройство экономики страны не терпит отлагательств.

* * *

Процесс становления первого в мире социалистического государства проходил трудно и жестко. И все же, если мы хотим быть непредвзятыми, то должны признать, что причины этой жесткости нужно искать не в личности Сталина, не в советской власти или «социалистическом тоталитаризме» — во всяком случае, не только в этом. Их прежде всего надо искать в фундаментальных характеристиках великих преобразований и невиданной сложности эпохи революционного обновления мира. Главное — суметь извлечь необходимые уроки партийного опыта, отделить зерна от плевел, жизнеспособные ростки нового от безжизненного наследия ошибок и просчетов.

СТАЛИН И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА.

Теоретиками не рождаются, но далеко и не все ими становятся. Не каждому дано увидеть историческую перспективу, вдвойне сложно соединить эту перспективу с решением практических задач текущего момента. Не случайно люди, снискавшие себе в партии звание ее «теоретиков» накануне Октября и в первые годы советской власти, с одной стороны, очень гордились им. С другой — они ревниво оберегали свою теоретическую деятельность от «конкуренции», тщательно

следили, чтобы в узкий круг «посвященных» не проник кто-нибудь из «посторонних». Чего-чего, а самолюбия и тщеславия у этих людей было в то время хоть отбавляй, в личных амбициях им не откажешь.

Даже теоретическую деятельность Ленина его явные и скрытые оппоненты встречали в штыки вплоть до самой смерти пролетарского вождя, порой воспринимали ее с насмешкой, считая, что ленинизм — это не теория, а всего лишь практическая разработка марксизма применительно к России. Троцкий в одном из своих писем в 1913 году утверждал, что «все здание ленинизма построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения».

Время все расставило по местам.

Как в свое время разного рода недруги стремились принизить важность для революции учения Ленина, так и о Сталине они пытались создать представление как о «заскорузлом догматике», годящемся только для практической работы, которая не требует углубленной подготовки по теоретическим вопросам. Не случайно особую ревность записных «теоретиков.» партии вызвало вторжение Сталина в «чужую» сферу выходящую далеко за рамки его сложившейся «специализации» — разработки политики партии по национальному вопросу. Они восприняли попытки Сталина всесторонне осмыслить ленинское наследие как едва ли не покушение на их «вотчину», где можно было спокойно заниматься умственными упражнениями, далекими от реальной жизни. Случилось это в апреле 1924 года, когда Сталин приступил к чтению лекций в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, сразу обнаруживших его широкое и целостное мировоззрение, недюжинные творческие способности, логику и убедительность доводов и трактовок.

Цикл лекций «Об основах ленинизма», которыми в последующем открывались все его прижизненные издания сборника «Вопросы ленинизма», посвящался «ленинскому призыву» — людям, к которым Сталин в течение всей жизни питал особенно теплые чувства. К тому же члены партии получили, по сути, учебное пособие по ленинизму.

Для нас особенно важно в этих лекциях сталинское определение ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции. В этом определении кроется диалектический принцип освоения ленинского теоретического наследия, многое из которого в процессе общественного развития претерпевает значительные изменения.

В то же время Сталин, подчеркивая недопустимость одностороннего подхода к наследию Ленина и огромное всемирное значение ленинизма, писал: «„.Если бы ленинизм являлся только лишь применением

марксизма к своеобразной обстановке России, то тогда ленинизм был бы чисто национальным и только национальным, чисто русским и только русским явлением. Между тем мы знаем, что ленинизм есть явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, а не только русское».

Можно сравнить эту формулировку с определением Зиновьева, которое Сталин подверг жесткой критике: «Ленинизм есть марксизм эпохи империалистических войн и мировой революции, непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство». Особенно резко он осуждал Зиновьева и его сторонников за подмену понятия «диктатура пролетариата» понятием «диктатура партии». Он, в частности, писал: «Этой формулой, взятой без оговорок, как бы подсказывают: а) беспартийным массам: не смейте противоречить, не смейте рассуждать, ибо партия все может, ибо у нас диктатура партии; б) партийным кадрам: действуйте посмелее, нажимайте покрепче, можно и не прислушиваться к голосу беспартийных масс, — у нас диктатура партии; в) партийным верхам: можно позволить роскошь некоторого самодовольства, пожалуй, можно даже зазнаться, ибо у нас диктатура партии, а значит, и диктатура вождей».

Из пункта «в» вытекало самоуспокоение — по словам Сталина, самая страшная угроза для коммунистов, пришедших к власти. Такое самоуспокоение в совокупности с отсутствием жажды продвижения вперед по пути прогресса, инициативы, любознательности стало, пожалуй, самой главной причиной той катастрофы, которая постигла СССР и КПСС. В тот момент, когда история потребовала от советских коммунистов абсолютной мобилизации разума, воли и всех сил, они не смогли этого сделать. Партия, особенно ее верхи, да и вся государственная система к этому времени, можно сказать, зажирили, впали в дремотное состояние, утратили чувство опасности. Это их и погубило.

Подмена диктатуры пролетариата диктатурой партии произошла в то время, когда Компартия стала подчеркивать свою роль в обществе как единственной «руководящей и направляющей» силы, когда эта роль КПСС была даже закреплена в конституции страны. Беззаботное почивание высшего руководства КПСС на вершине властной пирамиды привело к обюрокрачиванию партии, стагнации хозяйственной и политической жизни.

Сталин прекрасно видел ту угрозу, которую несет стремление бюрократии не только взять власть в свои руки, но и встать над народом, отделиться от него, превратиться в новое привилегированное сословие. Его отношение к этому характеризуют не раз повторявшиеся слова: «Каста проклятая!»

Ныне эти и другие худшие черты КПСС копирует партия «Единая Россия». Она фактически уже стала «руководящей и направляющей силой», правда, при этом на всякий случай согласует все свои действия с Кремлем. Однако «ЕР» не может предложить обществу реального плана поступательного движения. В период выборных кампаний 2007—2008 годов что-то туманно говорилось о якобы имеющемся у «Единой России» так называемом «плане Путина», но теперь и об этом молчат.

Для всех давно уже очевидно, что разговоры о существовании мистического «плана» были лишь популистским приемом, направленным на обман избирателей. А решения Путина то возглавить избирательный список «ЕР», то стать ее председателем служили для того, чтобы манипулировать общественным мнением. Это с одной стороны. А с другой — они открыли «дорогу в жизнь» разных мастей карьеристам. Это то, что случилось в свое время с КПСС после смерти Сталина, когда членство в ней стало трамплином для тысяч людей, преследовавших исключительно эгоистические цели.

Огромное теоретическое наследство, которое оставил нам Сталин, не потеряло своего значения и по сей день. Но, обращаясь к нему, важно помнить, пожалуй, о самом главном предупреждении Сталина, прозвучавшем на XVIII съезде партии: «Нельзя требовать от классиков марксизма, отделенных от нашего времени периодом в 45—55 лет, чтобы они предвидели все и всякие случаи зигзагов истории в каждой отдельной стране в далеком будущем. Было бы смешно требовать, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране спустя 50—100 лет, с тем, чтобы мы, потомки классиков марксизма, имели возможность спокойно лежать на печке и жевать готовые решения. Но мы можем и должны требовать от марксистов-ленинцев нашего времени, чтобы они не ограничивались заучиванием отдельных общих положений марксизма, чтобы они вникали в существо марксизма...»

Эта мысль особенно важна для коммунистов, которым приходится сплошь и рядом сталкиваться с людьми, имеющими весьма странное представление о марксистско-ленинской теории. Имеется в виду та группа людей, которые почему-то полагают, что, твердя слова «марксизм», «рабочий класс» или «диктатура пролетариата», заученные в институтах хрестоматийные формулы из учебных пособий по общественным наукам, можно разом решить все стоящие перед современным коммунистическим движением вопросы.

Сталин словно заглянул в нашу эпоху и вскрыл суть ее жгучих проблем. Ведь очень часто те, кто в последние годы больше других говорит о своей верности марксизму, почему-то упорно не хотят замечать содержащихся и у Ленина, и у Сталина многократных предостережений от

его догматического толкования и начетничества.

Сталин весьма саркастически относился к тем «марксистам», кто свою деятельность основывает не на учете практической работы, а на цитатах из Маркса, Энгельса, Ленина. В частности, он высмеивал тех, кто, прикрывая свои сомнения в созидательной силе России, цеплялся за устаревшую формулу Энгельса о том, что пролетарская революция должна будет произойти одновременно в нескольких ведущих странах, но она невозможна в одной отдельной стране. «...Ясно, — говорил Сталин в 1926 году, — что то, что считал Энгельс в 40-х годах прошлого столетия, в условиях домонополистического капитализма, неосуществимым и невозможным для одной страны, стало осуществимым и возможным в нашей стране, в условиях империализма».

В своей последней теоретической работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин отбросил и другое ошибочное положение Энгельса — о том, что стирание грани между городом и деревней должно повести к «гибели больших городов». Хотя, как считал Сталин, в СССР, в полном соответствии с марксистской теорией, и уничтожен антагонизм между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, это не означает устранения «существенных различий» между ними. Оно сможет произойти только в отдаленном будущем.

Как известно, и Сталин прекрасно об этом знал, сам Энгельс свои выводы ни в коем случае не считал правилами, которыми надлежит бездумно руководствоваться, и утверждал, что «миропонимание Маркса — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования». На этот счет находим много замечаний и у Маркса. В частности, в 1877 году в письме русским читателям «Отечественных записок», подчеркивая, что он ученый, а не пророк, Маркс писал: «Конструирование будущего и провозглашение раз и навсегда готовых решений для грядущих времен не есть наше дело».

А ведь часто люди, считающие себя марксистами, пытаются перенести на современную действительность то, что в свое время преследовало исключительно тактические цели или частные задачи. Что было применимо только к конкретно-историческим условиям эпохи, от которой отделяют нас несколько десятилетий. Цитаты, формулировки и тезисы, вырванные ими из контекста тех или иных теоретических работ и предлагаемые в качестве готовых рецептов на сегодняшний день, очень часто бывают на руку убежденным противникам марксизма. Подобный подход к марксистско-ленинской теории стал одной из главных причин разрозненности действий многочисленных коммунистических организаций, созданных после распада КПСС, и в конечном счете дезориентировал широкие массы трудящихся. Мешал им консолидироваться и не мог направить их выступления в единое

политическое русло.

Часто предпринимаются попытки «теоретических» обобщений, основанных на опыте большевиков в эпоху Октября и первых лет советской власти. Многие конкретные шаги диктовались тогда не только и не столько доктринальными соображениями, сколько касаниями «стенок» весьма узкого «коридора», по которому приходилось идти. Хотя ни Ленин, ни Сталин из применения жестких методов, соответствовавших суровой обстановке, никакого идеала никогда не делали. Однако в партии всегда было немало тех, кто впопыхах принимал эти меры за идеал, будь то «военный коммунизм» и продразверстка в годы Гражданской войны или ускоренная коллективизация в деревне и ликвидация кулачества как класса на рубеже двадцатых — тридцатых годов.

Марксизм — не символ веры, а средство познания и преобразования современности, — считал Сталин, решительно выступая против догматического использования марксистско-ленинской теории. На богатейшем политическом опыте партии он убеждался в том, что теоретические выводы, преобразованные в лозунги для масс, способны мобилизовать людей на поступательное движение, на преодоление многочисленных препятствий на пути к новому обществу.

Уместно в связи с этим напомнить очень важные ленинские слова о сути марксизма и причинах его кризисов, которые всегда находятся в зависимости от складывающихся обстоятельств. Ленин в статье «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» (1910) писал:

«Именно потому, что марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно-резкой смены условий общественной жизни. Отражением смены явился глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом, — серьезнейший внутренний кризис марксизма. Решительный отпор этому распаду, решительная и упорная борьба за основы марксизма встала опять на очередь дня. Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные "лозунги", те или иные ответы на тактические вопросы и не поняв марксистских критериев этих ответов. "Переоценка всех ценностей" в различных областях общественной жизни повела к "ревизии" наиболее абстрактных и общих философских основ марксизма. ...Повторение заученных, но непонятых, непродуманных "лозунгов" повело к широкому распространению пустой фразы, на деле сводившейся к совершенно немарксистским, мелкобуржуазным течениям...»

Дело здесь не только в том, что мысль о недопустимости догматического подхода к марксизму была полностью воспринята и развита Сталиным. «Поразительно-резкая» смена условий общественной жизни, о которой говорил Ленин, — отличительная черта эпохи, которую мы сейчас переживаем. Меняются времена — суть кризисных ситуаций остается одной и той же: быстрое и стремительное изменение тенденций развития и поверхностное усвоение марксизма значительной массой тех, кто причисляет себя к марксистам.

Характерно, что Сталин изучал труды Ленина до конца своей жизни, с гордостью повторяя в свои зрелые годы: «Я только ученик Ленина и цель моей жизни — быть достойным его учеником». И при этом он предупреждал о недопустимости упрощенного прочтения Ленина:

«Иные думают, что ленинизм есть примат практики перед теорией в том смысле, что главное в нем — претворение марксистских положений в дело, "исполнение" этих положений, что же касается теории, то на этот счет ленинизм довольно будто бы беззаботен... Я должен заявить, что это более чем странное мнение о Ленине и ленинизме совершенно неправильно и ни в коей мере не соответствует действительности, что стремление практиков отмахнуться от теории противоречит духу ленинизма и чревато большими опасностями для дела...

Ленин больше, чем кто-либо другой, понимал важное значение теории, особенно такой партии, как наша, ввиду той роли передового борца международного пролетариата, которая выпала на ее долю, и ввиду той сложности внутренней и внешней обстановки, которая окружает ее».

Отрицание ведущей роли теории в революции Сталину всегда представлялось столь же губительным для судеб партии, как и ее отрыв от масс. Сталин был убежден, что партия пришла к власти лишь благодаря научно обоснованному объяснению общественных процессов, выдвигая во главу угла марксистский идеал общественного устройства, который долгие годы служил знаменем для рабочего класса и всех трудящихся России.

Сила идеологии сталинской эпохи заключалась в неразрывной связи теории с экономической практикой. Важнейшие выводы марксизма подкреплялись реальными делами и достижениями, зримым улучшением жизни большинства граждан Советского Союза.

В своей последней теоретической работе — «Экономические проблемы социализма в СССР» — Сталин подчеркивал необходимость признания законов науки в экономической политике, так как видел в них «отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей». Он был категорически не согласен с иждивенческим утверждением той части партийных кадров, которые полагали, что

советская власть в деле построения социализма играет особую роль, «которая якобы дает ей возможность уничтожить существующие законы экономического развития и "сформировать" новые». Наоборот, достижения советской власти обусловлены тем, что она «опиралась на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил». Социалистический закон планомерного развития народного хозяйства дает возможность правильно планировать общественное производство. Но эту возможность нельзя смешивать с действительностью. Это, по Сталину, «две разные вещи».

Подчеркивая в этой же работе необходимость марксистского воспитания коммунистов страны, Сталин в очередной раз представляет перед нами свое видение марксизма как науки об общественном развитии, отражающей объективную реальность, а не собрание вечных и безупречных формул.

Здесь же Сталин впервые в марксистской теории сформулировал основной экономический закон социализма как обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники. Поставив во главу угла этой формулы человека и его потребности, Сталин указывал на необходимость сокращения рабочего дня «по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов», введения общеобразовательного политехнического обучения, улучшения коренным образом жилищных условий и повышения реальной заработной платы рабочих и служащих минимум вдвое, «как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления».

Для марксистов использование наследия Сталина сегодня означает отнюдь не слепое следование букве его работ и порядку действий. Необходимо понять и использовать ту методологию, с которой он сам подходил к вопросу об опыте предшественников.

Целый ряд его разработок обладает большей глубиной, чем мы привыкли думать. Десятилетиями многие полагали, что сталинский тезис, выдвинутый в июле 1928 года на пленуме ЦК ВКП(б), об обострении классовой борьбы с развитием социализма и возрастанием сопротивления капиталистических элементов, служил лишь для того, чтобы оправдать жесткие методы руководства страной и чинимые в последующем беззакония. Однако этот тезис приобретает совершенно иное звучание, когда анализируешь причины распада СССР и КПСС, чему так и не смогли воспрепятствовать здоровые силы партии и государства. Никто не ожидал, насколько сплоченными и озлобленными окажутся враги социализма, прятавшиеся до поры до времени за спину

Горбачева под видом сторонников перестройки. События, которые произошли во второй половине восьмидесятых годов и в последующие годы, показывают нам, что контрреволюция никуда не делась, не отказывалась от захвата власти любыми, в том числе и кровавыми способами. В нашей стране это проявилось в октябрьских событиях 1993 года. Социализм и целостность Югославии были разрушены в результате внешней агрессии империализма, вмешательства США, которые взяли на себя обязанности мирового жандарма.

Полностью оправдал себя и другой сталинский тезис — о том, что международный капитал не прочь будет «помочь» России в деле перерождения социалистической страны в буржуазную республику. Все мы помним, какие усилия прилагал Запад, чтобы удержать у власти контрреволюцию, реставрировавшую в России капиталистические порядки. В набор этой «помощи» входила даже подготовка проекта ныне действующей Конституции РФ, которая проводилась на Западе. Под непосредственным руководством Международного валютного фонда осуществлялось реформирование экономики в духе ее либерализации и делались попытки ликвидировать социальные завоевания трудящихся. Что удалось осуществить только после того, как большинство Госдумы стало «карманной» фракцией президента. Со временем выяснилось, что и решение о дефолте, объявленное российским правительством 17 августа 1998 года, также было согласовано с Международным валютным фондом. Вот только куда делись выданные им накануне транши в 4 и 6 миллиардов долларов, остается тайной за семью печатями.

А ведь это только отдельные примеры «всесторонней помощи» России со стороны западного капитала.

Для нас также поучительно, что, будучи беззаветно преданным делу рабочего класса, Сталин не рассматривал пролетариат как некую однородную революционную силу. Класс наемных рабочих, по Сталину, не был устойчивым и четко оформленным социальным образованием; он выделял в нем три слоя. «Первый слой» — это основная масса пролетариата, его ядро, это та масса «чистокровных пролетариев», которая давно уже порвала связи с классом капиталистов. «Второй слой» — это выходцы из других классов, недавно только влившиеся в состав пролетариата и внесшие в рабочий класс свои навыки, свои привычки, свои колебания, свои шатания. Этот слой представляет наиболее благоприятную почву для всяких анархистских, полуанархистских и «ультралевых» группировок. «Третий слой» — это «рабочая аристократия», верхушка рабочего класса, наиболее обеспеченная часть пролетариата с ее стремлением к компромиссам с буржуазией, с ее преобладающим настроением приспособления к сильному миру сего, с ее настроением «выйти в люди». Этот слой представляет наиболее благоприятную почву для откровенных реформистов и оппортунистов.

Сталин обращал внимание на способность пролетариата к социальной трансформации, что имеет большое значение в наши дни, пока еще общество находится в состоянии социальной неопределенности. Чтобы понять, какие изменения сейчас происходят в структуре российского общества, когда она еще только выкристаллизовывается, важен сталинский метод классового анализа. Причем это особенно значимо потому, что КПРФ приходится работать в условиях, когда промышленное ядро пролетариата в сравнении с советским периодом уменьшилось, по крайней мере, вдвое.

В составе рабочего класса так же, как и при Сталине, можно достаточно четко выделить три слоя. Во-первых, это своего рода «рабочая аристократия», сконцентрированная прежде всего в нефтегазовой и других отраслях, работающих на экспорт. Эти люди во многом являются заложниками своего относительно благополучного положения и более всего боятся его потерять. Поэтому они, как правило, общественно пассивны и политически управляемы.

Во-вторых, это работники тех предприятий, которые смогли уцелеть в хаосе экономической ломки последних пятнадцати — двадцати лет и постоянно балансируют на грани стабильности. С ними у партии выстраивается гораздо лучшее взаимодействие.

Третий слой составляют трудящиеся заводов и фабрик, «лежащих на боку», втянутых в нескончаемый процесс передела собственности, их искусственного разорения либо полного уничтожения. Здесь концентрируется громадный потенциал протеста. Объективно эта «треть» промышленного пролетариата ближе всего коммунистам по настроениям и интересам. Но, к сожалению, партия не всегда находит общий язык с этой возбужденной и радикализованной массой, порой, как показывает практика, опаздывает подключаться к ее выступлениям.

В то же время оказался расколотым основной массив людей труда, который по своему характеру значительно отличается от сталинского времени, — служащие предприятий, крестьяне, мелкие и средние предприниматели, создающие конкретные ценности, «компьютерный пролетариат».

Пока не сформировался тот, по выражению Сталина, «кипящий слой», на который коммунисты могли бы сполна положиться. В то же время необходимо принять во внимание и активно использовать то обстоятельство, что власть своей политикой и практическими шагами делает все, чтобы растущую социальную активность, особенно низкооплачиваемых групп населения, довести до точки кипения.

В потоке социального расплава, вызванного либеральными реформами, успел сформироваться и организационно сплотиться только слой

крупных собственников, представляющих господствующую верхушку нового класса буржуазии. Другим наиболее устоявшимся сегментом общества стал слой чиновничества, охватывающий почти шестую часть населения страны. Огромный бюрократический аппарат составил ядро социально-политической базы режима, его «классовую гвардию», которую власть укрепляет и кормит на народные деньги. Полностью в зависимость от «партии власти» попала низшая прослойка госслужащих, так называемые «бюджетники» — педагоги, воспитатели, научные и медицинские работники, которым периодически что-то перепадает с барского стола.

Считая, что интересам России более всего отвечает выбор социалистического пути развития, основой которого станут обобществление труда и преодоление эксплуатации человека человеком, коммунисты убеждены, что научно-технический прогресс создает предпосылки для качественного и структурного обновления рабочего класса, видят свою социальную базу в обновляемом содружестве людей труда. К ним они в первую очередь и обращаются со своими идеями, содействуя осознанию и реализации трудящимися их интересов в национальном и международном масштабе. В руках этой ведущей общественной силы — судьба России.

...В области теоретических разработок Сталина сразу же обращают на себя внимание, что мы уже отмечали, доступность излагаемого материала, а также последовательность и логичность в отстаивании собственной позиции. И конечно же трезвость мысли, основанная не только на кабинетных бдениях, а на глубоком знании обстановки, истинного положения вещей.

Реализм — это то качество, которое существенно выделяло его среди плеяды революционеров, определявших лицо партии и на трудном пути к Октябрю, и, особенно, в послереволюционное время, после кончины Ленина. Однако Сталин с презрением относился к «узкому практицизму и беспринципному делячеству», осудив их еще в своей работе «Основы ленинизма». Ему была чужда позиция практиков, которые были заняты решением злободневных вопросов хозяйства и обороны страны или ее внешней политики, однако воспринимали теоретическое наследие Маркса, Энгельса и Ленина как набор обязательных, но не относящихся к делу ритуальных формул, а потому не могли увидеть отдаленную перспективу, заглянуть в завтрашний день.

Реальный взгляд на вещи позволял Сталину проявлять гибкость в решении стоящих проблем, от государственного устройства России до вопросов хозяйственного строительства. Например, он был твердым сторонником нэпа, когда на производителя стала давить политика военного коммунизма, когда новая экономическая политика стала играть положительную роль в восстановлении хозяйства после интервенции Антанты и Гражданской войны. Но он приступил к решительному

свертыванию его тогда, когда нэп стал противоречить объективным потребностям развития страны.

Или взять его отношение к некоторым формам собственности в экономическом устройстве страны. Казалось бы, чего мы только не знаем об истории кооперативного движения. Однако Сталин отвечал на вопрос о роли кооперативов отнюдь не однозначно: «...Полезны или вредны для пролетариата кооперативы... все зависит от времени и места... Кооперативы могут принести большую пользу пролетариату, если за их создание и руководство возьмется сама партия, там же, где этих условий нет, кооперативы являются вредными для пролетариата, так как они порождают у рабочих мелко-торгашеские тенденции и цеховую замкнутость...»

И опять — словно о нашем времени. Многие из нас были свидетелями начала жуткой вакханалии в экономике страны, когда в мае 1988 года был принят Закон «О кооперации в СССР», причем от контроля за деятельностью кооперативов полностью отказалась КПСС. Именно под флагом кооперативного движения развернулось реальное наступление на социализм. Характерно, что подавляющее большинство кооперативов было создано в рамках государственных предприятий; на них они и паразитировали, не создавая практически никаких материальных ценностей. Началась невиданная по своему цинизму и размаху перекачка государственных средств в частный сектор, носивший в большинстве случаев откровенно противозаконный характер. К тому же кооперативы породили «мелко-торгашескую тенденцию» в стране, которую в свое время подметил Сталин.

Поражают прозорливость Сталина по целому ряду принципиальных вопросов, его способность к прогнозированию развития событий.

Так, он задолго до 1929 года, до начала Великой депрессии, указывал на неизбежность мирового кризиса, к которому ведут процессы в экономике капиталистических стран, писал, что он будет «самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов», несравненно более глубоким, чем кризис перед последней империалистической войной. Сталин предвидел также, что этот кризис капиталистической экономики «будет перерастать в ряде стран в кризис политический. Это значит, что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики». В области внешней политики он считал, что «буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне».

Ее характер не вызывал у Сталина никаких сомнений: «...Речь идет о реальной и действительной угрозе новой войны вообще, войны против СССР — в особенности».

В то же самое время, когда над страной нависла мрачная тень грядущей войны, Бухарину слышалось, что «земля дрожит уже отдаленными гулами великих революций, которые превзойдут по своему размаху даже то, что мы пережили и переживаем...».

Пророческие оценки Сталина вряд ли следует считать каким-то особым даром предвидения мистического свойства. Их точность прежде всего свидетельствует о совершенном владении Сталиным марксистским учением, его умении на практике применять ленинский метод анализа международной обстановки.

Многие предупреждения Сталина актуальны и в наши дни, особенно те, которые касаются выбора пути развития России. И самый опасный и пагубный — это путь, который лишает страну самостоятельности, неизбежно превращает ее в придаток мировой капиталистической системы.

На всю деятельность Сталина наложил свой отпечаток многонациональный характер социал-демократических организаций, в которых он начинал революционную работу. В Закавказье он приобрел опыт разрешения национальных противоречий, который всегда ценил Ленин, указывая на то, что «грузины + армяне + татары + русские работали вместе в единой с.-д. организации больше десяти лет».

Сталин с самого начала прекрасно понимал всю важность «национального вопроса». Этими проблемами он начал интересоваться еще в молодости и, в отличие от многих своих соратников, очень серьезно относился к национальным аспектам политической борьбы, прекрасно понимал, какие силы и энергия таятся в национальном самосознании народов.

Сталин сумел вычленить главное, что объединяло людей разных национальностей в набиравшем силу рабочем движении: общность целей у основной массы эксплуатируемых народов. В статье «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?», написанной в 1904 году, сразу же после ознакомления с Программой партии, принятой на II съезде РСДРП, Сталин указывал: «"Национальный вопрос" в разные времена служит различным интересам, принимает различные оттенки в зависимости от того, какой класс и когда выдвигает его».

Практика показала, что в «новой», современной, России так и не вырос класс буржуазии, которую отличала бы национальная преданность своей Родине, — жизненно важные отрасли ее экономики давно задохнулись и погибли без инвестиций, и никто не горит желанием их реанимировать. В то же время деятельность подавляющего большинства крупных бизнесменов и предпринимателей носит компрадорский характер, прямо противоречит интересам страны. Цель, которую они ставят перед собой,

проста: личное обогащение всеми возможными способами. Все, что их волнует, — это нефтяная «труба», через которую утекают последние надежды народа, и международные финансовые спекуляции. А огромная страна, ее обороноспособность приносятся в жертву сиюминутным коммерческим интересам. Людям, среди которых главной забавой стало соревнование «у кого яхта круче», «мода» на «патриотизм» Медведева и Путина глубоко безразлична, так же как и судьба Отечества. «Патриотизм» кремлевской власти стряпается для средних и мелкобуржуазных слоев населения, его с удовольствием подхватывают различные националистические течения. Такое явление не ново, Сталин называл его «выхолощенным "патриотизмом" буржуазии».

Такой, с позволения сказать, «патриотизм», отвлекающий народ от его коренных задач, замкнутый на второстепенные, мелкие интересы, обнажает свою ущербность, когда речь заходит о политике по отношению к другим республикам бывшего Советского Союза, к дружественным народам других стран. Именно это обусловило колебания российской верхушки в решении важнейших вопросов по Южной Осетии и Абхазии. Можно привести и другие примеры. Это — и отсутствие заинтересованности в окончательной подготовке и подписании Союзного договора с Белоруссией, политика невмешательства при разыгравшейся в 1999 году трагедии Югославии, робкие демарши при решении вопроса об отделении Косова от Сербии. Сербы оказались грубо униженными в собственной стране.

Эта ситуация во многом сходна с положением русских в России, которые оказались самым крупным разделенным народом в мире — за пределами России их сейчас проживает 25 миллионов. Русский народ составляет подавляющее большинство самых обездоленных слоев населения. Русских немного в высших эшелонах власти, они изгоняются из сфер управления, финансов, средств массовой информации.

Коммунисты никогда не ставили вопрос о превосходстве русского народа над другими народами России и бывшего СССР или каких-либо привилегиях и преимуществах для русских. Но при общности коренных национальных интересов именно русскому народу — в силу целого ряда исторических, географических, демографических и иных факторов — довелось стать государствообразующим этносом, зодчим великой державы.

Это очень хорошо понимал Сталин. Постоянно подчеркивая определяющую роль русских в судьбах России, он особенно высоко оценил исторический вклад русского народа в победу над фашистской Германией, его роль стержневой опоры всех народов СССР в противостоянии агрессору и разгроме врага. Наиболее емкое представление об отношении Сталина к русским дает его тост на приеме в Кремле по случаю Парада Победы 24 июня 1945 года:

«...Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне всеобщее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение...»

Положение русских, которые составляют свыше 80 процентов населения страны, — это индикатор социального самочувствия всех российских народов. Вряд ли надо кому-то объяснять, чем для России обернется происходящая в наши дни депопуляция русской нации: за последние 15 лет численность населения Российской Федерации сократилась на 10 миллионов человек, при этом русские потеряли 9,5 миллиона. Коренные русские области вымирают в два-три раза быстрее, чем другие регионы.

В течение своей многовековой истории русский народ уже дважды — в период ордынского нашествия и во время фашистского вторжения — оказывался перед угрозой физического истребления. Теперь уже в третий раз над русской нацией нависла зримая угроза ее полного исчезновения. Геноцид нации, свидетелями которого мы являемся, носит сознательный, спланированный характер. Опасность подобного развития событий возникла давно — глобальная русофобия, ненависть к России и русскому народу получили «теоретическое обоснование» еще в начале XX века. Именно тогда появились первые теоретики нового мироустройства, среди которых своими антирусскими взглядами выделялся Хэлфорд Макиндер — один из наиболее почитаемых в западных кругах родоначальников геополитики. Они и заговорили о том, что Запад не может спать спокойно, пока Россия держит в своих руках «географическую ось истории», пока существует «русское господство» над «сердцем мира» — континентальным ядром евразийского материка.

Все последующие доктрины той же американской геополитики — от «Четырнадцати пунктов президента Вильсона» до «Великой шахматной доски» Збигне-ва Бжезинского — буквально пропитаны идеей расчленения русского «сердца мира» на множество протекторатов, сокращения исконно русского населения до «безопасной величины», которая уже никогда не позволит вернуть ему контроль над собственной страной. Если же этого достичь не удастся, следует закрепить западное господство по периметру евразийского континента. И уже оттуда задуть Россию в кольцо военных баз и экономических конкурентов,

постепенно «откусывая» у нее пограничные регионы, лишая ее выхода к морям, к выгодным рынкам сбыта и союзным государствам.

Мы видим, как эта геополитическая концепция, получившая название «Кольцо анаконды», осуществляется на практике. Поэтому-то Запад так актив-но поддержал в свое время российских «демокра-тов», использовавших русофобию в качестве одного из главных инструментов разрушения СССР и России. С его помощью в Советском Союзе и был осуществлен «демократический» переворот, который вполне соответствовал давно вынашиваемым планам сокращения русского населения до 50 и даже 30 миллионов человек — такова, по мнению ряда «специалистов», оптимальная численность русского населения, необходимого для обслуживания нефтяных и газовых труб, рудников и выполнения другой «грязной» работы. В 1982 году Маргарет Тэтчер не постеснялась публично озвучить и другие цифры, заявив, что, с западной точки зрения, «экономически оправданным является проживание на территории СССР не более пятнадцати миллионов человек». Естественно, что оставшиеся должны быть лишены собственной культуры и исторической памяти. Еще в начале девяностых годов некоторые доморожденные «ученые» призывали к уничтожению национального культурного кода, смене социокультурного ядра — для того, чтобы Россия смогла войти в пресловутую мировую цивилизацию.

...И все же, как показала первая русская революция, значение национального вопроса в социал-демократическом движении России перед решающим, октябрьским штурмом явно недооценивалось. Именно поэтому Ленин предложил Сталину написать на эту тему теоретическую статью, которая была подготовлена в 1913 году и вошла в историю под названием «Марксизм и национальный вопрос». Хорошо известно, что эта первая обстоятельная научная работа Сталина получила у Ленина восторженную оценку. В ней было сформулировано классическое определение нации, которое не утратило своего значения и по сей день: нация есть «исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». Начавшемуся после поражения первой русской революции процессу разбегания ее участников по своим национальным квартирам Сталин противопоставляет «принцип интернационального сплочения рабочих, как необходимый пункт в решении национального вопроса».

Однако этот принцип для Сталина не умалял значения национальных особенностей и самобытности людей, участвующих в пролетарском движении. Он считал, что если большевики не будут бороться за национальные требования людей, то те окажутся под влиянием национально настроенной буржуазии. Что и происходит с современной Россией с той лишь разницей, что спекулировать национальными проблемами «поручено» «Единой России».

Силу национальных особенностей, особенно устойчивость национальных языков к попыткам ассимиляции, Сталин подчеркивал позднее в работе «Национальный вопрос и ленинизм (Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим)». В ней он в очередной раз предстал непримиримым противником разрушителей национальной культуры.

В преддверии создания союзного государства Сталин поддержал ленинский принцип права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Но он понимал и всю опасность абсолютизации лозунга о самоопределении, грозившего в случае его бездумной реализации развалом единого государства. Поэтому он указывал на «необходимость толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма».

Выступая на XII съезде РКП(б) с заключительным словом по докладу «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве», он сказал: «Следует помнить, что кроме права народов на самоопределение есть еще право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву подчинено право на самоопределение. Бывают случаи, когда право на самоопределение вступает в противоречие с другим, высшим правом, — правом рабочего класса, пришедшего к власти, на укрепление своей власти».

Эта теоретическая предпосылка и легла вскоре в основание партийной политики. В апреле 1926 года Сталин встретился с наркомом просвещения Украины Шумским, известным сторонником ускоренной «украинизации» республики. По итогам беседы Сталин направил членам Политбюро украинского ЦК специальное письмо, в котором писал: «Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский... Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнета». Бездумная украинизация, предупредил он, может принять «характер борьбы за отчужденность украинской культуры и украинской общественности... характер борьбы против "Москвы" вообще, против русских вообще...».

Уместно напомнить, что одной из причин разрушения СССР был охват населения союзных республик буржуазным национализмом, который был спровоцирован зарождающимся классом капиталистов. Националистические настроения до сих пор поддерживаются правящими силами некоторых государств, образованных на постсоветском пространстве, в том числе в Украине и странах Балтии. Что особенно тревожит, они создают благоприятный фон для реанимации в этих странах

бандеровщины и фашизма.

В статье «Политика Советской власти по национальному вопросу в России», опубликованной в «Правде» в октябре 1920 года, Сталин осуждал попытки национальных меньшинств воспользоваться правом отделения от России: «Требование отделения окраин от России, как форма отношений между центром и окраинами, должно быть исключено не только потому, что оно противоречит самой постановке вопроса об установлении союза между центром и окраинами, но прежде всего потому, что оно в корне противоречит интересам народных масс». Сталин видел лишь две альтернативы для развития национальных окраин: «Либо вместе с Россией, и тогда — освобождение трудовых масс окраин от империалистического гнета; либо вместе с Антантой, и тогда — неминуемое империалистическое ярмо. Третьего выхода нет».

Сталинский девиз полностью приемлем и сегодня, только с одной поправкой: Антанту сейчас замещает НАТО, куда мечтают попасть страны, «освободившиеся» от влияния России.

Надо отметить, что свою конечную задачу — построение мощной державы — Сталин всегда соизмерял с требованиями текущего момента, с конкретной политической обстановкой в партии и в стране. Так, например, он был убежден, что государство не может быть сильным, если оно внутренне нестабильно, если нет прочной взаимосвязи между центром и регионами. Поэтому Сталин выступал против принципа федерализма в государственном устройстве, был убежденным и последовательным централистом. При этом в разное время он готов был согласиться с разными политическими формами, различными механизмами и схемами воплощения в жизнь своей идеи.

Так, еще в ходе революции он выступил как сторонник унитарной системы государственного управления и опубликовал в марте 1917 года в «Правде» статью, которая так и называлась — «Против федерализма». В условиях распада Российской империи, растущего сепаратизма окраин, неспособности и нежелания Временного правительства противостоять этим губительным тенденциям Сталин считал невозможным и даже губительным любое ослабление центральной власти. Он считал, что в ряде ведущих капиталистических стран «развитие шло от независимых областей через их федерацию к унитарному государству, что тенденция развития идет не в пользу федерации, а против нее... Из этого следует, — писал он, — что неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение».

Однако, чувствуя, что споры на эту тему грозят привести партию к расколу, он смягчает свою позицию, признав за федерализмом, которому суждено сыграть свою переходную роль — к будущему социа-

листическому унитаризму, право на существование.

Позднее, в декабре 1924 года, он разъяснил основные причины, по которым он существенно поменял свою позицию. Во-первых, ко времени Октябрьской революции целый ряд национальностей России «оказался на деле в состоянии полного отделения и полной оторванности друг от друга, ввиду чего федерация оказалась шагом вперед от разрозненности трудящихся масс к их сближению, к их объединению». Кроме того, «формы советской федерации оказались вовсе не противоречащими целям экономического сближения трудящихся масс национальностей России». И, наконец, в-третьих, «удельный вес национального движения оказался гораздо более серьезным, а путь объединения наций — гораздо более сложным, чем это могло казаться раньше».

И все же, несмотря на глубину проработки вопроса, национальные отношения в России оказались настолько сложными, что их трудно было осмыслить до конца к такому историческому событию, каким явилось образование СССР.

Как известно, главная задача национальной политики советской власти первых послереволюционных лет, решение которой было положено в основу создания Советского Союза, состояла в ликвидации фактического национального неравенства. Причем поиск принципов объединения советских республик в единое государство проходил в трудных дискуссиях. Ленин подчеркивал, что необходимо обеспечить реальное равенство наций.

Бухарин считал, что этого можно добиться следующим образом. «Мы в качестве бывшей великодержавной нации, — писал он, — должны поставить себя в неравное положение... Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить доверие прежде угнетенных наций».

Ошибалось или нет то большинство в руководстве партии, которое так считало? Ответить на этот вопрос трудно, не зная атмосферы тех лет: внутри партии был силен дух русофобии, учиненный троцкистами. Поэтому в 1923 году на XII съезде партии Сталин высказался довольно категорично: «Говорят, что нельзя обижать националов. Это совершенно правильно, я согласен с этим, — не надо их обижать. Но создавать из этого новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций, — это значит сказать несообразность».

Однако переломить общую тенденцию ему тогда не удалось. На практике всесторонняя помощь национальным окраинам оказывалась, во-первых, за счет человеческого, материального и культурного потенциала Центральной России. Во-вторых, единое государство формировалось по федеративному принципу, с признанием полного равноправия с Россией новых республик.

Соответствовала ли реальному положению вещей позиция большинства коммунистов, считавших, что для разрешения проблемы национальных отношений должна лежать система уступок со стороны русских и преимуществ для нерусских народов, и как эта позиция отразилась на исторической перспективе?

Опять-таки, все обуславливалось совершенно конкретными условиями места и времени. Эта политика приносила определенный успех, пока соответствовала объективным задачам, пока обстоятельства не изменились. Бездумное ее продолжение и после того, как фактическое неравенство было в основном преодолено, губительно сказалось сначала на судьбе Советского Союза, а затем и самой России. Более того, сразу после образования СССР заговорили о мнимой угрозе великорусского шовинизма, что позднее стало сопровождаться оскорбительными выпадами против русских.

Надо сказать, что недобрая традиция пренебрежительного отношения к русским рождена той частью революционеров, которым был чужд русский народ, которые в России не видели ничего, кроме, как мы уже говорили, материала для разжигания «мирового пожара». Например, когда в 1918 году по инициативе Ленина был ратифицирован Брестский мирный договор, Радек, который был тогда заместителем наркома по иностранным делам, произнес знаковую фразу: «Боже! Если бы в этой борьбе за нами стояла другая нация, а не русские, мы бы перевернули мир».

Подспудно протест русского населения против своего униженного положения начал зреть позднее, в послевоенные годы, а реакцией на него явилось создание в 1956 году газеты «Советская Россия». Новое дыхание он приобрел после того, как русские патриоты объединились в борьбе против правительственного проекта переброса северных рек, осуществление которого неминуемо привело бы к экологической катастрофе на обширных территориях России. Важнейшим этапом его стало создание широкого фронта патриотических сил после измены Горбачева — Ельцина. Безусловно, в ходе развития патриотического движения были и крупные ошибки, в том числе поддержка поспешного решения о суверенитете России, в значительной степени ускорившего распад СССР.

Сдерживая давление со стороны внутрипартийных русофобов, Сталин последовательно и основательно проводил курс на восстановление попорченной ими национальной справедливости, на постепенную и тщательно сбалансированную кадровую политику. Однако хрущевская и брежневская эпохи затушевывали этот курс, сделав возможной новую вспышку оголтелой русофобии в пору «горбачевской» перестройки и либеральных «реформ». Всем памятна издевательская над русским «старшим братом» — осмеянным, оболганным, изгнанным. Тем самым «братом», который, согласно политике сталинского времени, использовал «свое положение ведущего в семье равных советских республик... чтобы помочь подняться, расправиться, развиваться тем народам, которых наиболее угнетало царское правительство, которые больше всего отстали в экономическом и культурном развитии».

Кануло ли в Лету это историческое призвание русских? Хочется надеяться, что нет. Союзное государство, выпестованное Сталиным, должно возродиться. И возродится оно, рано или поздно, вокруг русской нации. Придет время, и сталинские разработки в области теории национальных отношений будут востребованы полностью. К созданию нового единого государства неизбежно приведет осознание трудящимися массами братских стран общности своих коренных интересов.

Сейчас же КПРФ прямо говорит: не будет равноправен, обеспечен и счастлив русский народ — не будет достатка, равенства и счастья ни у одного другого народа России.

Ярким проявлением державности сталинского мышления стала его речь на приеме по случаю двадцатилетия Октябрьской революции. «Русские цари, — говорил Сталин, — сделали одно хорошее дело — сколотили огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство как единое, неделимое государство не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство. Мы объединили государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только не нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, враг, заклятый враг государства, народов СССР».

Сталин прекрасно понимал, что уникальная страна собиралась по крупицам веками, а развалить ее можно за очень короткий исторический срок. Что в конечном счете и произошло с СССР. На примере ряда государств, созданных на территории бывшего Советского Союза, мы наблюдаем неумолимый процесс закабаления «частей» социалистического государства, о котором говорил Сталин. Путь к зави-

симости от иностранных держав не блещет оригинальностью — планы вступления наших соседей в ВТО, НАТО, ЕЭС хорошо известны. По сути, мало чем отличается от этого и путь, избранный Россией, которая все больше становится сырьевым придатком развитых западных держав. Требования, которые предъявили к нашей стране чиновники ВТО, в том числе на международном симпозиуме «Взгляд в будущее: Россия в XXI веке» (19 июня 2008 года), означают, что РФ может полностью отдать свои рынки под импортное продовольствие, потерять собственную продовольственную базу, свое сельскохозяйственное производство.

В целом — с поправкой на современные условия — нынешняя ситуация в области национально-государственных проблем разительно напоминает ту, с которой пришлось столкнуться большевикам в первые годы советской власти. Налицо и полное отделение прежних союзных республик, и разобщение их братских народов, и резкий всплеск национального движения.

Схожая задача стоит в области экономического сближения новых независимых государств — сейчас это прежде всего Россия, Белоруссия, Украина, Казахстан, — без чего невозможно серьезно говорить о каком-либо экономическом прорыве в будущем, авторитете на международной арене. Не случайно одна из главных задач США — не допустить, чтобы эти самостоятельные ныне государства объединили свои потенциалы.

В определенной форме все эти проблемы существуют и внутри Российской Федерации. А потому, говоря о необходимости государственной централизации, нельзя игнорировать прежний опыт и закрывать глаза на реальную политическую обстановку в стране и в мире. Сейчас, как и в первые годы существования молодой Советской республики, задача состоит в том, чтобы создать в России устойчивую и эффективную конфигурацию государственной власти, которая сочетала бы в себе элементы и централизма, и федерализма. Этого требует и внешнеполитическая обстановка, пошатнувшаяся геополитическая роль России.

Именно поэтому КПРФ сегодня последовательно доказывает, что нынешняя перевернутая пирамида управления государством, когда исполнительная власть полностью подмяла под себя народное представительство, находится в вопиющем противоречии с традициями нашего народа и современными потребностями страны.

Становится все более очевидным, что Россия остро нуждается в восстановлении приоритета представительной власти. С этой целью Компартия предлагает свой путь изменения государственного устройства, главная цель которого — создание на базе российских традиций парламентской республики советского типа, которая бы выражала интересы подлинно национального, выстраданного и

проверенного историей движения к народовластию в истинном его понимании.

Во главе угла неразрешенной проблемы национальных отношений уже давно стоит русский вопрос, в более широком его смысле — вопрос о русском социализме, без разрешения которого немислим капитальный «ремонт» государственности. Все коммунисты сейчас прекрасно понимают, что возрождение нашей отечественной государственности и возвращение России на путь социализма — явления неразделимые. История вновь поставила народы нашей Родины перед тем же выбором, что и в 1917-м, и в 1941 году: либо великая держава и социализм, либо дальнейшее разрушение страны и превращение ее в сырьевой придаток.

Спекулируя на патриотизме россиян, кремлевские сидельцы все время уводят их от главной проблемы — проблемы собственности. Закономерен вопрос: каким образом будут решаться обострившиеся социальные противоречия и стратегические вопросы национального развития, если государственный сектор экономики составляет на сегодняшний день всего лишь чуть более 10 процентов? Структуру современной экономики России нельзя назвать даже пародией на то, что мы видим в ведущих европейских странах. Здесь государственная собственность неизменно превалирует во всех отраслях, обеспечивающих национальную безопасность и стратегию социально-экономического развития. А ее удельный вес в наиболее развитых странах составляет от 36 до 43 процентов.

Огромную тревогу общества вызывает тот факт, что из-под его контроля полностью выведены Фонд будущих поколений и Резервный фонд. Структура их активов засекречена даже от депутатов Госдумы. Известно, что накопленные в них средства размещаются таким образом, что приносят минимальную финансовую отдачу и работают на чужую, прежде всего американскую, экономику. При этом правительство упорно скрывает ответ на вопрос: могут ли эти деньги вообще использоваться Россией?

...Оценивая с позиций нашего времени прошлый опыт, можно уверенно сказать, что в целом дееспособность и эффективность государственной национальной политики послужили созданию необходимых предпосылок для наиболее выдающихся достижений советской эпохи. В основание такой политики Сталин положил два важнейших принципа: беспощадную борьбу с любыми формами национал-сепаратизма и опору на русский народ как на главную, державообразующую нацию.

Оба этих принципа оформились не вдруг и не сразу. Оба пробивали себе дорогу долго и трудно, в ходе жестокой внутривластной борьбы между приверженцами национально ориентированной, исторически

преемственной стратегии развития страны и сторонниками русофобской теории «перманентной революции».

Еще в первом номере газеты «Правда», формулируя задачи новой большевистской газеты, Сталин публикует статью, которая, можно без преувеличения сказать, отражает его важнейшее мировоззренческое кредо — взгляд на разрешение противоречий внутри рабочего движения и партии и на то, как эти противоречия могут быть увязаны с принципом необходимости единства в политической борьбе. Он, в частности, писал: «Мы отнюдь не намерены замазывать разногласий, имеющихся среди социал-демократических рабочих. Более того: мы думаем, что мощное и полное жизни движение немислимо без разногласий... Но это еще не значит, что пунктов расхождения больше, чем пунктов схождения... Поэтому "Правда" будет призывать прежде всего и главным образом к единству классово-рабочей борьбы пролетариата, к единству во что бы то ни стало... Война врагам рабочего движения, мир и дружная работа внутри движения — вот чем будет руководствоваться "Правда" в своей повседневной работе».

Принципом «единства во что бы то ни стало» Сталин руководствовался в разрешении всех спорных вопросов. Один из сподвижников Троцкого как-то заметил, что многие лидеры оппозиции, говоря о своем неприятии Сталина в качестве руководителя партии, при этом добавляют: «Если бы не он... все бы развалилось на части. Именно он держит все вместе».

Чтобы понять, как следует, о чем идет речь, нужно хорошо представлять, что в руководстве партии проблема единства возникла еще при жизни Ленина, особенно остро она стояла в период его болезни. Конечно, одно дело, когда возникали принципиальные, идейные расхождения, совсем другое — когда раскольниками преследовались неблагоприятные цели. Вспомним хотя бы, для чего Троцкий инициировал в партии дискуссию о профсоюзах. Эта дискуссия показала еще раз, насколько велика опасность полного раскола в партии.

Эту опасность сознавал и Сталин, обращая внимание на то, что «внутри ЦК... сложились (не могли не сложиться) некоторые навыки и некоторые традиции внутрицекистской борьбы, создающие иногда атмосферу не совсем хорошую». И делал вывод: «Нам нужны независимые люди в ЦК, свободные от личных влияний, от тех навыков и традиций борьбы внутри ЦК, которые у нас сложились и которые иногда создают внутри ЦК тревогу».

Возможность внутрипартийного раскола стала очевидна еще в годы Гражданской войны. Его опасность возрастала по мере размежевания руководства партии по оценкам перспектив строительства социализма в России, коренным вопросом которых являлся вопрос о возможности (или невозможности) победы социализма в одной, отдельно взятой стране, о

том, может или нет устоять социалистическое государство во враждебном окружении империалистических держав. Раскол проявился также в период постановки Сталиным вопросов индустриализации страны, коллективизации ее сельского хозяйства.

Да, действительно, при подходе к тем или иным вопросам возникновение разногласий было неизбежно. Но очень часто шум, который поднимался различного рода оппозиционерами, не согласными с генеральной линией партии, отражал процесс их борьбы за власть, который шел в партии, подтачивал к ней доверие и отравлял.

«В конечном итоге все противоречия сходились в борьбе за власть» — так считал Троцкий. «Борьба между троцкистами и Советским правительством не борьба за власть, а борьба двух программ», — мнение Сталина.

Суть постоянно возникающих противоречий заключалась в том, что внутри Компартии, едва ли не с момента ее рождения и практически на всех этапах ее развития, существовало два противоборствующих направления, фактически, две партии: партия «наша страна» и партия «эта страна». Имена первой хорошо знают широкие массы людей. К ней принадлежали Ле-нин и Сталин, Шолохов и Королев, Жуков и Гагарин Курчатов и Стаханов. В нее входили наиболее активная часть рабочего класса и крестьянства, большое число управленцев и партаппаратчиков, безотказно тянувших лямку в тяжелейшие для страны дни, другими словами, — миллионы тружеников-патриотов. В эту же партию вступали тысячи бойцов на фронтах войны.

Вторая численно не шла ни в какое сравнение с первой, но ее политический вес и влияние в высших эшелонах власти были непропорционально огромными, часто решающими. Ее в основном составляли люди с партбилетами, для которых «эта страна» и «этот народ» были лишь ареной, материалом для реализации своих непомерных тщеславных амбиций и властолюбивых вождельных, полигоном для авантюрных социальных экспериментов. Это — партия Троцкого и Кагановича, Берии и Мехлиса, Горбачева и Ельцина, Яковлева и Шеварднадзе.

Одни по окончании Гражданской войны стремились восстановить разрушенное и парализованное хозяйство, наладить продовольственное снабжение, модернизировать экономику, возродить вооруженные силы. Они не щадили себя, терпели лишения, недоедали вместе со страной.

Другие подписывали зверские приказы о поголовном «расказачивании», уничтожали священнослужителей, пропагандировали «расстрелы как метод воспитания», ни в чем себе не отказывали и хладнокровно морили голодом миллионы людей, взрывали национальные святыни.

Партийная борьба свидетельствовала о том, что в партии изначально существовали противоположные тенденции — пролетарские и мелкобуржуазные, демократические и бюрократические, противостояние которых особенно обострилось после Октябрьской революции, когда надо было определять политику государства в сфере идеологии и экономики, в отношениях с другими странами.

Противостояние в партии, незримо разделенной на два непримиримых лагеря, с начала двадцатых годов стало олицетворяться противостоянием двух людей, двух руководителей партии — Сталина как последователя дела Ленина и Троцкого как главного выразителя в партии мелкобуржуазной стихии. Столкновение Троцкого со Сталиным — это прежде всего борьба двух направлений в революции и развитии советского общества. Троцкий если не открыто, то в глубине души противопоставлял себя и Ленину, еще при жизни вождя лелеял надежды оттеснить его на второстепенные роли, чтобы самому возглавить партию и государство.

Но, пожалуй, главное, что характеризует Троцкого и его последователей, — это поразительное неверие в возможности России, в способности русского народа к созидательной деятельности. Стоит ли удивляться, что наиболее реальной он считал перспективу превращения России в административную единицу Соединенных Штатов Европы. Идея эта была особенно популярна среди троцкистов в связи с их ожиданиями мировой революции и революции в Германии как ее важнейшего этапа.

Весь последующий ход революционных преобразований в России в годы правления Сталина показал теоретическую несостоятельность троцкистов. В ряде своих работ, в том числе в статье «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (1924 год), он подверг резкой критике утверждение Троцкого о том, что «до тех пор, пока в остальных европейских государствах стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром... Подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы».

Этому утверждению Сталин противопоставлял ленинский закон о неравномерности экономического и политического развития капитализма. Именно это положение служило теоретической основой вывода о возможной победе социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране.

Высказывания Троцкого говорят о том, что рассуждения о России как сырьевом придатке развитого в промышленном отношении Запада не новы. В частности, Троцкий считал, что «победивший германский пролетариат будет снабжать Советскую Россию в кредит в счет будущих поставок сырья и продовольствия не только машинами и готовой

продукцией, но также десятками тысяч высококвалифицированных рабочих, инженеров и организаторов».

В нынешней России события развиваются таким образом, что в недалеком будущем мечта Троцкого может исполниться. Если народ не найдет в себе сил отвернуть Россию от ее гибельного курса.

Ничего удивительного нет и в том, что Троцкий считал самой крупной ошибкой Сталина его теорию строительства социализма в одной стране, не дожидаясь мировой революции и не полагаясь на нее. При этом его раздражала и резкая критика Сталиным позиции II Интернационала, считавшего, что пролетариат не должен брать власть, если он не является большинством в стране и если у него нет в наличии достаточного количества готовых кадров, способных наладить управление страной.

Особые «таланты» Троцкий проявлял, заигрывая с молодежью, называя ее «авангардом авангарда», то есть авангардом партии, противопоставляя «новичков», вступивших в партию после Октябрьской революции, «старым кадрам», разделяя таким образом их. «Молодежь, — говорил он, — вернейший барометр партии — резче всего реагирует на партийный бюрократизм». Многим молодым членам партии это, конечно, нравилось. Только не все могли понять, что, «заглатывая» разного рода комплименты, они становятся разменной монетой Троцкого в достижении не-бпговидных целей, в борьбе за власть.

Сталин никогда не устранился от внутривнутрипартийных дискуссий. В частности, он поддержал призывы многих коммунистов демократизировать партийную жизнь, а ведь этими требованиями на всех углах спекулировали троцкисты. Лозунги о «демократизации» служили им, как и другие выдвигаемые идеи, прикрытием для захвата власти и установления в стране военной диктатуры. Однако Сталин под демократизацией понимал не только свободу слова и дискуссий, а прежде всего привлечение представителей широких народных масс к управлению.

Сталин сравнивал позицию Троцкого, его учение о так называемой «перманентной революции» с принципиальными ленинскими высказываниями. В частности, он приводил следующий пример: «Ленин говорит о союзе пролетариата и трудящихся слоев крестьянства как основе диктатуры пролетариата. У Троцкого же получаются "враждебные столкновения" "пролетарского авангарда" с "широкими массами крестьянства"».

Ленин говорит о руководстве трудящимися и эксплуатируемыми массами со стороны пролетариата. У Троцкого же получаются "противоречия в

положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения".

По Ленину революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России. У Троцкого же получается, что необходимые силы можно черпать лишь "на арене мирового пролетариата"».

Пытаясь как-то объяснить свое поражение во внутрипартийной борьбе, Троцкий обвинял Сталина в антисемитизме, в том, что тот якобы намеренно провоцировал в среде партийных активистов вспышку антисемитских настроений. Однако любому непредвзятому человеку ясно, что борьбу с троцкизмом никак нельзя связать с антисемитизмом хотя бы потому, что союзниками Сталина в ней были известные коммунисты еврейской национальности. Кроме того, как заметил писатель Вадим Кожин, в самый разгул послевоенного «антисемитизма», в 1949—1952 годах, лауреатами Сталинской премии по литературе стали писатели-евреи, составлявшие около трети общего числа удостоенных ее авторов, пишущих на русском языке. Похожая картина сложилась в это же время и в кинематографии.

Попытки приклеить к Сталину ярлык антисемита возобновились уже в конце восьмидесятых годов. Однако правда состоит в том, что Сталин всегда, исходя ИЗ конкретной политической ситуации, пытался соблюсти принцип справедливого, сбалансированного представительства различных наций в руководящих органах партии и правительства. И, в частности, следил, чтобы этот принцип наравне со всеми распространялся на представителей еврейской нации. «Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком капитализма», — считал Сталин. И жестко спрашивал с тех членов партии, которые не прочь были опереться на это бытовавшее в определенных кругах явление, добиваясь той или иной цели...

Итогом сталинского вывода о троцкистской оп-позиции как явлении, опиравшемся на непролетарские силы, способствовавшем росту мелкобуржуазной стихии, стало решение об организации массового приема в партию рабочих от станка, получившего на-звание «Ленинский призыв». Именно по инициативе Сталина после смерти В. И. Ленина ЦК РКП(б) принял обращение «К партии, ко всем трудящимся», в котором содержался призыв крепить партию за счет Стойких сторонников пролетарской революции, «лучших, передовых, честных и смелых бойцов». Из общей численности партии — 735 тысяч человек — свыше 240 тысяч пополнили ее в период «Ленинского призыва». Они составили тот костяк, на который Сталин опирался в дальнейшей борьбе с оппортунистами и ненавистниками России.

Важной вехой в истории внутрипартийных баталий двадцатых годов стал доклад Сталина «О социал-демократическом уклоне в нашей партии», который он сделал на XV партконференции 1 ноября 1926 года. Именно

в нем содержится вывод о возможности победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране. А это тогда было главным камнем преткновения, основным вопросом, ответ на который разделял партию с оппозицией. В конечном счете речь шла об уверенности в собственных силах или неверии в них. Важно отметить, что партия никогда ранее не была такой сплоченной, какой она стала, вдохновленная сталинскими перспективами социалистического строительства.

Через год на совместном заседании ЦК и ЦКК было принято решение об исключении из партии Троцкого и Зиновьева. XV съезд партии подтвердил это решение, а также исключил из партии еще 75 активных членов оппозиции, в том числе Каменева, Пятакова, Радека.

Еще через месяц Бухарин, не скрывая своей главной цели — смещение Сталина с поста генерального секретаря, — заявил: «Разногласия между нами и Сталиным во много раз серьезнее всех бывших у нас разногласий». Однако поддержка Сталина в ЦК уже была столь огромна, что намеченный Бухариным переворот потерпел крах.

В апреле 1929 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин подвел итог борьбы с оппозицией в целом и Бухариным в частности: «Либо марксова теория борьбы классов, либо теория вrastания капиталистов в социализм; либо непримиримая про-тивоположность классовых интересов, либо теория гармонии классовых интересов».

Иных альтернатив для него не существовало.

Осудив на XX съезде культ личности Сталина, Хрущев тем не менее отметил немало значительных моментов в его деятельности, которые, по сути, помогли партии выжить и выстоять в суровых испытаниях. В частности, говорилось, что «партия провела большую борьбу против троцкистов, правых, буржу-азных националистов, идейно разгромила всех врагов ленинизма. Эта идейная борьба была проведена успешно, в ходе ее партия еще более окрепла и закалилась. И здесь Сталин сыграл свою положительную роль.

Партия провела большую идейную борьбу против тех людей в своих рядах, которые выступали с антилеинскими положениями, с враждебной партии и делу социализма политической линией. Это была упорная, тяжелая, но необходимая борьба, потому что политическая линия и троцкистско-зиновьев-ского блока и бухаринцев по существу вела к реставрации капитализма, к капитуляции перед мировой буржуазией.

Представим себе на минуту, что бы получилось, если бы у нас в партии в 1928—1929 годах победила политическая линия правого уклона, ставка на "ситцевую индустриализацию", ставка на кулака и тому подобное. У

нас не было бы тогда мощной тяжелой Индустрии, не было бы колхозов, мы оказались бы обезоруженными и бессильными перед капиталистическим окружением».

Эти слова мы напоминаем тем, кто пытается исказить историю нашей партии и доказать возможность ее «бархатного» развития в прошлом.

* * *

Время подтвердило живучесть идей Троцкого. В чем же причины этого явления? Прежде всего в борьбе любыми средствами за удовлетворение личных амбиций, страх перед будущим, чувство угрозы неминуемого поражения, наконец, сознательная дискредитация Коммунистической партии.

Для коммунистов неопределима сталинская мысль, разоблачающая новые формы угрозы троцкизма, которая не только время от времени нависает над КПРФ, но и дает о себе знать в ее различных проявлениях:

«...Современные троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть ему свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что, если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их как людей чуждых и прогонит их от себя. Этим, собственно, и объясняется, что основным методом троцкистской работы является теперь не открытая и честная пропаганда своих взглядов в рабочем классе, а маскировка своих взглядов, подбострастное и подхалимское восхваление взглядов своих противников, фарисейское и фальшивое втаптывание в грязь собственных взглядов».

Это определение как нельзя точно описывает суть и действия группировки Тихонова — Семигина — Потапова, которая несколько лет назад ударила в спину партии в один из решающих моментов политической борьбы. «Семигинщиной» отмечен, пожалуй, наиболее сложный период в истории КПРФ, который ознаменовался переходом кремлевских властей от лобовых атак на оппозицию к изощренной тактике подрыва ее руководящих структур изнутри. В 2002—2004 годах и была предпринята попытка расколоть и приватизировать КПРФ методом хорошо известного в рыночной экономике рейдерства. Возглавил эту операцию бизнесмен Геннадий Семигин.

Что было для нее характерно? Наглая политическая мимикрия, вплоть до принятия на себя почти точной аббревиатуры названия нашей партии сталинской поры — ВКПБ. Механическое воспроизведение раскольниками марксистских терминов, за которыми тщательно пряталось совсем не марксистское содержание. Способность разом и на

180 градусов менять свои позиции по принципиальнейшим вопросам. Лесть взмах в адрес тех, кто в данный момент им нужен, сменяющаяся грубейшей бранью, если эти люди «не оправдывают надежд», — все это в изобилии продемонстрировали фальшивые патриоты, пытаясь оседлать» КПРФ. Но стремление сформировать в партии второй руководящий центр и захватить в ней власть провалилось. В ходе общепартийной дискуссии практически все 18 тысяч первичных организаций дали решительный отпор раскольникам в центре и на местах, оказав твердую поддержку руководящему ядру партии. Рядовые коммунисты, в отличие от некоторых своих именитых товарищей, клюнувших на щедрые посулы и заманчивые предложения богатых спонсоров, не обманулись и не дрогнули.

Но попытки Кремля вытеснить партию с патриотического поля, сформировать внутри КПРФ «карманную элиту», ставящую свои групповые и личные интересы выше общепартийных, превратить КПРФ в послушную власти парламентскую системную оппозицию на этом не кончились и следуют одна за другой. При этом кремлевские политтехнологи допускают один и тот же просчет, и заключается он в том, что они игнорируют моральную сторону вопроса и пытаются спроецировать на КПРФ собственные нравы и законы воровских чиновничьих структур, где все покупается и продается. Поэтому они никак не могут понять, что деятельность Компартии строится совсем на других принципах.

Сила троцкистов, подчеркивал Сталин, «состоит в партийном билете, в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет дает им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организации. Их преимущество состоит в том, что, имея партийные билеты и прикидываясь друзьями Советской власти, они обманывали наших друзей политически, злоупотребляли доверием, вредили втихомолку и открывали наши государственные секреты врагам Советского Союза».

Партия дала бой троцкистам наших дней. Процесс обновления, катализатором которого стала борьба с «семигинщиной», очистил и сплотил КПРФ, научил коммунистов по достоинству ценить свою партию и завоеванное ею влияние в стране и мире.

КПРФ будет и впредь делать все для того, чтобы не допустить в свои ряды дух троцкизма, попыток отдельных деятелей возомнить себя, как говорил Сталин, «сверхчеловеком, стоящим над ЦК, над его законами, над его решениями, дав тем самым повод известной части партии повести работу в сторону подрыва доверия к этому ЦК».

А такая работа, с благословения кремлевских политиков, ведется самым активным образом. Власти стараются делать все, чтобы создать, говоря образным сталинским языком, ситуацию, когда «группа членов партии

поджидает центральные учреждения партии у переулочка, чтобы сыграть... на ...затруднениях партии для того, чтобы выскочить потом из-за угла, из засады и стукнуть партию по голове».

Российские коммунисты научились на самых ранних стадиях распознавать черты подобной «болезни» и принимать вовремя необходимые меры. Борьба с раскольниками излечила коммунистов от благодушия и снисходительности к тем, кто прямо либо косвенно, своей ленью, расхлябанностью, личной корыстью, авантюрными решениями и действиями, наносил ущерб общепартийному делу.

* * *

Победу социализма Сталин не представлял без постепенного возвращения страны к ее культурно-историческим основам — к сильной централизованной власти, коллективистскому образу жизни, верховенству духовного начала в системе человеческих ценностей. Особое внимание он уделял сохранению преемственности и развитию идейных принципов новой государственности, опирающихся на вековые национальные традиции русского и других российских народов.

В своей знаменитой статье «Головокружение от успехов», критикуя тех, кто допустил серьезные перегибы в осуществлении коллективизации, он делает одно важное замечание. «Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, "революционерах", — пишет он, — которые дело организации артели начинают со снятия с церковью колоколов. Снять колокола, — подумаешь какая ррреволюционность!»

За этой фразой виден человек, которого явно раздражал радикальный атеизм людей, не понимавших крестьянскую психологию, не знавших традиций и быта деревенской жизни. Или затевавших антирелигиозную возню сознательно, чтобы, истребляя духовные и культурные корни народа, настроить против советской власти широкие массы населения.

Это, в частности, вызвало возмущение у делегатов XII съезда РКП(б), состоявшегося в апреле 1923 года. Во исполнение решений партийного съезда Сталин готовит и подписывает циркулярное письмо ЦК РКП(б) «Об отношении к религиозным организациям». В нем внимание парторганизаций обращается «на ряд серьезных нарушений, допущенных некоторыми организациями в области антирелигиозной пропаганды и, вообще, в области отношений к верующим и к их культам» и указывается, что «нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательство над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения — не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков».

Если кампанию «по изъятию церковных ценностей», которую возглавил Троцкий, можно было еще как-то оправдать помощью жертвам засухи 1921 года, то возникновение «движения за разрушение церквей» в начале тридцатых годов, инициатором которого стала зарождавшаяся особая прослойка советской и партийной бюрократии, никакому объяснению не поддается. В этих «инициативах» на местах обнажается вся степень чудовищных перегибов, которые пришлось преодолеть Сталину в период коллективизации. Проявляется то, что позднее давало ему основание говорить о том, что «подхалимствующий дурак приносит больше вреда, чем сотня врагов».

В постановлении ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» от партийных организаций потребовали решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. За издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок решено было привлекать виновных к строжайшей ответственности.

Понимание позиции Сталина особенно важно сейчас, когда набившие оскомину антисоветские программы телевидения, телесюжеты о «злодеяниях» большевиков, как правило, сопровождаются показом разрушения храмов в двадцатых — тридцатых годах. У зрителей, по мнению режиссеров таких передач, должно сложиться мнение, что все происходившее было в порядке вещей. Однако это было далеко не так, шло вразрез с линией, которую выбрал для себя Сталин.

Как известно, Сталин получил духовное образование. Тенденциозность и лживость многих комментариев по поводу его семинарского обучения в значительной степени объясняются не только враждебностью их авторов к Сталину, но и их отчужденным отношением к православной церкви. Ведь Сталин, что умалчивалось по понятным причинам в советское время, с малых лет воспитывался в православной вере, изучал Библию, очень серьезно относился к церковным обрядам и даже пел в церковном хоре.

Такое воспитание, безусловно, не прошло бесследно, сказалось на его мировоззрении. Разумеется, после того как Сталин стал членом марксистской партии, влияние религиозного образования на его сознание и привычки проявлялось опосредованно. Что ни говори, он состоял в партии, проповедовавшей атеизм, и по этой причине долгое время открыто не выступал против мер по ограничению деятельности церкви. Это могло противопоставить его значительной части партии, наверняка настроило бы против него большинство партийного руководства, в котором, к сожалению, господствовали не только антихристианские взгляды, но и нередко, как мы уже говорили, исповедовалась русофобия. Притом что Сталин держал в руках огромную власть, у него было окружение, с которым он не мог не считаться. Так

что отношение Сталина к вере и Церкви до поры до времени оставалось скрытым.

Но в отличие от отдельных деятелей партии, Сталин никогда не был инициатором преследований Церкви и ее иерархов, не разделял требований о ликвидации Церкви и упразднении религии, которые выдвигались Союзом воинствующих безбожников.

То, что у Сталина атеистическая пропаганда вызывала серьезное недовольство, так как она полностью игнорировала особенности религиозного сознания верующего человека и издевалась над ним, видно из целого ряда его высказываний. В одном из своих выступлений 1924 года Сталин говорил: «Иногда некоторые товарищи рассматривают крестьян как философов-материалистов, полагая, что стоит прочесть лекцию по естествознанию, чтобы убедить мужика в несуществовании Бога. Они не понимают часто, что мужик смотрит на Бога по-хозяйски, то есть мужик иногда не прочь бы отвернуться от Бога, но его часто раздирают сомнения: "А кто его знает, может, Бог и в самом деле существует; не лучше ли будет ублаготворить и коммуниста, и Бога, чтобы надежнее было для хозяйства"». В своем кругу Сталин отзывался об антирелигиозной пропаганде значительно резче, в частности, дал указание секретарю Товстухе не выписывать для его библиотеки «антирелигиозную макулатуру».

Позитивное изменение государственной политики по отношению к религии, разрыв с проводившимся ранее курсом на уничтожение веры в Бога приходится на конец тридцатых — начало сороковых годов. К этому времени Сталин очистил государственный аппарат от профессиональной гвардии русофобов и христорборцев, выпустил Церковь из плена, вернул священников из тюрем и лагерей и прекратил гонения на них, помог восстановить систему духовного образования и материального обеспечения приходской жизни.

В 1936 году, при принятии Конституции Союза ССР, он выступил против предложения лишать «избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей и лиц, не занимающихся общепольным трудом». «Во-первых, — объяснял он свою позицию, — не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслужили тот позор, если же наша агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы».

Эта сталинская позиция означала начало важного этапа в политической жизни страны — периода перехода к снятию социальных ограничений с отдельных категорий населения, в том числе со священнослужителей.

В постановлении Политбюро ЦК от 11 ноября 1939 года, подписанном Сталиным и направленном исполнителям под грифом «Особый контроль», НКВД поручалось «произвести ревизию всех осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительной деятельностью», а также предлагалось освободить из-под стражи осужденных граждан по указанным мотивам, если их деятельность не нанесла вреда советской власти.

Уже 22 декабря 1939 года нарком внутренних дел Л. Берия докладывает в ЦК:

«Во исполнение решения ПБ ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года за № 1697/13 из лагерей ГУЛАГ НКВД СССР освобождено 12 860 человек, осужденных по приговорам судов в разное время. Из-под стражи освобождено 11 223 человека. Уголовные дела в отношении их прекращены. Продолжают отбывать наказание более 50 000 человек, деятельность которых принесла существенный вред советской власти.

Личные дела этих граждан будут пересматриваться. Предполагается освободить еще около 15 000 человек».

Огромное, можно сказать, переломное значение в отношениях советского правительства и Русской православной церкви имела встреча Сталина с патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием, митрополитом Ленинградским Алексием и экзархом Украины митрополитом Киевским и Галицким Николаем, которая состоялась в начале сентября 1943 года.

Сталин начал беседу с того, что высоко отозвался о патриотической деятельности Церкви. Здесь необходимо заметить, что уже в первый день войны патриарший местоблюститель митрополит Сергей выступил с обращением «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», благословив «всех православных на защиту священных границ нашей Родины».

В ходе встречи Сталин попросил иерархов изложить свою точку зрения на то, какие меры необходимо предпринять, чтобы восстановить нормальное течение церковной жизни.

Результаты этой беседы, по свидетельству митрополита Иоанна, превзошли всякие ожидания. Все до единого вопросы, которые были поставлены иерархами, говорившими о насущных нуждах клира и паствы, были решены положительно и столь радикально, что принципиально изменили положение православия в СССР. Было принято решение о созыве Архиерейского собора и выборах патриарха, престол которого к тому времени пустовал 18 лет. Договорились о возобновлении деятельности Священного синода. В целях подготовки кадров

священнослужителей решили вновь открыть духовные учебные заведения — академии и семинарии. Церковь получила возможность издания потребной религиозной литературы, в том числе — периодической. Были обсуждены даже такие детали, как работа свечных заводов.

В ответ на поднятую митрополитом Сергием тему о преследовании духовенства, о необходимости увеличения числа приходов, об освобождении архиереев и священников, находившихся в ссылках, тюрьмах, лагерях, и о предоставлении церковным служителям возможности беспрепятственного совершения богослужений, свободного передвижения по стране и прописки в городах Сталин тут же дал поручение своим помощникам «изучить вопрос» и предложил Сергию подготовить списки священников, находящихся в заточении. Такой список Сталин получил сразу, ибо он был заранее составлен митрополитом и предусмотрительно захвачен им с собой.

Итоги «перемены курса» стали поистине ошеломляющими. В несколько ближайших лет на территории СССР, где к началу войны оставалось, по разным данным, от 150 до 400 действующих приходов, были открыты тысячи храмов, а количество православных общин доведено, по некоторым сведениям, до 22 тысяч! Подавляющая часть репрессированного духовенства была освобождена из заключения. Пресекались любые гонения на верующих и дикие шабаши Союза воинствующих безбожников.

Можно уверенно сказать, что такие перемены в церковно-государственных отношениях были не случайны. Они диктовались не политической конъюнктурой, а хорошо продуманной стратегией. Эта стратегия предполагала решительную корректировку политического курса, в основу которого, наряду с социалистическими достижениями, были положены традиционные ценности русского национального бытия.

Сталин тщательно выстраивал новую конфигурацию мировоззренческих, идеологических опор государственной власти, которая должна была одновременно соответствовать послевоенному статусу СССР как мировой сверхдержавы и восстановить его преемственность с тысячелетней российской историей. Он считал, что на этом пути государство и Церковь являются естественными союзниками в деле духовно-нравственного воспитания народа.

Все это дало основания в 1947 году, на празднествах по поводу 800-летия Москвы, Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I заявить, что «русская Церковь возносит усердную молитву о державе, победе, мире, здравии и спасении... всех доблестных руководителей страны нашей, твердо ведущих нашу Родину по издревле священному пути

мощи, величия и славы».

А отец Дмитрий Дудко, один из известнейших «узников совести» брежневской эпохи, писал в 1995 году: «Сталин был дан нам Богом, он создал такую державу, которую сколько ни разваливают, а не могут до конца развалить... Да, Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для всего мира... Наши патриархи, особенно Сергей и Алексей, называли Сталина богоданным вождем. К ним присоединялись и другие, такие, как крупный ученый и богослов Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. Кстати, сидевший при Сталине, но это не помешало ему назвать Сталина "богоданным".

Сталин с внешней стороны атеист, но на самом деле он верующий человек... Не случайно в Русской Православной Церкви ему пропели, когда он умер, даже вечную память».

Сталин, не только в силу воспитания, полученного в детстве и юности, но и в силу своей всесторонней образованности, хорошо понимал роль духовного фактора любого народа в его отношении к окружающей действительности. С особым уважением, как мы уже знаем, он относился к системе ценностей русского народа.

Когда-то слова «русский» и «православный» были синонимами. Православие несло в себе для русского человека объединяющее духовное начало, а его значение в нашей истории трудно переоценить. Христианство дало нам письменность. С именем одного из самых почитаемых святых, Сергия Радонежского, связано освобождение Руси от золотоордынского ига и возвышение Москвы. Монахи Пересвет и Ослябя, павшие на Куликовом поле, стали народными героями. Выдающиеся люди эпохи Просвещения — Ломоносов, Державин, Болотов — глубоко религиозные люди...

Во все века верующие черпали в православии стремление воплотить в своем бытии идеалы праведности и любви, милосердия и сострадания, веры и верности. Вековая незыблемость нравственных и религиозных ценностей помогла русскому народу сохранить себя посреди невероятных тягот и тяжелейших испытаний, выпавших на его долю за последнее столетие.

Поворот в политике по отношению к религии при Сталине явился лишь началом трудного пути к новой «симфонии» взаимоотношений Советского государства и Церкви, их совместных усилий по укреплению огромных духовных сил народа, способствующих преобразованию общественного и государственного устройства, по укреплению единства нации, соединению исторических и культурных традиций, сформировавшихся в течение многих столетий. Но, несмотря на значимость происшедших политических перемен, пройти этот путь до

конца не удалось.

После смерти Сталина, с началом периода «либеральной оттепели» — своего рода предтечи «перестройки» восьмидесятых годов, — Церковь ждала новые испытания. Ее противники почти сразу обнаружили себя после смерти Сталина, с приходом к власти Хрущева. Чего стоит только обещание Хрущева «показать по телевизору последнего попа» или его самый «убедительный» атеистический аргумент: первые советские космонавты в космосе Бога не видели!

Идея нормализации отношений между Компартией и Церковью была возрождена на официальном уровне только образованной в июне 1990 года КП РСФСР. После ее запрещения подельщиками Ельцина идейный преемник российских коммунистов — КПРФ стала, по сути дела, единственным реальным оплотом всех патриотических сил в стране, пытавшихся остановить в ней разрушительные тенденции. Благодаря КПРФ в девяностые годы удалось создать широкий народно-патриотический фронт, который не позволил ельцинистам разграбить Россию до конца и разорвать ее на части.

Уже много сказано про то, почему с первых дней образования КПРФ в 1993 году «демократы» обрушились на нее с обвинениями в национализме, ксенофобии, разжигании темных страстей, запугивали обывателя «красно-коричневой» угрозой, которую якобы несла в себе Компартия. Сами же они при этом нередко демонстрировали мнимую набожность, которая так же, как позднее и показной «патриотизм», вошла в моду.

А что же происходило в действительности?

«Отечество наше, народ наш переживают сегодня лютые, тяжелые времена Смуты и безначалия, — писал в те дни на страницах "Советской России" ("демократическая» печать возможности высказать свою позицию высокопоставленным священнослужителям не предоставляла) выдающийся деятель Русской православной церкви митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. — Святыни попораны и оплеваны, государство предано и брошено на разграбление бессовестных и алчных стяжателей, жрецов новой официальной религии — культа духовного и физического разврата, культа безудержной наживы — любой ценой. Процесс апостасии, разложения живого и цельного христианского мироощущения, предсказанный Господом Иисусом Христом почти два тысячелетия назад, близок к завершению. По всей видимости, Бог судил нам стать современниками "последних времен". Антихрист как реальная, политическая возможность наших дней уже не вызывает сомнений...»

Напоминать о той обстановке в стране, которая царил в недалеком времени, о том, что именно КПРФ возглавила борьбу здоровых сил

России против полного разрушения ее духовности, приходится по той причине, что ответные шаги далеко не всех священнослужителей были всегда адекватными. Отдельные деятели Церкви не замечали или старались не замечать различия между идеями социальной справедливости, равенства и братства, которые всегда несла Компартия, и способами их осуществления на практике в недалеком прошлом. Принято было не обращать внимания на пропасть, лежащую между ними и деяниями людей, лишь прикрывавшихся своими должностями и партбилетами, а на деле чуждых как принципам коммунистического мировоззрения, так и нормам христианской морали. Некоторые из священнослужителей, очевидно забывшие, с каким трудом приходилось преодолевать последствия социального раскола российского общества, вызванного великими потрясениями XX века, вновь возвращаются к давно исчерпавшей себя теме мифической ответственности КПРФ за события двадцатых и тридцатых годов.

Всегда считалось, что не в традициях людей православных сводить счёты с прошлым. И уж особенно недопустимо, что личное неприятие кем-то коммунистической идеологии стало нередко сопровождаться возвращением к излюбленной ельцинистами теме убийства царской семьи, которая в свое время активно муссировалась для того, чтобы заронить в сознание людей ядовитые семена ненависти друг к другу.

Ясно, что новая суета вокруг этой темы имеет чисто политический смысл в условиях очередного усиливающегося наступления на оппозицию определенного сорта либеральных сил. При этом совершенно игнорируются исторические обстоятельства, которые привели царскую семью к гибели. Напомним, что 2 марта 1917 года Николай II, вопреки законам о престолонаследии и православному таинству помазания на царство, отрекся от престола за себя и своего сына, на что не имел права, и полностью отстранился от политики. Его супруга и дети также не вели никакой общественной деятельности.

Тем не менее 4 марта новой либеральной властью — Временным правительством — была создана Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных действий бывших царских министров и прочих высших должностных лиц. Однако, не дожидаясь завершения следственных действий комиссии, всего через три дня, Временное правительство приняло постановление о лишении свободы бывшего царя и его супруги.

Таким образом, арест Николая II и Александры Федоровны совершали не большевики, а Временное правительство. Более того, под домашним арестом в Царском Селе оказались дети Николая II, что также не имело никаких юридических оснований. Несмотря на то, что Чрезвычайная следственная комиссия не нашла документов и свидетельств, обличающих бывшего царя и его супругу в государственной измене, Временное правительство не только не освободило отречшегося

императора и его близких, но и отправило 1 августа 1917 года всю царскую семью в ссылку в Тобольск. Иными словами, в самое пекло поднимавшейся в стране междоусобицы, беззакония и анархии, что делало бывшего императора и его близких игрушкой в руках самых разных политических сил. Заметим, что родственники Романовых — члены английского королевского дома — отказались принять семью отрекшегося царя.

Как видим, не только на Временном правительстве, но и на правящей в Великобритании династии лежит ответственность за судьбу семьи Романовых. Однако сегодня все эти факты усиленно замалчиваются и уводятся из-под общественного внимания с помощью крикливого хора, голосащего о «злодеяниях коммунистов». А ведь именно эта, созданная Временным правительством, проблема царской семьи и досталась после Октября 1917 года Совнаркому и ВЦИК Советов. В условиях интервенции и Гражданской войны Президиум ВЦИК принял в апреле 1918 года решение о переводе царской семьи на Урал, из Тобольска в Екатеринбург, ближе к структурам центральной власти, для возможности осуществления контроля за ситуацией. А везти отрекшегося императора почти через полстраны в столицу, в условиях разгоравшейся по всей России схватки, было уже просто невозможно.

В июле 1918 года над Советской Россией нависла смертельная угроза: почти одновременно грянули два знаковых политических события: в Москве произошло убийство германского посла графа Мирбаха эсером-чекистом Яковом Блюмкиным, а в Екатеринбурге — расстрел царской семьи, организованный военным комиссаром Уральской области Исааком Голощекиным. Первое из них должно было вызвать советско-германскую войну, второе же не могло не спровоцировать взрыв ненависти к советской власти в определенной части общества. Царская семья не представляла реальной угрозы большевистскому правительству. А вот поднять и сплотить против советской власти всех, кто рассматривал отрекшегося императора и его семью как «живые символы православной империи», — такую задачу это преступление решало. Напомним, что в ходе проведенного Генпрокуратурой РФ расследования было установлено, что это «умышленное убийство, пускай и имеющее политическую окраску, совершено лицами, не наделенными соответствующими судебными и административными полномочиями... Какого-то хотя бы формального обвинения властями Императору и членам его семьи предъявлено не было. В этой связи совершенное убийство с правовой точки зрения является общеуголовным преступлением».

Отметим, что исследованием мотивов, стоящих за внешними, политическими декорациями, до сих пор должным образом так никто и не занимался. И, видимо, оно еще ждет своего часа, к великому неудовольствию лиц, тиражирующих заезженную пластинку о «злодеяниях коммунистов». Коммунистов ли? Ведь если взглянуть на проблему шире, речь идет об атаке на главные источники легитимности

нынешней российской государственности. Ибо никаких других основ для ее легитимации, кроме созданной Лениным РСФСР, у нынешнего государственного образования нет...

СТРОИТЕЛЬ ДЕРЖАВЫ.

В памяти народной Сталин остался прежде всего волевым, твердым и решительным политиком-государственником, лидером нации, архитектором и строителем огромной, мощной державы. Сегодня, в условиях геополитической катастрофы, после развала Советского Союза и распада общественного единства, особенно важно правильно понять и верно оценить опыт державного строительства сталинской эпохи. Ведь именно тогда наш народ обеспечил себе невиданный ранее уровень национальной безопасности, победил в великой и страшной войне, превратил свою страну в сверхдержаву, влияние которой простерлось до самых отдаленных уголков планеты.

Суть сталинских преобразований — самостоятельность России, полная экономическая независимость от окружающих ее враждебных стран капиталистического мира.

Выступая в 1925 году на XIV съезде ВКП(б), Сталин сформулировал главную цель экономической политики партии следующим образом: мы исходим из того, что «должны приложить все силы к тому, чтобы

сделать нашу страну страной экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке».

Генеральной линии партии противостоят люди, говорил Сталин, которые исходят из того, что «наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование... Эта линия ведет к тому, что наша страна никогда, или почти никогда, не могла бы по-настоящему индустриализоваться... Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую схему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся главным образом на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны».

Когда читаешь эти сталинские слова, невольно думаешь: действительно ли их произносил Сталин в далеком от нас 1925 году или кто-то перепутал их авторство — настолько актуально они звучат, настолько

точно сбылось предупреждение Сталина о том, во что может превратиться Россия, если она не будет опираться на свои внутренние возможности. Это предупреждение следовало бы знать тем, кто никак не может или не хочет понять: если дело пойдет так и дальше, нашу страну уже в недалеком будущем ждет незавидная участь «подсобного предприятия» развитых капиталистических стран.

Огромная работа по преобразению страны, которая началась в середине двадцатых годов, наталкивалась на сопротивление тех, кто не верил в возможность победы в ней социализма без поддержки революционных масс западных стран.

На XIV съезде партии, когда Сталин подверг резкой критике такую линию оппозиции, Каменев обнародовал замысел его противников: изменить руководство партии и убрать Сталина с поста генерального секретаря.

Не получилось. Съезд поддержал Сталина, а неблагоприятные попытки Зиновьева и Каменева бойкотировать решения съезда в Ленинграде и сбить с толку местных коммунистов закончились в январе 1926 года тем, что ленинградскую парторганизацию возглавил верный единомышленник Сталина С. М. Киров.

Накал борьбы за выбор пути развития России достиг такой степени, что летом 1926 года в подмосковном лесу было проведено нелегальное совещание оппозиционеров, на котором заместитель председателя Реввоенсовета СССР Лашевич призвал к борьбе с ЦК РКП(б).

Краеугольным камнем экономической политики Сталина была задача превращения страны из аграрной в индустриальную державу. Суть этой задачи он раскрывает коротко и ясно: «Индустриализация должна пониматься прежде всего как развитие у нас тяжелой промышленности и, особенно, как развитие собственного машиностроения, этого основного нерва индустрии вообще. Без этого нечего и говорить об обеспечении экономической самостоятельности нашей страны».

Перевод страны на индустриальные рельсы воспринимался также неоднозначно, далеко не все понимали решающую роль в этом процессе тяжелой промышленности — ведь страна еще оставалась полуголодной и оборванной. В хорошо известной беседе «На хлебном фронте» (май 1928 года) Сталин задается вопросом: «Может быть, следовало бы для большей "осторожности" задержать развитие тяжелой промышленности с тем, чтобы сделать легкую промышленность, работающую главным образом на крестьянский рынок, базой нашей промышленности? Ни в коем случае! Это было бы самоубийством, подрывом всей нашей промышленности, в том числе и легкой промышленности. Это означало бы отход от лозунга индустриализации нашей страны, превращение

нашей страны в придаток мировой капиталистической системы хозяйства».

Что же давало Сталину возможность определить именно такой главную перспективу продвижения страны к будущему, уверенность в том, что именно таким образом можно преодолеть вековую отсталость? Заметим, что сталинские планы были прямо противоположны намерениям тех, кто считал, говоря нынешним языком, «интеграцию в мировое хозяйство» чуть ли не единственным возможным путем ее развития. И тех, кто продолжает считать так сегодня.

Сталин смог разобраться в нагромождении проблем, стоявших перед промышленностью и сельским хозяйством страны, потому что в экономической области он был, безусловно, убежденным марксистом. Поэтому вполне понятно, что общественная собственность на средства производства, плановая экономика, кооперация сельского хозяйства составляли основу народно-хозяйственного механизма Советского Союза. В то же время есть все основания говорить и об особой, сталинской, модели экономики. Главной, чисто российской особенностью этой модели являлась опора на собственные силы, стремление к созданию самодостаточной экономики. Естественность и органичность такого самобытного пути, его преимущества перед другими возможными вариантами продвижения сказались на стремительном росте темпов экономического развития страны, надежно гарантировали и экономическую, и военную безопасность России, ее способность проводить самостоятельную политику на международной арене даже в условиях полной капиталистической изоляции.

Опорой самодостаточной экономики стали колоссальные природные богатства России. Но главным при этом оставались мощные человеческие ресурсы — талантливый и трудолюбивый народ, который смог все богатства страны использовать для укрепления ее могущества. Это дало стране единственную возможность устоять перед агрессивной западной цивилизацией, чье процветание уже тогда было основано на искусном манипулировании финансовыми и товарными потоками «свободного рынка», на эксплуатации других народов.

Опора на собственные ресурсы — для Сталина не просто лозунг, а руководство к повседневной работе, в которой он, несмотря на грандиозные масштабы преобразований, вникал во все мелочи. Во главу угла он ставит такой вопрос, как борьба с расхищением государственной собственности, с расточительством государственных средств. «Когда ловят шпиона или изменника, — приводил он пример, — негодование публики не знает границ, она требует расстрела. А когда вор орудует на глазах у всех, расхищая государственное добро, окружающая публика ограничивается смешками и похлопыванием по плечу. Между тем ясно, что вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не

хуже... Таких воров у нас сотни и тысячи. Всех не изведешь с помощью ГПУ».

К любой правящей партии, как известно, всегда примазываются разного рода конъюнктурные «попутчики». Не обошлось без них и в ВКП(б) — партии, вступившей в полосу грандиозных, невиданных ранее преобразований. Такие люди смотрели на страну и государственную собственность как на свою «добычу», подлежащую разделу.

В наши дни те же вожделения тех же людей объявились в другом облачении — под видом «возвращения в мировую цивилизацию». Суть одна — отхватить побольше кусок от общего пирога и продаться Западу подороже. По коррупции и масштабам расхищения общенационального достояния, созданного и накопленного трудом нескольких поколений, Россия давно уже вышла на лидирующие места в мире. Из страны вывозится все, что имеет хоть какой-то спрос в мире. Например, заготовка древесины на экспорт, в том числе и незаконная, приняла размеры, которые давно уже не поддаются никакой статистике. При этом мало кто думает о том, что останется тем, кто завтра возьмется за возрождение России. Ну а во что превратится завтра воздушная денежная масса под названием «Фонд будущих поколений», которая лежит в западных банках под ничтожные проценты и работает на экономику США и западных стран, можно только гадать. Очевидно, растает без следа. Надо сказать, что грабеж собственных граждан в России все чаще осуществляется вполне легально: например, ни в одной крупной добывающей стране мира нет таких высоких цен на бензин и газ, как у нас...

Воссоздание сталинской модели во многих ее важнейших чертах, таких как опора на собственные ресурсы, создание внутреннего рынка, который надежно защищал бы страну от мировых потрясений, безусловно, носит актуальный характер и для нынешней России. Но при этом, конечно, следует учитывать принципиальные особенности времени. В частности, нет никаких сомнений, что обязательным условием эффективного развития страны — наряду с восстановлением общенародного ядра экономики, включающего в себя как природные богатства, ключевые отрасли производства, так и жизненно важные государственные монополии, — является ее многоукладность. При этом необходимо ликвидировать огромный перекося в действующей сейчас экономической системе путем создания всесторонних условий для развития малого и среднего предпринимательства, ломки препятствующих ему административных барьеров, кредитования на льготных условиях.

Все это вместе является для России необходимым средством выживания, обязательной предпосылкой для сохранения ее национальной независимости, государственного суверенитета и территориальной целостности. Вопрос заключается только в том, сможет ли и захочет ли

осуществлять такой курс нынешнее правительство, стоящее на страже интересов российской олигархии. Или же оно вместо решения узловых проблем будет и дальше топтаться на месте, заниматься, как говорил Сталин, «толчением воды».

Сталин дал партии, народу ясную и определенную цель: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Либо —либо... Вот где действительно «иного не дано». Эта четкая альтернатива убеждала и вдохновляла советских людей, поднимала и вела их на трудовой подвиг, действовала на них сильнее всякой разъяснительной работы. Тем более что перед лицом нарастающей угрозы фашистской агрессии поставленная Сталиным задача совпадала по своей сути с вопросом о национально-государственном выживании Советского Союза. Поэтому годы первых пятилеток — это не только масштабное строительство, это не просто возведение новых заводов и городов, электростанций и железных дорог. Это — невиданный никогда прежде энтузиазм строителей нового социалистического общества, воспринимавших поставленные цели как свое общее дело.

Истоки этого энтузиазма никогда не поймут те, кому неведомо вдохновение, которое приносит созидательный коллективный труд во имя общего дела. Те, кто не имеет представления, что такое освобожденный труд и какую радость человеку приносят его результаты. Те, кто ни разу не ощутил огромную силу сплотившихся людей, которой не страшны никакие препятствия.

Эти истоки питали героев первых пятилеток — шахтера Алексея Стаханова, женщину-механизатора Пашу Ангелину, ткачиху Марию Виноградову и тысячи других людей, бросивших вызов человеческим возможностям. Они придавали силы и мужество людям героических профессий — летчикам и полярникам, защитникам Отечества, дерзость — ученым и новаторам.

Когда замечательного летчика Валерия Чкалова, перелетевшего в 1937 году через Северный полюс из Москвы в Ванкувер вместе с Байдуковым и Беляковым, американцы спросили, насколько он богат, он ответил: «Сто пятьдесят миллионов моих соотечественников работают на меня, а я — на них».

В этом ответе — ключ к разгадке причин массового энтузиазма тридцатых годов, когда люди жили одним порывом, когда каждый человек ощущал себя частицей единого целого, осознавал свою сопричастность к великим делам. Этот энтузиазм не был «казенным», каким бы его желали видеть недоброжелатели нашей страны. Например, Валентина Гризодубова, совершившая вместе с П. Осипенко и М.

Расковой перелет из Москвы на Дальний Восток, спустя 50 лет подчеркивала, что это — не «замыливание глаз». «Рекордные перелеты и достижения, — убеждена она, — итог работы громадного количества людей, свидетельство научно-технического прогресса Советского государства...» Добавим, что, по мнению видных военных того времени, подобные достижения советских летчиков заставили японских милитаристов задуматься, а стоит ли им ввязываться в драку.

Как-то Дзержинский сказал: «Я не умею наполовину ненавидеть или наполовину любить. Я не умею отдать лишь половину души». Советские люди тогда любили и ненавидели полным сердцем, воспринимали все происходящее вокруг открытой душой. Это качество в течение многих десятилетий и определяло особый, новый тип характера — характер советского человека. Россия стала «страной с душой и идеалом» — так охарактеризовал ее крупный английский банкир того времени Д. Гиббсон.

Огромное значение вдохновенного труда, ломающего представления о пределах возможного, высоко ценил Сталин. Главной силой исторических побед на трудовом фронте, как он считал, были «активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионных масс рабочих и колхозников, развившими вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества. Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперед ни на шаг».

Была поднята на новый уровень ответственность партийных кадров. «Глупо было бы утешать себя тем, — говорил Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 года, — что, так как отсталость нашей страны не нами придумана, а передана нам в наследство всей историей нашей страны, то мы не можем и не должны отвечать за нее... Раз мы пришли к власти и взяли на себя задачу преобразования страны на основе социализма, мы отвечаем и должны отвечать за все — и за плохое, и за хорошее».

Началом отсчета глубоких преобразований в стране принято считать XV съезд ВКП(б), на котором были приняты директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. С учетом капиталистического окружения директивы ставили во главу угла задачу быстрого развития отраслей, которые обеспечивали обороноспособность и хозяйственную устойчивость страны в военное время. Однако наряду с этим большое значение придавалось оптимизации темпов роста. В частности, в решениях съезда говорилось: «Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития».

Первый пятилетний план буржуазная пресса тех лет называла «бредом» и «утопией». Но он, как известно, был в целом значительно перевыполнен.

Не случайно большой доклад Сталина, сделанный по итогам первой пятилетки на объединенном пленуме Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б) в январе 1933 года, начинался с раздела о международном значении успешного выполнения пятилетнего плана. Понимая неизбежность нового столкновения с империалистическими державами, Сталин вновь напоминает о суровой альтернативе: «Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны».

Итоги пятилетки породили раскол общественного мнения в капиталистических странах. Одни продолжали утверждать, что пятилетний план потерпел полный крах и большевики стоят на краю гибели. Другие смотрели на вещи более реалистично и, как о них говорил Сталин, «наоборот, уверяли, что хотя большевики скверные люди... у них все же выходит дело и они, должно быть, добьются своей цели». Это означало одно: с Россией начинали считаться.

А кроме того, был начисто разбит тезис российских оппортунистов и западных социал-демократов о том, что невозможно построить социализм в одной, отдельно взятой стране.

За годы первой пятилетки был удвоен промышленный потенциал СССР, причем на первое место вышла тяжелая индустрия. Каждый год страна стала вводить по 600 предприятий, причем по тем временам это были лучшие заводы, не уступающие мировым стандартам.

Героизмом советских людей было отмечено завершение строительства Днепрогэса, возведение целого ряда других электростанций в различных регионах России и союзных республиках. В 1931 году в основном был выполнен план ГОЭЛРО, что, наряду с пуском новых энергетических мощностей, позволило в полном объеме обеспечить электроэнергией тысячи новых промышленных предприятий. Среди них — Сталинградский и Харьковский тракторные, Московский и Нижегородский (впоследствии Горьковский) автомобильные заводы, Уралмаш и Новотагильский металлургический завод, Магнитка, первая очередь метрополитена столицы.

Претворялась одна из главных идей Сталина, заложенная в пятилетний план, — сделать страну стальной.

Отдельной страницей в историю социалистического строительства вошло строительство Комсомольска-на-Амуре, вместе с которым возводились судостроительный завод и металлургический завод «Амурсталь». Вслед

за Кузнецком мечта о возведении «города-сада» стала символом всех великих строек первых пятилеток. Она стала знаменем реальных побед, а не частью мифа о социалистическом строительстве, как хотят некоторые авторы представить это сегодня.

В орбиту производственного прогресса втянулись бывшие окраины. В 1937 году новые производства дали свыше 80 процентов всей промышленной продукции. В начале третьей пятилетки промышленность стала уже рентабельной.

Не трудно заметить, что центр тяжести в создании отечественной тяжелой промышленности перемещался на территории, расположенные от Урала до Дальнего Востока. Сталин вслед за русскими царями, которые со времен Ивана Грозного неустанно заботились о пополнении населения этого сурового и уникального по своим богатствам края, сознавал стратегическую важность для страны Сибири и Дальнего Востока, осваивал азиатскую часть СССР, используя огромные государственные инвестиции и задействовав жесткие административно-командные рычаги. В результате в эти районы наблюдался большой приток рабочей силы. В 1936 году комсомолка Валентина Хе-тагурова обратилась с призывом к девушкам Советского Союза: «Приезжайте, девушки, к нам на Дальний Восток!» К концу 1937 года на ее призыв откликнулись 50 тысяч человек. Естественно, добровольно, без какого-либо принуждения.

Впечатляют и цифры развития экономики края: промышленное производство на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке возросло в 1940 году по сравнению с 1913 годом — в экономическом отношении наиболее благополучным для царской России предвоенным годом — в 14,5 раза.

При Сталине Сибирь стала гордостью России.

В результате сталинской политики индустриализации коренным образом стала меняться культура труда миллионов людей. В середине первой пятилетки было покончено с безработицей. Знаменательно, что эта задача была осуществлена в те годы, когда капитализм был охвачен самым разрушительным за свою историю экономическим кризисом 1929—1933 годов, затронувшим наиболее развитые государства. Причем количество безработных в них составляло примерно четверть всех занятых в производстве. Да и в нашей стране в годы нэпа безработица стремительно росла и еще в 1928 году превышала 1,7 миллиона человек.

К началу сороковых годов уровень грамотности народа составил свыше 80 процентов. Сотни тысяч молодых людей, выходцев из рядов рабочего

класса и крестьянства, прошли через вузы и техникумы — рождалась новая советская интеллигенция.

Люди, которые шли учиться, руководствовались сталинским заветом: «Учиться, стиснув зубы, не боясь, что враги будут смеяться над нами, над нашим невежеством, над нашей отсталостью». Если в 1928/29 учебном году в начальных и средних школах обучалось 12,6 миллиона человек, то в 1936/37 учебном году — 28,8 миллиона. Доля учащихся средних школ возросла с 29,5 до 62 процентов. Число занимавшихся в средних специальных учебных заведениях возросло с 260 до 770 тысяч, в вузах — со 177 до 542 тысяч.

Повышение общего образовательного уровня населения, создание системы народного образования, включающей все ступени обучения, рассматривались в качестве важнейших предпосылок решения крупных народно-хозяйственных задач.

«Нам нужны теперь... специалисты по металлу, по текстилю, по топливу, по химии, по сельскому хозяйству, по транспорту, по торговле, по бухгалтерии и т. д. и т. п. — так ставил задачу Сталин. — Нам нужны теперь целые группы, сотни и тысячи новых кадров, могущих быть хозяевами дела в разнообразнейших отраслях знаний. Без этого нечего и говорить о быстром темпе социалистического строительства нашей страны».

Огромная роль отводилась техническим знаниям трудящихся, обучению в ходе самого производства. Был выдвинут лозунг, созвучный объективным потребностям экономики: «Кадры, овладевшие техникой, решают все!». В начале второй пятилетки развернулось массовое движение рабочих за овладение техминимумом, а в 1935 году был введен государственно-технический экзамен. Все это благотворно сказывалось на росте производительности труда и качестве выпускаемой продукции.

Каждому стали доступны достижения культуры, строились новые театры, открывались музеи и конечно же библиотеки. В 1937 году их насчитывалось около 70 тысяч против 12,5 тысячи до революции. Число книг в публичных библиотеках в том же году достигло 127 миллионов экземпляров, увеличившись за пять лет почти на 40 миллионов. СССР превращался в одну из самых читающих стран мира.

Что бы сейчас ни говорили, ничто не может стать в один ряд с великими произведениями, особенно в области литературы и кинематографии, увидевшими свет в период сталинской эпохи. Благодаря постоянному воздействию Сталина на всю художественную культуру особенно много внимания уделялось созданию героических образов современников, воплощавших в себе главные особенности времени, отражавших практику социалистического строительства, и конечно же исторических

портретов прославленных предков, олицетворявших патриотизм, мужество и другие лучшие человеческие качества. К сожалению, многие из этих произведений теперь опошлены современными примитивными оценками невежд от искусства.

Несмотря на тяжелые изломы коллективизации, возрождалось и вставало на ноги российское крестьянство. Только за годы второй пятилетки колхозы получили более 500 тысяч тракторов, около 124 тысяч комбайнов, свыше 140 тысяч грузовых автомобилей, а профессию механизатора освоили около пяти миллионов крестьян. У людей на селе появилось свободное время, а значит, возможность учиться, повышать свой культурный уровень, заниматься общественными делами. С середины тридцатых годов стал обычным делом рост заработной платы, все полнее удовлетворялась потребность людей в продуктах питания.

Прошло то время, когда разоренная Гражданской войной полуграмотная Россия рассматривалась западным миром как предмет хищнического дележа. Еще в 1929 году у нас не было в нужной мере ни тракторов, ни самолетов, ни танков. А 1941 год СССР встретил с самым современным вооружением. Уже перед войной у нас была мощная материально-техническая база, развивавшаяся столь динамично, что в сороковые годы мы смогли бы обойти Европу.

Но самое главное — было воспитано поколение граждан, готовых самоотверженно отстаивать честь, свободу и независимость Родины, обеспечить победу над самой темной и зловещей силой в мировой истории — фашизмом.

Принятая в 1936 году Конституция СССР, подводя итог этому созидательному процессу, провозгласила невиданные в истории новые социалистические права: на труд, на отдых, на получение высшего образования, на материальное обеспечение в старости. Никогда и нигде ни один документ подобных прав не провозглашал.

* * *

Высокие темпы индустриализации страны вызвали бурный рост промышленного пролетариата, который нужно было кормить. Для страны, вступающей в принципиально новую эпоху, необходимо было иметь надежные резервы хлеба. В конце двадцатых годов Сталин выделил четыре обстоятельства, почему это необходимо: 1) мы не гарантированы от военного нападения; 2) мы не гарантированы от осложнений на хлебном рынке; 3) мы не гарантированы от неурожая; 4) нам абсолютно необходим резерв для экспорта хлеба.

В конце двадцатых годов для Сталина и его сторонников стало очевидным, что новая экономическая политика вступила в противоречие с потребностями страны. Поворот руководителей ВКП(б) от защиты нэпа к отказу от него был положительно встречен большинством партии и рабочего класса — ведь налицо был кризис новой экономической политики, который выразился в больших продовольственных проблемах, испытанных страной в 1927—1928 годах. Количество товарного зерна в стране в сравнении с предвоенным уровнем сократилось в два раза, а его экспорт упал в 20 раз. После всех испытаний, которые перенесла Россия в годы Первой мировой войны, после революции и Гражданской войны люди возвращались к натуральному хозяйству, производили хлеб только себе на прокорм.

Становилось все более очевидным, что личные крестьянские хозяйства в силу своего крайне низкого технического оснащения, неблагоприятного расположения основной их массы в зоне рискованного земледелия не могут прокормить страну. Положение усугублялось и тем, что в результате Октябрьской революции осуществился переход от крупного помещичьего и крупного кулацкого хозяйства, дававшего наибольшую долю товарного хлеба, к мелкому и среднему крестьянскому хозяйству. Вместо 15—16 миллионов индивидуальных хозяйств, существовавших в стране до Первой мировой войны, их стало 24—25 миллионов.

В то же время урожайность в колхозах и совхозах была значительно выше (к началу коллективизации на 15—30 процентов), чем в среднем по стране. Был в них и более высокий уровень механизации, который рос быстрыми темпами: если в 1927—1928 годах промышленность выпустила 1,3 тысячи тракторов, то в 1929—1930 годах их производство составило свыше девяти тысяч.

Еще в 1913 году Сталин утверждал: «Судьбы русского вопроса, а значит, и "освобождения" наций связываются в России с решением аграрного вопроса». Это был вековечный русский вопрос, лежащий в основе формирования представлений основной массы населения страны — трудящегося крестьянства — о социальной справедливости. Октябрьская революция решила его, вызволив крестьянина из помещичьей кабалы, проведя в жизнь ленинский лозунг «Земля — крестьянам!». Переход Сталина к политике сплошной коллективизации означал крутой поворот, призванный обеспечить не только резкий рост товарной продукции сельскохозяйственного производства, но и формирование качественно новых, социалистических отношений на селе.

Проблему продовольствия, как известно, не помог решить ни брошенный Бухариным в крестьянские массы лозунг «Обогащайтесь!», ни политика «врастания кулака в социализм». Также, впрочем, как в

наше время не помогла селу политика «сказочного» превращения колхозов и совхозов в фермерские хозяйства без наличия подготовленной базы для этого.

Оценивая на пленуме позицию Бухарина и его сторонников, известную в партии как «правый уклон», Сталин считал, что для оппозиции «ключом реконструкции сельского хозяйства является развитие индивидуального крестьянского хозяйства». «Плану Бухарина» Сталин противопоставлял план революционного преобразования страны, который предполагал перевооружение промышленности и сельского хозяйства. Именно на этой основе должна была проводиться коллективизация сельского хозяйства.

Была ли, кроме преимуществ коллективного труда и совместного использования техники, социальная почва для проведения коллективизации? Безусловно. Это в первую очередь беднейшие слои крестьянства. Это — общинные традиции русской деревни, которые были живы, несмотря на то, что еще дореволюционные, Столыпинские, реформы в значительной мере разделили сельское население страны.

«Мелким хозяйством из нужды не выйти», — говорил Ленин, подчеркивая при этом, что задача преобразования мелкотоварного производства «принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства».

Почти все главные события второй половины двадцатых — тридцатых годов, в том числе и коллективизацию, противники Сталина, как правило, объясняют исключительно его волей. А статью «Головокружение от успехов», осудившую перегибы в колхозном движении, они расценивают исключительно как дымовую завесу для отвлечения внимания общества от запланированных репрессий против крестьянства. Однако далеко не всё происходившее тогда удастся объяснить тем, что якобы так и было задумано.

Колхозы и совхозы Сталин вводил не ради того, чтобы поэкспериментировать на живом теле России. Надо было переломить тенденцию, которая сложилась в сельском хозяйстве и грозила отбросить страну назад. Кроме того, надо было обеспечить продовольственную безопасность, явившуюся впоследствии одним из решающих факторов победы над фашизмом.

Основой продовольственной безопасности стала высокая товарность колхозно-совхозного производства. Буквально за несколько месяцев до начала Второй мировой войны Сталин отмечал, что именно это обстоятельство имело «серьезнейшее значение для снабжения страны. В

этой именно особенности колхозов и совхозов заключается секрет того, что нашей стране удалось так легко и быстро разрешить зерновую проблему — проблему достаточного снабжения громадной страны товарным зерном».

Как мы знаем, не слишком «легко», скорее наоборот, но жизненно важная для России проблема была разрешена.

И наконец, Сталин огромное значение придавал социальной стороне вопроса, считая, как и Ленин, что «колхозы являются единственным средством, дающим крестьянам выход из нужды и темноты».

Вся работа по коллективизации была тщательно продумана.

В ходе нее была поставлена задача расширения строительства колхозов и совхозов, массового применения контрактации и машинно-тракторных станций как средства установления производственной смычки между индустрией и сельским хозяйством. При этом признавалась допустимость временных чрезвычайных мер, подкрепленных общественной поддержкой середнячко-бедняцких масс. Это было главным средством преодоления сопротивления кулачества и изъятия у него хлебных излишков, необходимых для того, чтобы обойтись без импорта хлеба и сохранить валюту для развития индустрии. Индивидуальные беднячко-середняцкие хозяйства намечалось постепенно перевести на рельсы крупных коллективных хозяйств.

Однако чтобы добиться всего этого, сталинский план предусматривал значительное усиление развития индустрии, металлургии, химии, машиностроения, тракторных заводов, заводов сельскохозяйственных машин. Сталин считал, что без этого невозможно разрешение зерновой проблемы, так же как невозможна реконструкция сельского хозяйства, и делал вывод: ключом реконструкции сельского хозяйства является быстрый темп развития нашей индустрии.

В короткий промежуток времени был достигнут высочайший уровень концентрации, наиболее эффективного использования и сбережения сельскохозяйственной техники — путем создания сети машинно-тракторных станций. В 1938 году с помощью МТС обрабатывалось свыше 93 процентов колхозных площадей. Они стали основными государственными организациями в деревне, через которые осуществлялся технический прогресс, внедрялись достижения сельскохозяйственной науки. Поскольку расчет между хозяйствами и МТС осуществлялся натурой, машинно-тракторные станции служили связующим звеном между деревней и городом: через них в город шли продукты питания и сельскохозяйственное сырье, и из города — техника

и удобрения. Особенно важную роль в максимальной мобилизации сельхозресурсов МТС сыграли во время войны.

Уже в послевоенные годы, считая ошибочными мнения некоторых экономистов о необходимости продажи машинно-тракторных станций колхозам, Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» указывал, что в этом случае колхозы понесут большие убытки, которые окупятся лишь через шесть — восемь лет. Время подтвердило его правоту. Осуществленная Хрущевым продажа МТС колхозам ввела их в убытки, с которыми многие из них так и не смогли справиться.

Рассуждая о выборе пути преобразования села в сталинские годы, о том, что принесла крестьянству коллективизация, стоит прислушаться к крупнейшим западным специалистами по экономике, которых так любили в свое время цитировать наши «перестройщики».

Так, профессор Гарвардского университета, лауреат Нобелевской премии В. В. Леонтьев считает, что удивительно высокие темпы экономического роста, которым был дан толчок в тридцатые годы, сохранились и в пятидесятые — семидесятые годы. Однако позднее, в восьмидесятых годах, главной причиной их снижения стало «очень неэффективное и расточительное управление самостоятельными производственными единицами» (курсив мой. — Г. 3.).

Таким образом, Леонтьев видит проблему не в способе организации сельскохозяйственного производства, а в управлении им. То есть в том, чего никак не могли обеспечить прорвавшиеся в конце восьмидесятых — начале девяностых годов во власть недоучки, вытеснившие высококвалифицированных управленцев и «красных директоров». Единоличное хозяйство, созданное на клочке земли, по мнению Леонтьева, по всем параметрам проигрывает коллективной форме организации сельскохозяйственного производства.

Другой видный гарвардский экономист, лауреат Нобелевской премии Дж. К. Гэлбрейт в 1990 году высказал следующее мнение: «Когда было необходимо сломать феодальную структуру царской России путем передачи земли, власти, перераспределения доходов, социализм добился значительных успехов. Когда страна перешла к созданию громадной индустриальной структуры — металлургических заводов, систем электрификации, транспортной сети, топливной промышленности, то, несомненно, система планирования, указания, исходящие от министерства и Госплана, опять же оказались весьма эффективными. В конце концов, именно таким образом была создана великая индустриальная держава...

Я изучал советские колхозы и совхозы, и меня удивляют здесь две вещи: во-первых, жизнь там намного легче и проще, нежели жизнь

трудолюбивого семейного фермера (курсив мой. — Г. З.)... Во-вторых, меня удивляет большой штат бюрократических работников, дающих разного рода инструкции колхозам и совхозам».

Как видим, опять признается эффективность социалистической системы хозяйствования, а ее недостатки носят скорее субъективный характер и лежат в области управления. Что же касается проблемы «большого штата бюрократических работников», так численность чиновников в вымирающей ныне «демократической» России вдвое превысила численность бюрократов в Советском Союзе.

Не кто-нибудь — крупнейший специалист с мировым именем утверждает, что жизнь советского колхозника была «легче и проще», чем жизнь американского фермера. Впрочем, чтобы это понять, не обязательно ехать за океан — эти преимущества общеизвестны. Главное — люди получили возможность и работать, и отдыхать, и учиться. В более позднее советское время для молодых тружеников села даже устанавливался так называемый целевой набор, который позволял им поступать в высшие учебные заведения на льготных условиях вне конкурса. Жизненные перспективы крестьянской молодежи становились несравненно шире.

Уже упомянутый нами философ А. Зиновьев, чьи взаимоотношения с советской властью складывались непросто, был выходцем из крестьян. Он вспоминал, что его мать, прошедшая через все трудности в период коллективизации, испытывала к ней тем не менее благодарное чувство, так как она открыла перед ее детьми горизонты, о которых ранее немислимо было и мечтать. Один сын стал профессором, другой — директором завода, третий — полковником, еще трое — инженерами. Нечто подобное происходило с миллионами других русских семей, освобожденными от пут и безысходности прежней деревенской жизни.

Тем, кто громче всех кричит о «вековом рабстве» русского крестьянина, не плохо бы осмотреться вокруг и подумать, а что же сделали с крестьянством сегодня, разрушив созданную Сталиным социалистическую форму хозяйствования в деревне. Если сейчас крестьянин еще работает на земле, то он в большинстве случаев находится в феодальной зависимости от ее владельца и своего работодателя. То, что раньше называлось колхозными рынками, находится под контролем криминала и мигрантов, которые диктуют цены и обкладывают непомерной данью тех, кто еще по-прежнему растит хлеб и скот. Зачастую такое положение крестьянства является единственно возможным способом существования. В городе для современного крестьянина сейчас тоже нет работы. Вырваться из этого заколдованного круга почти невозможно, так как дети крестьян практически лишены возможности получить полноценное образование, чтобы «выйти в люди».

...К сожалению, коллективизация не обошлась без перегибов. Интересен в связи с этим ответ Сталина на письмо М. Шолохова (май 1933 года), в котором наш великий писатель обращал внимание на их существование в хлебозаготовках в Вешенском и Верхне-Донском районах:

«Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь, какую требовали, оказана уже...

Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма — не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили "итальянку" (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели "тихую" войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку.

Ваш И. Сталин».

Перегибы на местах тяжело, но выправлялись. Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», принятое 14 марта 1930 года, обязало партийные организации прекратить наблюдающуюся в ряде мест практику принудительных методов коллективизации и вести одновременно работу по вовлечению крестьянства в колхозы на основе добровольности и укрепления существующих колхозов. ЦК ВКП(б) потребовал от них проверить списки раскулаченных и лишенных избирательных прав и немедленно исправить допущенные в этой области ошибки. Воспрещалось закрытие

рынков, предлагалось немедленно восстановить базары и не стеснять продажу крестьянами, в том числе колхозниками, своих продуктов на рынке. ЦК потребовал от парторганизаций смещать с постов и заменять другими работников, не умеющих или не желающих повести решительную борьбу с искривлениями партийной линии.

Нельзя искажать или замалчивать такие исторические источники эпохи, каким является статья Сталина «Головокружение от успехов», опубликованная в «Правде» накануне выхода упомянутого постановления ЦК ВКП(б), 2 марта 1930 года. В ней Сталин подчеркивает, что в основе партийной линии лежат принципы добровольности колхозного движения и учета разнообразия условий в различных районах СССР. В статье обвиняются те, кто потерял чувство меры и способность понимать действительность, кто занимается головотяпскими упражнениями по части «обобществления», допускает серьезные перегибы, пытается подменить подготовительную работу по организации колхозов чиновничьим декретированием колхозного движения и бумажными резолюциями. Ошибки и искривления «левых» загибщиков, как подчеркивается в статье, являются главным тормозом колхозного движения.

Сталин задается вопросом: «Что это — политика руководства колхозом или политика его разложения и дискредитации?»

Заметим, что извращение идеи коллективизации на местах, жесткие меры по ликвидации кулачества как класса действительно привели в ряде областей и регионов к массовому сопротивлению, ставившему на местах под угрозу существование еще не окрепшей советской власти. В то же время это сопротивление не было сплошным, как это пытаются порой представить, а главной его причиной были допущенные перегибы. В противном случае большевистская партия вряд ли бы удержалась у руля государства. И уж тем более крестьянин, составлявший основу Красной армии к 1941 году, не подставлял бы свою грудь под пули, спасая социалистическую державу. Что бы сейчас ни говорили, народ в годы Великой Отечественной войны защищал не просто Отчизну, а свою Советскую Родину.

В опубликованном через месяц «Ответе товарищам колхозникам» Сталин вскрыл корень ошибок в крестьянском вопросе, который состоял в неправильном подходе к середняку. Был предан забвению главный принцип колхозного движения, основой которого являлся «союз рабочего класса и бедноты с середняком против капитализма вообще, против кулачества в особенности... Забыли, что насилие, необходимое и полезное в деле борьбы с нашими классовыми врагами, недопустимо и пагубно в отношении середняка, являющегося нашим союзником».

Сталин называет три главные ошибки в колхозном движении:

- 1) нарушение ленинского принципа добровольности при построении колхозов;
- 2) нарушение принципа учета разнообразия условий в различных районах СССР;
- 3) перескакивание применительно к колхозному строительству через незавершенную форму движения.

Сталин требует от парторганизаций научиться различать форму работы и ее содержание. Например, в речи на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 года он особо подчеркивал, что колхозы являются всего лишь формой хозяйственной организации. «Многие наши товарищи, — говорил Сталин, — переоценили колхозы, как новую форму хозяйства, переоценили и превратили их в икону. Они решили, что коль скоро даны колхозы, как социалистическая форма хозяйства, то этим уже дано все, этим уже обеспечены правильное ведение дела колхозов, правильное планирование колхозного хозяйства, превращение колхозов в образцовые социалистические хозяйства». И далее — главное: «Все зависит от того, какое содержание будет влиито в эту форму».

О том, что понимал Сталин под масштабным преобразованием села, много лет спустя, по сути дела, говорили неангажированные западные специалисты, которых мы уже здесь цитировали. Но об этом никак не хотели даже слышать в конце восьмидесятых годов наши кабинетные «специалисты», разрушавшие коллективные формы хозяйства и бездумно насаждавшие фермерство, чтобы было всё, «как у них».

Современные противники Сталина, умалчивая или не понимая характера преобразований в деревне, больше говорят об издержках коллективизации, пытаются, например, списать на нее голод 1932—1933 годов.

Мы далеки от мысли оправдывать кого-либо в страдании народа. Но ради исторической правды следует сказать, что голод не был спровоцирован коллективизацией. Неизбежные издержки тяжелого процесса, который шел в деревне, только усилили обычный для России голод в неурожайные годы.

Мы почему-то забываем о том, что живем в зоне рискованного земледелия. Если в России цикл сельскохозяйственных работ составляет 125—130 рабочих дней, то в Европе он в два раза больше. К тому же погодно-климатические условия в европейских странах и США несравнимо более благоприятные.

На протяжении многих веков, а не только после Октябрьской революции, выживание и могущество России обеспечивались исключительно тяжелым трудом, лишениями поколений, которые вынуждены были компенсировать то, что недодала ей природа. Поэтому крестьянин и трудился от зари до зари. Другие же его земляки, как мы знаем, в это же время несли тяжелую воинскую повинность. Не случайно среди людей долго жила поговорка: «У царя есть колокол на всю Русь — рекрутчина». Эти особенности России хорошо понимали все правители России, а главной идеей государственной идеологии было самоотверженное служение Отечеству.

Если у кого-то понимание истории России сформировано на представлениях о дореволюционной жизни дворянско-помещичьего сословия, то посоветуем им заглянуть в глубины реальной жизни и быта прошлых лет. Тогда не трудно будет заметить, что голод в России повторялся с ужасающей частотой еще задолго до революции. Но при этом почему-то никто не критикует царское правительство за то, что оно и в неурожайные годы продавало хлеб за границу. Кстати, великий русский писатель Лев Толстой, к примеру, возглавлял Комиссию по ликвидации голода и помощи голодающим.

Только коллективизация дала возможность одолеть это в какой-то степени привычное для страны явление. За исключением 1946—1947 годов, когда жестокая засуха совпала с первым послевоенным летом, голода в СССР больше не было. Когда же в засушливом 1936 году было собрано всего 55,8 миллиона тонн зерна — меньше, чем собиралось в 1931-м и 1932-м (ежегодный сбор тогда составлял около 70 миллионов тонн), предупредить голод помогли закрома общесоюзного фонда. Стоит также напомнить, что еще раньше, в 1935 году, были отменены карточки на хлеб, муку и крупу, позже — на остальные продовольственные товары, продажа которых была нормирована. Больше к карточкам не возвращались до начала войны.

Напомним, что голод, наблюдавшийся в результате большого недорода в 1927—1928 годах, и подтолкнул Сталина к неотложным мерам по коллективизации сельского хозяйства. Сталин хотя и вырос в Закавказье, в зоне, благоприятной для земледелия, как талантливый человек, знал характер особенностей коренной России. То, чего совершенно не хотят видеть люди, привыкшие руководить селом из своих кабинетов. Об этом говорит целый ряд его выступлений и статей в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Но его власть, вопреки сложившемуся в определенных кругах мнению, не была беспредельной, рассказы о его всемогуществе в начале тридцатых годов сильно преувеличены. Надо понять всю сложность и новизну ситуаций, с которыми сталкивался Сталин, принимая те или иные решения. И, в конце концов, выходил из них победителем.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в 1932 году, когда в результате неблагоприятных климатических условий имели место огромные потери урожая на Кубани, Тереке, в некоторых районах Украины, Сталин отметил одну важную особенность: хлеба было собрано в том году больше, чем в предшествующем, тридцать первом, когда засуха в пяти основных районах северо-востока СССР значительно сократила хлебный баланс страны. Одной из главной причин сложившегося положения дел стала предпринятая государством мера, которую сегодня можно назвать вполне либеральной, — легализация колхозной торговли хлебом. Колхозники стали припрятывать хлеб, чтобы продать его по рыночной стоимости, план по хлебозаготовкам не выполнялся. Деревенские коммунисты, как подчеркивал Сталин, рассматривали колхозную торговлю лишь с положительной стороны, но совершенно не поняли и не усвоили ее отрицательных сторон, которые причиняли большой вред государству.

К 1939 году колхозная деревня в целом уже удовлетворяла сырьевые потребности быстро развивавшейся индустрии, позволила до минимума снизить импорт сырья из-за рубежа, а по ряду культур вывела СССР в число крупнейших производителей. Высокая самообеспеченность страны стала залогом ее экономической независимости.

Многие проблемы на селе в период коллективизации порождались противниками сталинского курса, их желанием путем чрезвычайных мер, явных перегибов вызвать у крестьян озлобление к советской власти.

Наконец, не дремала контрреволюция. Подобно тому, как один из лидеров русской контрреволюции Милюков во время Кронштадтского мятежа выдвинул лозунг «Советы без коммунистов», в среде анти-советских элементов вынашивался лозунг «Колхозы без коммунистов». Эти лозунги отражали верное понимание контрреволюцией того, что дело не в Советах и не в колхозах, а в том, кто ими руководит. Ряд колхозов превратился в прикрытие неблагоприятной деятельности оппозиции, бывших денкинцев, колчаковцев, петлюровцев, приложивших руку к срыву хлебозаготовок.

От недородов в 1931 и 1932 годах конечно же тяжело пострадала Украина. Но не надо забывать о голоде, который царил на Северном Кавказе, Нижней Волге, в Сибири и других регионах России. Тем более безнравственно представлять дело так, будто голод украинского народа организован чуть ли не сознательно, по распоряжениям, полученным из Москвы. Такую чушь еще доводится слышать в наши дни в официальных средствах массовой информации, особенно грешат этим наши соседи.

В одной из своих последних статей Александр Солженицын пришел к выводу, что подобные разговоры ведутся специально для Запада. По словам писателя, «провокационный вскрик о "геноциде" стал зарождаться десятилетиями спустя — сперва потаенно в затхлых

шовинистических умах, злобно настроенных против "москалей", — а вот теперь вознесся и в государственные круги нынешней Украины».

Беззастенчиво спекулируя на тяжелых испытаниях, выпавших на долю украинского и российского народов, власти обеих стран — не только Украины, но и России, — используя эту тему в своих целях, уводят людей от реальных проблем наших дней, как внешнеполитических, так и внутренних. В России, например, все больше дает о себе знать угроза голода, которая нависла над подавляющим большинством населения. Она возникла в результате захвата власти узким олигархическим кланом и фактического раскрестьянивания жителей сельской местности, проведения разрушительных «реформ» последних двух десятилетий. Затеянная «перестройщиками» ликвидация созданной Сталиным колхозной системы была не чем иным, как покушением на здоровье народа, как физическое, так и нравственное, организацией вымирания населения.

За годы «реформ» посевные площади сократились со 118 до 77 миллионов гектаров. Производство зерна все эти годы уменьшалось пропорционально сокращению посевных площадей, а заверения дельцов от сельского хозяйства, что они сокращаются, потому что урожайность у частных выше — примитивная ложь. Остовы разрушенных ферм и заброшенные, поросшие лесом пашни стали неотъемлемой частью пейзажа сельской России.

С лица земли исчезли 15 тысяч деревень, а в девяти тысячах осталось по 20—30 человек, в основном старики. Численность занятых в сельскохозяйственном секторе уменьшилась за последние годы на 1,7 миллиона человек, в том числе трактористов-машинистов — на 300 тысяч, операторов машинного доения — на 128 тысяч человек.

Производительность труда в сельскохозяйственном секторе экономики России в восемь — десять раз ниже, чем в высокоразвитых странах Европы, в 25 раз ниже, чем в США. В стране крайне низкий уровень технической обеспеченности сельского хозяйства. Если количество тракторов на тысячу гектаров пашни в цивилизованном мире составляет в среднем 20 штук (в Канаде - 16, Белоруссии - 18, ЕС - 93, США - 27), то в России — 5,3 штуки (в 1990 году было 10).

По сравнению с 1990 годом значительно сократилось производство основных продуктов питания, и как следствие — снизилось их потребление в расчете на душу населения. А о качестве большинства продуктов, ввезенных из-за рубежа, говорить не приходится — почти все они в странах изготовления предназначены для малоимущих слоев населения, выращены с применением технологий генной инженерии, содержат вредные для здоровья человека всевозможные примеси. По данным мониторинга пищевого статуса россиян, проведенного Институтом питания РАМН, дефицит многих питательных веществ в их

рационе составляет от 20 до 50 процентов, в зависимости от региона проживания и времени года. Стоит ли тогда удивляться резкому росту хронических заболеваний среди населения, продолжающемуся вымиранию народа?

На заседании круглого стола, состоявшегося в мае 2008 года в Общественной палате РФ, российские бизнесмены выступили с инициативой введения карточек на продукты питания для бедных. Они мотивировали это тем, что производство социально значимых продуктов имеет низкую прибыльность. А по сути дела речь идет о признании бессилия власти что-либо противопоставить обнищанию широких слоев населения, об узаконивании «права» на нищету.

В то же время у России есть еще возможности для осуществления прорыва в собственном агропромышленном производстве. Имея огромную территорию, она может не только полностью обеспечить себя экологически чистыми продуктами, но еще и отправлять их на экспорт. По оценкам целого ряда специалистов-аграриев, наши российские черноземы вполне могут прокормить минимум 600—700 миллионов человек, а не 143 миллиона оставшихся сегодня в стране.

А тем временем... Все чаще раздаются голоса экономистов, обеспокоенных тем, что рост цен на продукты питания, удорожание топлива и инфляция грозят миру продовольственным кризисом. Президент Всемирного банка Роберт Зеллик предупредил, что в 33 государствах мира рост цен на продовольствие может привести к социальной нестабильности, при этом уже очевидно, что в ближайшее время цены не снизятся. Он не одинок. «Мир движется к длительному периоду конфликтов, связанных с повышением цен на продовольствие и острой нехваткой продуктов, — в унисон с ним делает вывод специальный докладчик ООН Жан Зиглер в интервью французской газете «Либерасьон». — Мы идем к затяжной полосе конфликтов, волн региональной дестабилизации».

Причина взрывоопасной ситуации — ухудшающиеся условия жизни населения наименее благополучных стран.

К их числу относится и Россия.

Не случайно в поисках ответов на наболевшие вопросы люди все чаще обращаются к сталинскому времени. Невольно на ум приходит сравнение той эпохи с нынешним временем, когда видишь хаос и неразбериху, царящие сегодня в экономике. Есть с чем сравнивать: это рубежи, которые советский народ одолел при Сталине. Есть ее реальные, а не мнимые, поистине выдающиеся достижения. Они и служат ответами на злободневные вопросы современности: как преодолеть нищету, экономический хаос, классовое неравенство. Воплотить в жизнь решение

этих задач сможет только социализм, утверждение в нашей стране общества социальной справедливости, к которому все чаще устремляют свои взоры народы России.

ОРГАНИЗАТОР ПОБЕДЫ.

Зловещий монтаж из телевизионного фильма о Зое Космодемьянской: юная героиня уже у виселицы, а рядом — улыбающееся лицо Сталина. При чем тут улыбка Сталина, которая совершенно неуместна, какое отношение он имел к казни комсомолки и что хотели этим сказать авторы фильма? Да то, что Космодемьянская, как и миллионы других героев Великой Отечественной войны, — жертва Сталина и тоталитаризма. Хотели еще раз провести оскорбительные параллели: Сталин — Гитлер, коммунисты — фашисты, Советский Союз — нацистская Германия. Делают это люди, которые заявляют, что вот они — настоящие патриоты...

Так, на страницах «Правды» ее политический обозреватель Виктор Кожемяко делится своими впечатлениями от съемки телепередачи, участником которой он стал.

Очень часто, когда видишь подобное на экране телевизора или читаешь публикации последних двадцати лет, посвященные Великой Отечественной войне, создается впечатление, что Сталин вроде бы и не имел непосредственного отношения к разгрому фашизма. Во всяком случае, многие ключевые эпизоды борьбы с гитлеризмом некоторые авторы часто интерпретируют, не упоминая имени Сталина. И это — в лучшем случае. Порой же «знатоки» истории и вовсе берутся утверждать, что победа в этой войне вообще достигнута вопреки действиям Сталина, несмотря на то, что он накануне войны якобы довел страну и армию до полной разрухи.

Но при этом никто не может внятно объяснить, какие существуют основания отказывать Сталину в триумфе победителя, если его армия безоговорочно выиграла величайшую в мировой истории войну. А одного желания, как бы велико оно ни было, затушевать историческую роль Сталина в войне явно недостаточно. Как заметил один современный публицист, если Сталин не имеет отношения к победе, значит, ее вовсе и не было. Заявления о том, что «в войне победил народ, а не Сталин» — от лукавого, служат лишь для того, чтобы уйти от серьезного обсуждения темы. Отнимая победу у Сталина, ее отнимают и у народа.

Еще в годы перестройки людям стали внушать, что «Сталин не лучше Гитлера», затем — что он «такой же, как Гитлер» и даже «хуже Гитлера». Эти нелепые утверждения, «подкреплявшиеся» фальсифика-

цией одних и тех же фактов и повторявшиеся с утра до вечера на протяжении многих лет, не прошли бесследно. Ложное представление о войне привело, в конце концов, к волне реваншизма в странах Балтии и Украине — бывших советских республиках, где на одну доску с героями-победителями ставятся фашистские прихвостни и бандеровцы.

Скептические настроения, искажающие весь смысл Великой Победы отдельными советскими руководителями — как правило, теми, кто ничем не проявил себя в годы войны, — стали насаждаться еще задолго до перестройки, после смерти Сталина. Отсюда берут начало попытки приумалить заслуги Сталина, а заодно и достоинства многих его выдвиженцев — военачальников Великой Отечественной войны, чтобы на этом фоне в выгодном свете подать свои мнимые полководческие «таланты».

Отрицание значения роли Сталина, как выдающегося организатора, полководца, дипломата, — самый удобный способ разделаться с прошлым. Тем более лишены каких бы то ни было признаков профессионализма суждения, особенно если они часто повторяются, продолжают играть заметную роль в формировании общественного мнения. Современные конструкции лжи о войне чаще всего опираются на неокрепшие представления нового поколения, которое воспитывалось уже в «демократической» школе, училось по соответствующим учебникам.

Вполне в духе нынешней политики антикоммунизма, которая проводится в России, замалчивание не только личного вклада Сталина в победу, но и того, что в годы войны неуклонно возрастал авторитет ВКП(б), что Коммунистическая партия сумела сыграть выдающуюся роль как на фронте, так и в тылу. Это стало возможным в результате того, что за годы, прошедшие после «Ленинского призыва» — первого массового приема в партию «от станка», ВКП(б) с каждым годом укрепляла рабочее ядро, упрочивала свою связь с народом. Простые люди безгранично доверяли партии и руководителям страны. Именно доверие народа, как отметил Сталин в своем знаменитом тосте на приеме в Кремле после Парада Победы, «оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом».

Игнорирование огромной мобилизующей силы Компартии, проявленной в военные годы, сопровождается тиражированием мифа, будто во время войны людей загоняли в партию чуть ли не силой. Но он не имеет ничего общего с действительностью. Например, только во второй половине 1941 года, в самый тяжелый период после вероломного нападения фашистов, в ВКП(б) вступили 130 тысяч воинов — в два раза больше, чем за первую половину этого года. И это притом что всем было хорошо известно: на войне у коммунистов была только одна привилегия —

первыми подниматься в атаку и последними выходить из боя. Каждый второй коммунист, ушедший на фронт, пал в боях за советскую Родину.

Предвидя возможность фальсификации и переоценок результатов Второй мировой войны в будущем, в своем выступлении на Ялтинской конференции, обращенном прежде всего к руководителям США и Англии, Сталин заметил: «Пока все мы живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами. Мы не позволим, чтобы имела место новая агрессия против какой-нибудь из наших стран. Но пройдет 10 лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда?»

По прошествии многих лет мы видим, что Сталин не случайно задавался этим вопросом. На наших глазах таит поколение людей, которое воевало на фронте и трудилось в тылу, на себе вынесло все испытания суровых лет. Тех, кому принадлежит правда. Эти люди, сыгравшие основную, решающую роль в защите Родины, знают, каким образом удалось сдержать натиск гитлеровских войск. Откуда советский народ и Красная армия черпали силы, чтобы выстоять под страшными ударами в начале войны, а затем — разгромить и добить врага в его собственном логове. Они могут ответить, почему с первых и до последних дней войны, в самые тяжелые ее периоды в людях не гасла вера в то, что враг будет разбит. Вера, с которой жили и воевали. Вера, которая исходила от Сталина, стоявшего все это время у руля страны и возглавлявшего армию.

Выдающаяся роль Сталина в войне не вызывает сомнений и у послевоенного поколения, к которому принадлежу и я. Слишком свежа была память о войне в то время, когда мы росли, чтобы кто-то позволил себя обмануть, заставить думать иначе, вопреки тому, что каждый прекрасно понимал и умом, и сердцем. Не понаслышке известна нам и горькая цена победы. Нашей семье повезло: мой отец вернулся домой живым. Вернулся, не оправившись после тяжелого ранения, полученного в последние дни обороны Севастополя, после долгих месяцев, проведенных в госпиталях. Его скупые рассказы о военном лихолетье формировали у меня первые представления о войне. А нелегкая жизнь в послевоенные годы стала как бы наглядной иллюстрацией к тому, что пришлось перенести людям: из сотни с лишним мужиков с фронта вернулось лишь около десятка, и те были почти все покалечены; женщины, пряча горе, с утра до ночи рапочали в колхозе. Пахали на коровах — лошадей не было. В окрестных лесах — огромное количество брошенного оружия, неразорвавшихся авиабомб и снарядов, вокруг — обгоревшие остовы танков: моя родная деревня была расположена в районе северной оконечности Орловско-Курской дуги...

Все же чтобы судить о Великой Отечественной войне, надо попытаться представить себя на месте тех, кто не щадил себя на фронтах или сутками ковал победу в тылу. Надо в полной мере осознать, какую угрозу таила в себе нависшая над страной тень фашистской свастики. В главном наставлении германского фашизма — гитлеровской «Майн кампф» читаем: «Когда мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, то обращаем свой взор в первую очередь к России. Это громадное государство на Востоке созрело для гибели... Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет самым веским подтверждением расовой теории».

Как видим, не только ненависть к коммунизму руководила врагами России. Это была ненависть ко всем народам, ее населяющим, и в первую очередь к русскому. «Эти народы, — говорил Гитлер в кругу своих приближенных, — имеют одно-единственное оправдание своего существования — быть полезными для нас в экономическом отношении». А вот еще од-но его высказывание: «Славяне созданы для того, что-бы работать на немцев, и ни для чего больше».

Как это предполагалось осуществить?

«...Наша задача в отношении России: вооруженные силы разгромить, государство ликвидировать.

... Коммунист для нас не солдат ни до, ни после боя.

...Речь идет о войне на уничтожение».

Это — из выступления фюрера 30 марта 1941 года на совещании командующих и начальников соединений Восточного фронта.

Никто из командования немецкой армии не сомневался в пророчествах Гитлера, обещавшего, что СССР пол натиском германских войск «рассыплется как карточный домик и победоносный поход на Вос-ток прославит германский рейх в веках».

Одним из результатов войны должно было стать плановое сокращение населения, проживавшего на бывшей советской территории. Предусматривалось, в частности, что в ее европейской части через 20—30 лет число коренных жителей составит не более 15 миллионов человек. Москву планировалось, как записал Геббельс в своем дневнике, «стереть с лица земли, а на ее месте устроить гигантское водохранилище, чтобы истребить всю память об этом городе и о том, чем он был». В этом же документе обращает на себя внимание и еще одна запись, относящаяся к июлю 1941 года: «Москва падет 4 августа».

Восьмого июля 1941 года Ф. Гальдер, вернувшись с совещания у Гитлера, записывает в своем дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы».

Надо сказать, что уверенность врага в реальности своих намерений имела под собой веские основания. Мощную и отлаженную военную машину Германии возглавляли люди, как правило, имевшие опыт, способности и блестящую подготовку. Германия являлась одной из самых развитых промышленных стран Запада, на которую к июню 1941 года работала почти вся Европа, государством с давними военными традициями, со сложившейся военной школой.

Недооценивать такого врага — значит принижать значение собственной победы. Не случайно выдающийся полководец Георгий Константинович Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» писал: «...Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира... Немецкая армия к началу войны была лучше нашей армии, лучше подготовлена, выучена, вооружена, психологически более готова к войне, втянута в нее. Она имела опыт войны, и притом войны победоносной... Мы учились в ходе войны, и выучились, и стали бить немцев, но это был длительный процесс».

Истоки победы в Великой Отечественной войне берут свое начало от Магнитки. Приступив к индустриализации и коллективизации страны, Сталин, как мы уже отмечали, прекрасно понимал, что грядет смертельная схватка с миром, противостоящим единственной социалистической стране.

Каким было в те годы окружение Советского Союза, можно судить по одному высказыванию П. Свиндуха, президента Финляндии в 1931—1937 годах. Свое отношение к СССР он выразил в следующей фразе: «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии». Не все из руководителей других европейских государств могли додуматься до такой лаконичной формулы, но почти все мыслили схожим образом.

Не трудно усмотреть связь первых пятилеток с обороноспособностью страны. Большое значение в решении этой проблемы имел и третий пятилетний план, который предусматривал разработку нефтяных месторождений между Уралом и Волгой — создание «Второго Баку», а на Дальнем Востоке — возведение новой металлургической базы. XVIII съезд партии в качестве стратегической поставил задачу: создать в восточных районах предприятия-дублиеры по ряду отраслей машиностроения, нефтепереработки и химии, чтобы устранить «случайности» в снабжении страны промышленными продуктами. Не

трудно догадаться, что под «случайностями» подразумевалось только одно — война, к которой готовились всеми силами.

В результате сталинской политики в 1940 году к востоку от Волги производилось почти 36 процентов угля, 32 процента — стали и проката, около 29 процентов — железной руды, выпускалось свыше 27 процентов тракторов и треть металлургического оборудования.

Были предприняты и серьезные организационные меры. В 1936 году был образован Народный комиссариат оборонной промышленности, а весной 1937 года создан Комитет обороны с задачей координации всех мероприятий по укреплению обороноспособности страны. В начале 1938 года при нем была учреждена Военно-промышленная комиссия, призванная обеспечить мобилизацию и подготовку всей промышленности для выполнения заданий по производству вооружения. Но это была лишь верхушка огромного айсберга — вся страна напряженно готовилась к войне.

Несмотря на то, что среди людей несведущих сейчас сплошь и рядом пытаются посеять сомнения в правильности стратегической линии, выбранной Сталиным, факты свидетельствуют о том, что благодаря ей за кратчайший срок удалось сделать все возможное для создания мощного военного потенциала. К примеру, перед войной в соответствии с планами третьей пятилетки рост оборонной промышленности составлял 39 процентов в год! Возможности для наращивания темпов оборонного производства были исчерпаны практически до предела, страна трудилась с наивысшим напряжением сил. Это позволило достигнуть выдающихся результатов в промышленном и научно-техническом развитии, обеспечить самый высокий уровень создания для Красной армии новейших образцов вооружений.

К началу войны в СССР развернулось массовое производство танка Т-34, по тем временам — лучше-го в мире. Были проведены первые испытания реактивных минометных установок БМ-13, впоследствии названных «катюшами». В 1939—1941 годах на вооружение стали поступать самозарядные винтовки Токарева, станковые пулеметы Дегтярева, автоматы Шпагина (ППШ). К 1941 году было налажено производство новых видов полковых пушек, минометов, гаубиц, были приняты на вооружение и стали поступать в авиационные части современные самолеты, в том числе ставшие легендарными штурмовики Ил-2.

Сталину удалось предвосхитить принципиально новый характер будущей войны, и в понимании особенностей грядущих сражений он ушел далеко от своих соратников и оппонентов. Особенно тех, кто собирался встретить грядущую войну на бронетракторах и вынашивал идею их массового производства. Чем бы обернулась такая попытка «убить двух

зайцев» — создать «чудо-машину», которая была бы полезной и в мирное, и в военное время, — догадаться не трудно.

Сталин держал разработку вооружений под своим личным контролем, не полагаясь на промежуточные инстанции. Практически каждый вид оружия и военной техники был создан под его непосредственным руководством. Он принимал также самое непосредственное участие в разработке многих видов вооружений, вместе с конструкторами вникал во все технические особенности, в мельчайшие детали и характеристики оружия.

Все, кто был занят этими вопросами, — будь то создатель лучшей пушки Второй мировой войны Гра-бин или выдающийся авиаконструктор Яковлев, — отмечали огромные познания Сталина в области военной техники, его компетентность и умение видеть перспективу. Причем он не только ставил те или иные задачи перед учеными, но и внимательно следил за их выполнением.

Зная, какими темпами развивалась оборонная промышленность в стране, которая еще вчера казалась всем безнадежно отставшей в этой области, трудно упрекнуть Сталина в том, что к началу войны не удалось еще достигнуть уровня вооружения гитлеровской армии. Сталин и его окружение пытались всевозможными дипломатическими средствами отодвинуть срок неумолимой схватки, чтобы ликвидировать это отставание. Позже Сталин поведал посланцу Рузвельта Гарри Гопкинсу о том, что он рассчитывал оттянуть начало войны до 1942 года, то есть до завершения третьей пятилетки...

Наиболее противоречивые мнения высказываются по поводу подготовительной работы к войне непосредственно в вооруженных силах. Репрессии, как утверждают одни, ослабили командный состав Красной армии. Без репрессий невозможно было создать боеспособную, современную армию — категоричны другие. В таких случаях истина редко находится на чьей-либо стороне, чаще она лежит посередине.

В последние годы стало привычным не верить высокопоставленным деятелям из окружения Сталина, не принимать во внимание их точки зрения и доводы. Более убедительными почему-то считаются свидетельства людей, которые знакомы со сталинской эпохой лишь понаслышке. Но, по крайней мере, к словам именитых очевидцев прислушаться мы должны. Вполне понятно, что в них также много спорного. И все же...

Хрущев на XX съезде отмечал, что было репрессировано «несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были

уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке».

Однако совершенно не вяжется с его утверждением мнение В. М. Молотова, диалог с которым в своей книге «Генералиссимус» приводит писатель Владимир Карпов. На его вопрос о том, не было ли сомнения насчет вражеской деятельности крупнейших военачальников, зарекомендовавших себя еще во время Гражданской войны, Молотов, как пишет Карпов, «твердо», «даже жестко» ответил:

— В отношении этих военных деятелей у меня ни-каких сомнений не было, я знал их как ставленников Троцкого — это его кадры. Он их насаждал с далекоидущими целями, еще когда сам метил на пост главы государства. Хорошо, что мы успели до войны обезвредить этих заговорщиков, — если бы этого не сделали, во время войны были бы непредсказуемые по-следствия...»

В условиях непосредственной угрозы войны признает справедливость суровых мер против деятелей оппозиции Лион Фейхтвангер. «Раньше троцкисты были менее опасны, — пишет он, — их можно было прощать, в худшем случае — ссылать... Теперь, непосредственно накануне войны, такое мягкосердие нельзя было себе позволить. Раскол, фракционность, не имеющие серьезного значения в мирной обстановке, могут в условиях войны представить огромную опасность».

Когда американскому послу Джозефу Э. Дэвису в 1941 году задали вопрос о возможности существования в СССР членов «пятой колонны», он ответил: «У них таких нет, они их расстреляли». А по поводу того, что процессы и чистки 1935—1938 годов являются якобы возмутительными примерами варварства и истерии, он заметил: «...Они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников».

Сталину пришлось умерить пыл чрезмерно усердных организаторов «чистки» армии. После проверки ее результатов в рядах вооруженных сил было восстановлено около 12 тысяч ранее уволенных командиров и принято решение, что ни один военнослужащий не может быть арестован органами НКВД, если на это нет согласия его начальника.

Наряду с репрессиями для нашей истории одним из самых тяжелых вопросов является вопрос о депортации народов, проведенной Сталиным. Несмотря на всю трагичность этого явления, обычно преувеличивается историческая беспрецедентность роли Сталина в переселении некоторых этнических групп во время Великой Отечественной войны, подозревающихся в возможной массовой измене. Но он не был «первопроходцем» в этом деле. Такой способ обеспечения надежного тыла широко использовала еще царская Россия. Например, губернатор Москвы Ф. Ф. Юсупов в 1914 году начал осуществлять

массовую высылку из столицы немцев, австрийцев, венгров, а также гурок, ибо Турция примкнула к союзу Германии и Австро-Венгрии.

Такая же практика довольно широко использовалась в годы Второй мировой войны. В феврале 1942 года, спустя два с небольшим месяца после начала войны с Японией, президент США Рузвельт подписал указ о выселении из западных штатов всех без исключения лиц японской национальности и размещении их в лагерях в центральной части страны. Согласно этому указу было интернировано около 120 тысяч человек, из которых две трети являлись американскими гражданами, а остальные имели вполне законный вид на жительство. Три года они провели за колючей проволокой. Одновременно с депортацией этнических японцев из действующей армии США были уволены все военнослужащие японского происхождения. Однако об этом эпизоде американской истории редко кто вспоминает, кроме специалистов.

Всемирная история насчитывает немало подобных случаев в разных странах, и, как правило, они были связаны с кризисными ситуациями: войнами, переворотами, внутренними междоусобицами. Из этих примеров следует, что депортация народов во время Великой Отечественной войны не была каким-то неслыханным злодеянием, совершенным исключительно «по прихоти вождя». Ни в коем случае не намереваясь оправдывать Сталина, заметим, что в тяжелейшее для страны время ему пришлось столкнуться с тем, что коренное население некоторых оккупированных и прифронтовых областей активно сотрудничало с гитлеровцами. Эту проблему нужно было решать. И она решалась в соответствии с требованиями, диктовавшимися жесткими условиями военного времени. Стоял вопрос о выживании страны.

Несмотря на допущенные серьезные ошибки и просчеты, Сталину удалось добиться перед войной укрепления морально-политического единства советского общества, которое стало залогом победы. Огромная заслуга Сталина заключается в том, что он сумел направить сознание подавляющего большинства народа на решение общегосударственных задач, подчинить этим задачам личные интересы людей. Формированию принципиально нового человека способствовали вся система образования и воспитания, культура и искусство, прежде всего литература и кино.

Безусловно, принципиально новая общность людей, созданная Сталиным, носила в себе черты мобилизационного характера. Но иначе удержаться во враждебном окружении было невозможно, как нельзя было устоять, не создав строго централизованной системы управления страной, не сосредоточив власть в одних руках. Всё было подчинено укреплению обороноспособности страны.

В этой связи не выдерживает никакой критики миф о шапкозакидательских настроениях перед войной. Он создавался в основном по кинохронике тех лет, запечатлевшей лишь парады и праздники с царившим на них приподнятым настроением. Огромная повседневная работа в основном оставалась за кадром. Точнее, в последние годы ее просто прячут в архивах и продолжают скрывать от массового зрителя.

Было, конечно, некоторое преувеличение успехов в строительстве Красной армии. Но какое государство не использует этот пропагандистский прием, чтобы придать своему народу больше веры в собственные силы и вызвать беспокойство у потенциальных противников?

В целом же население готовили к жестокой войне, и это было важной частью всей внутренней политики. Служба в Красной армии была почетной обязанностью не на словах, а на деле, молодые люди считали своим долгом овладеть военными профессиями стрелка, парашютиста, топографа, медсестры. Большую роль в этой работе играл комсомол, который занимался подготовкой молодежи на основе внедренного в жизнь комплекса «Готов к труду и обороне», нормативов на звание «Ворошиловский стрелок». По призыву «Комсомолец, на самолет!» в аэроклубах страны развернулась подготовка пилотов.

Трудно переоценить ту роль, которую сыграло в вопросе укрепления обороны страны добровольное общество «Осоавиахим». Не случайно Сталин прямо подчеркивал необходимость его укрепления наряду с армией, флотом и авиацией. «Нужно весь наш народ, — говорил он, — держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая "случайность", никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох».

В августе 1935 года принимается специальное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об Осо-авиахиме», которое обязывало сконцентрировать все силы на подготовке резервов для армии и флота. В конце тридцатых годов Осоавиахим превращается в мощную военизированную организацию. В этот период обучение в нем проходит поколение советских граждан, принявшее на себя основную тяжесть начального периода Великой Отечественной войны. В организациях Осоавиахима было подготовлено до 80 процентов военнотружущих сухопутных войск и флота и почти 100 процентов летного состава авиации.

О том, что руководство страны постоянно находилось на чеку, говорит тот факт, что уже 1 сентября 1939 года, в день начала Второй мировой войны, был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «О всеобщей воинской обязанности и полном переводе Вооруженных сил на кадровое положение». В сухопутных войсках устанавливался срок

службы три года, на флоте для проходящих службу на кораблях — пять лет, в береговых частях — четыре года.

Вся военно-патриотическая работа принимала совершенно новый оттенок, для нее стало характерным обращение к патриотическим истокам, к подвигам великих предков — Дмитрия Донского, Александра Невского, Александра Суворова, Михаила Кутузова.

* * *

В подготовке к отражению империалистической агрессии огромную роль сыграла сталинская дипломатическая стратегия. Она решала две основные задачи: перед лицом фашистской угрозы нужно было выиграть время, необходимое для перевооружения армии, и одновременно постараться прорвать кольцо враждебного окружения.

Решая проблему безопасности Советского Союза, Сталину пришлось вести сложную игру на межимпериалистических противоречиях.

Основная проблема заключалась в том, что правительства крупнейших капиталистических стран боялись укрепления первой в мире социалистической страны больше, чем усиления фашистской Германии. По сути дела, против СССР существовал не-декларируемый заговор, целью которого было уничтожение Советского Союза руками нацистов. И это — в то время, когда возникла реальная опасность гитлеризма для большинства народов мира, ставшая особенно зримой после заключения в ноябре 1936 года между Германией и Японией так называемого «Антикоминтерновского пакта». Наиболее точную характеристику этому блоку, к которому присоединился и ряд других европейских государств, дал Черчилль: «Антикоммунистический германо-японский пакт в действительности, как бы он не выражался формально, может быть только военным союзом против России».

Антикоминтерновский пакт, формирование агрессивной оси Берлин — Рим — Токио и подписанные с Германией — сначала Англией, а затем Францией — декларации о ненападении означали, что Советский Союз находится среди враждебного окружения в полном одиночестве.

29—30 сентября 1938 года в Мюнхене главы правительств Великобритании — Чемберлен, Франции — Даладье, Германии — Гитлер и Италии — Муссолини подписали соглашение, по которому Чехословакия была брошена на растерзание, так как должна была уступить требованиям Германии отдать ей Судетскую область. Это было знаковое событие, сговор, означавший, что «демократические» державы — Англия и Франция пойдут и дальше в своей политике «умиротворения агрессора», которой они пытались оправдать свои действия. Вернувшийся из Мюнхена в Лондон Невилл Чемберлен, размахивая

подписанным соглашением, заявил перед приветствующей его толпой: «Я привез вам мир!»

Хорошо известен обстоятельный документ, поступивший в министерство иностранных дел Германии из Лондона в начале августа 1939 года, который свидетельствовал о намерениях английской стороны. «Великобритания, — говорилось в нем, — изъявит готовность заключить с Германией соглашение о разграничении сфер интересов», «обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе», «действовать в том направлении, чтобы Франция расторгла альянс с Советским Союзом», «обещает прекратить ведущиеся в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом».

Вялотекущие переговоры, о которых шла речь, — а велись они в августе 1939 года в Москве английской и французской миссиями, представленными в основном второстепенными лицами, которые только на дорогу в советскую столицу (добирались пароходами!) потратили десять дней, — зашли в тупик, ибо они заведомо делали невозможным заключение с советской стороной какой-либо военной конвенции. Инструкции английской делегации были предельно четкими: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при тех или иных обстоятельствах».

Советский Союз был вынужден на политику Великобритании и Франции ответить подписанием советско-германского договора о ненападении. 31 августа 1939 года он был ратифицирован сессией Верховного Совета СССР.

Наивно говорить о том, что Пакт Молотова — Риббентропа означал сговор с Гитлером и измену делу борьбы с фашизмом, тем более спровоцировал войну. У Сталина просто не было другого выхода. С точки зрения международной практики, этот договор ничего исключительного из себя не представлял. Подобные договоры с гитлеровской Германией имели Польша, Литва и некоторые другие государства. А секретные дополнительные протоколы, ставшие в наше время объектом особых нападок «демократов», позволили Советскому Союзу отодвинуть границы страны на запад, отсрочить начало гитлеровской агрессии и взять под защиту славянских братьев, проживающих на территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Существует на первый взгляд правильное мнение, что аморально решать судьбу народов келейно, за их спиной. Но при этом замалчивается вопрос, были ли безупречны в решении своих внешнеполитических проблем соседи СССР и западные государства. К примеру, Польша активно вела переговоры с Германией, пытаясь выработать с ней общую

политику в отношении СССР на основе Антикоминтерновского пакта. Этот вопрос как минимум дважды прорабатывался во время встреч польских дипломатов и руководителей с министром иностранных дел Германии Риббентропом и непосредственно с Гитлером. Польские официальные лица заявляли о готовности Польши «выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину».

Плацдармом для готовившегося похода должна была стать Закарпатская Украина, которая в конце 1938 года отделилась от Чехословакии. Зимой 1938/39 года активизировались украинские националистические организации, имевшие давние связи с германскими нацистами.

Обращает на себя внимание и то, что о моральной стороне дипломатических усилий Сталина больше всего любят рассуждать как раз те, кто скатился до оправдания и чествования бывших фашистов. Здесь видится прямая связь: еще на Нюрнбергском процессе, используя факт существования секретных соглашений между Германией и СССР, фашистские преступники пытались уйти от возмездия и хотели доказать, что советское руководство является также виновником развязывания агрессии. Тогда их лепет не возымел на международный трибунал ни малейшего воздействия: слишком хорошо было известно, как развязывалась война, кто совершал преступления против человечества и кто внес решающий вклад в разгром фашизма.

У Макиавелли в его известном труде «Государь» есть такие слова: «Отечество надо защищать честным или хотя бы бесчестным образом. Все средства хороши, лишь сохранена была бы целостность его. Когда приходится обсуждать вопрос, от решения которого единственно зависит спасение государства, не следует останавливаться ни перед каким соображением справедливости или несправедливости, человечности или жестокости, славы или позора, но, отбросив всякие соображения, решиться на то, что спасает и поддерживает».

Не беремся судить, хорошо это или плохо — руководствоваться на практике подобными принципами. Заметим только, что любая дипломатическая школа, отстаивая интересы своего государства, нередко действует схожим образом. Во всяком случае, когда речь шла об удушении Советского Союза руками гитлеровцев, почти все западные государства поступали именно так.

Значительно расширив территорию страны и обезопасив ее границы, Сталин сумел дипломатическими средствами еще до начала войны во многом предрешить ее исход в пользу Советского Союза. Он понимал, что после разгрома Германии на территории, вошедшие в состав СССР, уже никто не покусится.

А в конечном счете руководство страны сумело разорвать единый фронт империалистических держав и добиться образования антигитлеровской коалиции. Именно сталинская дипломатия положила начало объединению антифашистских сил, сыгравших историческую роль в борьбе с гитлеровским фашизмом и оказавших огромное воздействие на демократизацию европейских стран.

Но вряд ли дипломатические усилия СССР имели какой-либо вес, если бы за ними не стоял человек такой величины, как Сталин, если бы не его личные отношения, установившиеся с лидерами западных держав. А ведь они возглавляли государства с диаметрально противоположными социально-политическими системами, как правило, были антиподами Сталина по происхождению, мировоззрению, жизненному пути. Например, Черчилль был выходцем из высшей касты буржуазного общества и непримиримым антикоммунистом, как, впрочем, и президент США Рузвельт. Оба они не испытывали к СССР никаких дружественных чувств, но при этом с огромным уважением относились к воле человека, сумевшего создать такую великую державу. Оба преклонялись перед личностью Сталина, что, впрочем, не трудно заметить по переписке, которую вели между собой Сталин, Рузвельт и Черчилль.

Роль Сталина как лидера «Большой тройки» особенно ярко проявилась на Ялтинской конференции 1944 года, на которой, как писал ее участник А. А. Громыко, «три державы расставили также основные вехи на маршруте будущего». Да и сама конференция собралась там, где было удобнее Сталину.

Совместный, поучительный поиск ими взаимных компромиссов во имя общих целей, пожалуй, до сих пор не имеет прецедента в мировой истории. Шел продуктивный диалог равных партнеров. При этом трудно себе представить, чтобы президенты и главы правительств других западных государств диктовали для СССР какие-либо унижительные условия или позволили себе снисходительное отношение к советским руководителям.

«Это большая удача для России, — говорил Черчилль в 1942 году, — в ее отчаянной борьбе и страданиях — иметь во главе великого и строгого военачальника. Он — сильная и выдающаяся личность, соответствующая тем мрачным и бурным временам, в которые его забросила жизнь, человек неистощимой храбрости и силы воли».

Под руководством Сталина СССР с достоинством нес знамя социализма на международной арене, и советский народ чувствовал, что он действительно живет в великой стране. Увы, с приходом в страну «свободы и демократии» это чувство было утрачено.

Очень часто Сталина обвиняют в том, что он, пытаясь оттянуть начало войны, чрезмерно полагался на Пакт о ненападении с Германией, допускал медлительность и колебания в решении вопроса о приведении Красной армии в боевую готовность. При этом, как правило, используют многочисленные примеры его информированности о дате начала войны. На самом деле все обстояло далеко не так: к Сталину стекалась самая разноречивая информация относительно планов Германии, которые постоянно менялись. Мы нередко заблуждаемся, не замечая того, что беремся судить человека за ошибки по прошествии многих лет, не зная до конца, как на самом деле развивались события далекого прошлого. Поэтому легко вменяем Сталину в вину чрезмерную осторожность, забывая о том, что каждый мирный день был для страны на вес золота. И продвигаться вперед приходилось очень осмотрительно, взвешивая множество неизвестных, с которыми приходилось сталкиваться. Существовала реальная опасность раньше времени спровоцировать врага, побудить его к активным действиям.

Однако Сталин ни на минуту не заблуждался относительно того, с кем ему придется столкнуться в предстоящей войне. 5 мая 1941 года на встрече с выпускниками военных академий в Кремле он прямо указал, что основная угроза исходит от Германии и спасти Родину можно лишь победой в войне против нее. Не сомневался он и в вероломстве главного потенциального противника.

* * *

В годы войны на Сталина легла колоссальная нагрузка. На нем как на руководителе государства и Верховном главнокомандующем были замкнуты все важнейшие руководящие звенья и в армии, и в экономике, и в политике. Допускались ошибки, и порой серьезные. Это вполне естественно для человека, который не боялся взять на себя ответственность за решение всех жизненно важных для страны проблем, в руках которого сходились все нити управления страной в такое трудное время.

Совершенно не соответствуют действительности утверждения, что Сталин в первые дни войны якобы растерялся, отошел от руководства и скрылся на своей даче в Кунцеве. Стоит только обратиться лишь к одному документу — журналу регистрации посетителей кабинета Сталина в Кремле, чтобы убедиться в обратном. А кроме этого существуют десятки свидетельств авторитетных очевидцев, подтверждающих, что Сталин был отнюдь не подавлен, хотя первые неудачи потрясли его.

И лишь стали окончательно ясными масштабы нашествия, прозвучало знаменитое сталинское «Братья и сестры!» — обращение, поднявшее весь народ на защиту советской Родины, на Отечественную войну против фашистского агрессора. Сталин сумел найти слова, оказавшие на людей

огромное мобилизующее воздействие, пробудил у них ощущение единства перед лицом общей беды.

Он не терялся и не паниковал в самое трудное для Москвы время, когда столица начала эвакуацию. На вопрос, когда следует эвакуировать полк кремлевской охраны, Сталин ответил: «Если будет нужно, я этот полк сам поведу в атаку». В эти же дни состоялся его разговор с корпусным комиссаром Степановым, который передал ему обеспокоенность командования Западного фронта, что штаб фронта находится в непосредственной близости от передовой, и предложение перенести его на восток от Москвы. «Передайте товарищам, — ответил Сталин, — пусть берут лопаты и копают себе могилы. Штаб фронта останется в Перхушкове, а я останусь в Москве».

Какой верой и силой духа надо было обладать, чтобы в дни, когда враг вплотную подошел к стенам столицы, принять историческое решение о проведении на Красной площади парада, посвященного 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции! А через два года, в ноябре 1943 года, в самый разгар войны, исход которой для многих был еще не ясен, Сталин уже ставил задачу возрождения разрушенных городов и сел, промышленности, сельского хозяйства, создания для советских людей, избавленных от фашистского рабства, нормальных условий жизни...

За кратчайший срок вся работа страны была перестроена на военный лад, а сама она была превращена в единый боевой лагерь. 30 июня 1941 года был создан Государственный Комитет Обороны, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти в стране — как на фронте, так и в тылу. Председателем ГКО, которому в сфере экономики подчинялись все хозяйственные органы, включая Госплан, наркоматы и ведомства, стал Сталин.

На ГКО, в частности, была возложена задача проведения эвакуации промышленных предприятий из районов, которым грозила оккупация, и налаживания производства, в первую очередь военного, на новых местах. Такое грандиозное перемещение производительных сил — это уже само по себе величайший подвиг, ставший возможным в результате жесткой централизации управления экономикой в условиях военного времени и самоотверженного труда советских людей.

Только за первые три месяца на восток страны было вывезено 1 360 крупных заводов. Перебазировались предприятия танковой, авиационной и моторостроительной промышленности, производство боеприпасов и вооружения, металлургические и машиностроительные заводы. С начала войны и до конца 1941 года по железным дорогам на восток ушло 1,5 миллиона вагонов грузов, перевезено 10 миллионов

человек. Уже к началу 1942 года эвакуация предприятий в основном была завершена.

В предельно короткий срок был осуществлен и их пуск. В результате в 1942 году по сравнению с 1940 годом на Урале, например, валовая промышленная продукция возросла в 2,8 раза, в Поволжье — в 3,1 раза, в Западной Сибири — в 2,3 раза.

Столь быстрое развертывание промышленности на востоке стало полной неожиданностью для врага — ведь фашистское руководство рассчитывало на то, что военный потенциал СССР будет неизбежно снижаться. Однако, несмотря на урон, который понесла Красная армия в первые месяцы войны, к концу 1942 года по многим видам вооружений она сравнялась с вермахтом. И не случайно перелом в ходе войны совпал со временем, когда отставание в вооружениях было преодолено.

Несмотря на тяжелейший кризис, в котором находилось сельское хозяйство страны, потерявшее огромные посевные территории и испытывавшее острую нехватку трудовых ресурсов, — только в 1941 году почти три миллиона трудоспособных мужчин ушли из села на фронт, — колхозная организация сельскохозяйственного производства показала, какие огромные возможности в ней заложены. Не наблюдалось неизбежного в таких случаях брожения частнособственнической стихии в отношениях между городом и деревней, не было и разгула спекуляции. Колхозы спасли страну от всеобщего голода, были опорой нормированной системы снабжения населения продовольствием, создали предпосылки наведения в этом деле должного порядка.

В чрезвычайных условиях самой кровопролитной войны в истории человечества сталинская экономическая система доказала величайшую жизнеспособность и скрытый в ней огромный потенциал. Она обеспечила создание прочного тыла, в котором усилиями миллионов людей ковалась грядущая победа.

Сосредоточив в военные годы всю полноту власти, Сталин сумел создать единую четкую структуру руководства вооруженной борьбой советского народа против фашистских захватчиков. Суровое противостояние подтвердило, что она была намного эффективнее, чем вражеская, которая, казалось, была доведена в Германии до совершенства.

Однако Сталин победил Гитлера. И в этом решающую роль сыграло умелое использование им огромных преимуществ, заложенных в социалистической системе, широких возможностей централизованного управления всеми имеющимися в стране ресурсами.

Но не только объективные причины обеспечили Сталину победу. Он одолел Гитлера как более искусный стратег и прекрасный военный

тактик.

Конечно же большое значение в становлении Сталина в качестве полководца имел опыт, приобретенный им на фронтах Гражданской войны. Но в том-то и заключалось главное преимущество Сталина, выделяющее его среди целого ряда советских военачальников, отличившихся в минувших сражениях, что он никогда не пытался слепо копировать свой богатый боевой опыт, постоянно подчеркивал качественно новый характер будущей войны — войны с фашистской Германией. И действовал сообразно времени, внимательно отслеживая главные направления развития военной науки, анализируя состояние технического обеспечения лучших армий того времени.

Для Сталина ленинский завет «Учиться военному делу настоящим образом» был не пустым звуком. Он высоко ценил интеллектуальное начало в военном планировании, которое достойно воплощал в себе начальник Генерального штаба маршал Шапошников — автор знаменитой работы «Мозг армии». Организация штабного командования советских вооруженных сил коренным образом отличалась от германской, где система штабного руководства была раздроблена на несколько параллельных и обособленных структур. Каждая из них — главнокомандование вермахта (ОКБ), главнокомандование сухопутных войск (ОКХ), командование авиации и флота — самостоятельно выходила на Гитлера, что подогревало нездоровую конкуренцию.

Существенно отличалась сталинская система управления войсками и от тех, что существовали в союзнических армиях, где штабное планирование и руководство были отделены от политического.

Роль «мозга армии» Сталин взял фактически на себя, осуществив через Ставку Верховного главнокомандования — высший орган военного управления — координацию усилий всех родов войск. Генштаб был оперативным рабочим органом Ставки, а два маршала — Василевский, сменивший больного Шапошникова, и Жуков, которых Сталин не раз в шутку предлагал объединить в одного, приводили в действие сталинские решения на фронтах.

Все крупные операции разрабатывались в Ставке с участием командующих фронтами, но последнее слово всегда было за Верховным главнокомандующим. Не трудно представить, какова была цена этого слова и насколько была высока ответственность за каждое решение, принятое в Ставке. Тем более любая неудача тяжелым бременем ложилась на плечи Сталина, который не имел привычки прятаться за чужими спинами, что так любят совершенно необоснованно вменять ему в вину.

Предоставим слово человеку, который понимал толк в военных руководителях. «Как военного деятеля, — вспоминает маршал Жуков, — И. В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним прошел всю войну. И. В. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбираясь и в больших стратегических вопросах... В руководстве вооруженной борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, богатая интуиция. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную крупную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Только невежественные люди, используя допущенные просчеты, неизбежные во время войны, могут говорить об отсутствии у Сталина военного таланта. Планы всех крупнейших сражений — битвы за столицу и перехода Красной армии в контрнаступление под Москвой, обороны Сталинграда и окружения огромной группировки немецких войск под командованием фельдмаршала Паулюса, Курской битвы — разрабатывались в Ставке под непосредственным руководством Верховного главнокомандующего.

Отнюдь не с культом личности Сталина, а с огромным уважением его имени в войсках связано название наступательных операций 1944 года по всему фронту — от Баренцева моря до Черного, предопределивших исход войны и вошедших в историю как «Десять сталинских ударов». Эти операции, проведение которых диктовалось не только положением на фронтах, но и единым стратегическим замыслом, явились, безусловно, и личным триумфом человека, под чьим руководством народ выстоял, добился коренного перелома в ходе войны и, наконец, стал наносить врагу сокрушительные удары.

В 1944 году впервые за время войны уже не немецкая, а Красная армия открывала летнюю кампанию крупнейшей наступательной операцией — «Багратион». Отметим, что накануне численность нашей действующей армии составляла почти семь миллионов человек против четырех миллионов численности войск Германии и ее союзников. На вооружении Красной армии было в два раза больше, чем у противника, орудий и минометов, почти в два раза она превосходила его по количеству танков и самоходных установок, в пять с лишним раз — по числу боевых самолетов. Такое техническое превосходство обеспечила перестроенная на военный лад экономика Советского Союза, промышленный потенциал которой множился на самоотверженность работников тыла. Сам Сталин считал, что «победоносное наступление Красной Армии стало возможным благодаря новым трудовым подвигам советских людей во всех отраслях нашего народного хозяйства».

В 1944 году впервые Сталиным была поставлена цель перенести военные действия за пределы СССР. «Наши задачи, — указывал он, — не могут ограничиваться изгнанием вражеских войск из пределов нашей Родины... Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге».

С. М. Штеменко, который служил в Генштабе с 1943 года, а в послевоенные годы и возглавлял его в течение нескольких лет, отмечает незаурядное стратегическое мышление Сталина и в подтверждение этому приводит один яркий пример. Касается он методов анализа Сталиным основных причин поражения фашистской Германии. Главный вопрос, по мнению Сталина, заключался не столько в численности советской и немецкой армий, сколько в соотношении их количественного состава с численностью населения своих стран. Наивысшая численность нашей армии в годы войны составляла 11 миллионов человек, или около 6 процентов населения, немецкой — 13 миллионов, или свыше 16 процентов.

Сталин сделал из этого обстоятельства очень важный вывод: «Такой высокий процент мобилизации — это или незнание объективных закономерностей ведения войны, или авантюризм... Опыт истории, общие законы ведения войны учат, что ни одно государство не выдержит столь большого напряжения: некому будет работать на заводах и фабриках, растить хлеб, обеспечивать народ и снабжать армию всем необходимым. Гитлеровский генералитет, воспитанный на догмах Клаузевица и Мольтке, не мог или не хотел понять этого. В результате гитлеровцы надорвали свою страну. И это несмотря на то, что в Германии работали сотни тысяч людей, вывезенных из других стран...»

Мировая история войн показывает, что стратегические и тактические идеи неизбежно терпят крах, если они не опираются на твердую дисциплину в войсках. Вещь, казалось бы, банальная. Однако людям, которые, как мы уже говорили в начале книги, не понимают даже, для чего в отряде советских космонавтов был нужен принцип единоначалия, конечно же не по душе, что во главе страны в годы ее тяжелейших испытаний стоял «великий и строгий военачальник». В этом факте, который Черчилль расценивал как «большую удачу для России», иным мерещится мрачная тень «инквизитора», который, не задумываясь, ради победы был способен пожертвовать бесчисленным количеством человеческих жизней. Поэтому они и воспринимают суровые меры по наведению в войсках строжайшего порядка и дисциплины как нечто из ряда вон выходящее.

К числу «варварских» и «жестоких» нередко относят и приказ № 227, вошедший в историю под названием «Ни шагу назад!». Этот приказ был лично под-писан Сталиным в дни, когда возникла критическая ситуация, по характеру и тяжести напоминавшая события осени сорок первого под

Москвой. Это были, как признал позднее Сталин, «моменты отчаянного положения», когда Красная армия продолжала отступать, оставляя села и города. Одним приказом был предотвращен наметившийся на некоторых фронтах обвал, который мог обернуться непредсказуемыми последствиями. И это бы непременно случилось, если бы паникеры и трусы, в соответствии с приказом, не истреблялись на месте, не направлялись в штрафные батальоны.

В приказе доходчиво разъясняется неумолимая логика развития событий: «Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства безграничны. Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети... После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн. населения, более 80 млн. пу-

дов хлеба в год и более 10 млн. тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину».

Армия, в которую стали проникать настроения «скифской войны», а многие командиры возомнили себя «стратегами», должна была понять, что значит для нее и страны дальнейшее отступление. Слова приказа «Ни шагу назад!» дошли до сознания бойцов и командиров. Свидетельство тому — их героизм и стойкость при обороне Сталинграда.

Жесткие меры в армии, предпринятые в 1942 году, позволили предупредить новые территориальные потери, неизбежную в таких случаях массовую гибель мирных жителей, потери вследствие дезорганизации воинских частей.

Пытаясь приумалить полководческий талант Сталина, советских военачальников военных лет, а вместе с этим — и массовый героизм советских людей, многие «историки» берутся утверждать, что большинство крупных побед в Великой Отечественной войне добыто неоправданно высокой ценой — ценой огромных человеческих жертв. С людскими ресурсами якобы не считались — этого богатства в России всегда хватало. Идет беззастенчивая спекуляция цифрами и фактами. Конечно же рассуждать о соотношении советских и немецких потерь как 10: 1 и более сейчас уже никто не берется — прошло время, когда «сведения» людей, не имеющих о военно-стратегических вопросах ни малейшего понятия, воспринимали всерьез. Но вот встречающееся в

СМИ сравнение общих потерь советского народа — 26—27 миллионов человеческих жизней — с боевыми потерями германских войск — около девяти миллионов убитых — хотя на первый взгляд и выглядит правдоподобно, является одной из самых гнусных фальсификаций истории войны.

Делается это несмотря на то, что профессиональные историки в этот вопрос уже давно внесли полную ясность. Хорошо известно, что в боях за свободу и независимость нашей Родины отдали свои жизни 8 миллионов 668 тысяч бойцов и командиров списочного состава Вооруженных сил СССР. Фашисты со своими союзниками потеряли в сражениях 8 миллионов 650 тысяч человек. Еще около 17 миллионов граждан СССР погибли в результате бомбардировок городов и сел, были уничтожены в концлагерях по гитлеровскому плану истребления славян и других народов СССР, умерли от голода и рабского труда на оккупированной территории и в самой Германии. Подавляющее большинство из них — мирные жители.

Вполне сравнимы и данные по военнопленным, которые в целом соответствуют сведениям немецкого исследователя Кристиана Шрайта. Наши войска за годы войны взяли в плен 3 миллиона 155 тысяч немецких солдат и офицеров. В немецком плену находилось 5 миллионов 738 тысяч советских воинов, но из этого количества 3,2 миллиона были пленены в первые месяцы войны, в 1941 году.

Был бы утрачен главный смысл победы, если бы основные людские ресурсы страны были истощены до такой степени, что их восстановление предоставляло бы собой неразрешимую проблему. Сталину удалось избежать этого — он не допустил демографической катастрофы. Довоенный уровень населения был восстановлен к 1954 году. Он был восстановлен, несмотря на то, что стране после войны пришлось пережить тяжелые годы разрухи. Преодолела она и испытания, вызванные тяжелыми погодными условиями и, как следствие, неурожаем 1946 года.

Кстати, случившийся в этом году недород стал причиной усиленного внимания Сталина к проблеме получения устойчивых урожаев. Состоявшийся в феврале 1947 года пленум ЦК ВКП(б) по вопросам развития сельского хозяйства предусматривал резкое увеличение производства сельскохозяйственной техники. В результате принятых мер за пятилетку число тракторов выросло в 1,5 раза, комбайнов — в 1,4 раза. Кроме того, по инициативе Сталина в 1948 году было принято постановление «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрении травопольных севооборотов, строительстве прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР». По сути дела, была принята целая программа, которая получила в печати название «Сталинский план преобразования природы». Рассчитанный на 1950—1965 годы, после смерти Сталина этот план был свернут. Сохранившиеся и поныне

полезащитные полосы, посаженные в то время, напоминают нам о большой работе в послевоенные годы по повышению эффективности сельскохозяйственного производства и охране окружающей среды...

Несмотря на огромные человеческие и материальные потери, — а СССР потерял 30 процентов своего национального богатства, растерзанная войной страна сохранила в себе силы для возрождения. Послевоенное восстановление разрушенного хозяйства мы не случайно считаем еще одной великой вехой сталинской эпохи.

В четвертой пятилетке главные усилия направлялись на повышение благосостояния населения. В начале 1946 года Сталин заявил, что в ближайшие годы «особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары». В кон-це 1947 года в стране была отменена карточная система распределения ряда продуктов. А с 1949 года цены стали регулярно снижаться. Устойчивый рост материального благосостояния населения создавал у советских людей уверенность в завтрашнем дне, в том, что сталинская программа восстановления народного хозяйства — это лишь шаг на пути превращения СССР в самое развитое и процветающее государство мира.

Сталин стремился воздать должное народу-победителю, народу, пережившему тяжелейшие испытания. Отнюдь не утопичными выглядели его планы на пятидесятые годы — коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную заработную плату рабочих и служащих «минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления».

Для этого были и серьезные предпосылки, особенно динамичный рост производства промышленной продукции, которое еще в 1948 году по общим показателям превзошло уровень 1940 года. Ну и, конечно, благоприятные условия для этого создавала политика Сталина по обеспечению безопасности СССР, созданию для его населения возможности мирного труда и жизни.

Полностью отвечала национальным интересам Советского Союза Ялтинская система послевоенного устройства европейского континента и других важнейших регионов мира, определившая еще в феврале 1945 года основные принципы внешнеполитической деятельности по окончании войны трех союзных держав. Принятые в Крыму «Декларация об освобожденной Европе» и совместные решения СССР, США и Англии по Дальнему Востоку, коренное изменение политических реалий в результате разгрома фашистской Германии и ее сателлитов позволили нашей стране обеспечить полную безопасность своей западной границы.

В Центральной Европе разместились мощные военные группировки советских войск, а военно-морской флот получил возможность базироваться в портах стран Юго-Восточной Европы.

Удалось добиться создания надежных границ на Дальнем Востоке. Сталин обеспечил возвращение Советскому Союзу тех позиций, какие имела там Россия в 1904 году. Были восстановлены права на Китайско-Восточную и Южно-Маньчжурскую железные дороги, возвращены Южный Сахалин и Курильские острова, получено право аренды военно-морской базы в Порт-Артуре.

СССР становился мощной мировой державой, добился для себя права вето в Совете Безопасности ООН, вхождения в ООН двух своих союзных республик — Украины и Белоруссии.

В самом начале развернутой западными державами «холодной войны» против СССР Сталин не поддался ядерному шантажу Соединенных Штатов Америки. Ценой невероятных усилий в сжатые сроки было создано собственное атомное оружие, первое успешное испытание которого состоялось в августе 1949 года. Отдавая при этом должное и деятельности советской разведки, и помощи со стороны друзей Советского Союза за рубежом, отметим, что это событие ознаменовало в первую очередь выдающийся успех советских ученых, который стал возможен благодаря огромной и напряженной организаторской работе под непосредственным руководством Сталина.

Новая система вооружений СССР, которая давала возможность достойно ответить на вызовы атомной эпохи, охладила пыл стратегов «холодной войны». Ядерный щит, созданный Сталиным, на долгие годы обеспечил безопасность страны. Сделав Россию неприступной, он и по сегодняшний день служит ей.

* * *

Большинству сталинских планов не суждено было сбыться. В последние годы жизни, когда здоровье, надорванное в годы войны, заметно пошатнулось, Сталин все чаще задумывался о том, что ждет страну после его смерти. Больше всего его беспокоили мысли о возможности новой мировой войны, вероятность которой он считал очень высокой. «Вы не интересуетесь военным делом, — говорил он в узком кругу государственных руководителей. — Никто не интересуется, не знает военного дела. Что с вами будет? Империалисты вас передушат».

Сталин понимал, что достигнутые страной успехи под его руководством имели свою обратную сторону — порождали иждивенческие настроения

в партийно-государственной верхушке, пренебрежение к марксистско-ленинской теории, к пониманию объективных закономерностей общественного развития. «Теоретически мало люди разбирались», — признается Молотов много лет спустя. Увы, все это самым печальным образом скажется вскоре после кончины Сталина.

Конечно, не до всех вопросов у него доходили руки во время войны, когда решалась главным образом одна, самая главная задача — выстоять и победить врага. Не сразу давал о себе знать надлом, который постепенно привел к разрыву в преемственности большевистских традиций государственного строительства. словно воронье, ожидающее свой черед пиршества, расправляла плечи партийная бюрократия.

Речь шла не только о способности руководства страны достойно продолжить дело Сталина. В послевоенные годы Сталин с горечью отмечал и другую проблему: «К нам как руководящему ядру каждый год подходят тысячи новых молодых кадров, они горят желанием помочь нам, горят желанием показать себя, но не имеют достаточного марксистского воспитания, не знают многих, нам хорошо известных истин и вынуждены блуждать в потемках.

Они ошеломлены колоссальными достижениями Советской власти, им кружат голову необычайные успехи советского строя, и они начинают вообразить, что Советская власть "все может", что ей "все нипочем", что она может уничтожить законы науки, сформировать новые законы. Как нам быть с этими товарищами? Я думаю, что систематическое повторение так называемых "общеизвестных" истин, терпеливое их разъяснение является одним из лучших средств марксистского воспитания этих товарищей».

Но на серьезное решение этой задачи в новых условиях у Сталина уже не было ни сил, ни времени.

ЗА СИЛЬНУЮ РОССИЮ.

Сталин смог сыграть в истории России выдающуюся роль, потому что прекрасно понимал чрезвычайно важную и извечно актуальную истину: наша страна, в силу целого ряда исторических и геополитических причин, всегда была объектом агрессивных воцелений различных претендентов на мировое господство.

Незавидная участь готовилась для России странами Европы еще в самом начале XX века. Идею ее расчленения вынашивали, в частности, в определенных кругах Франции. А известный деятель мировой закулисы Парвус в 1915 году предложил немцам свой план реализации этих

замыслов, который был принят. Но, по мнению профессора И. Я. Фроянова, самое существенное заключается в том, что вопрос о расчленении Российской империи стал предметом Версальского мирного соглашения, подписанного в июне 1919 года. В нем есть раздел, имеющий весьма характерное название — «Россия и русские государства», в котором говорится, что «Германия признает и обязуется уважать как постоянную и неотчуждаемую независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской Империи к 1 августа 1914 года». Таким образом, в 1919 году западные страны уже не считали Россию империей.

По свидетельству Керенского, в планы Временного правительства России, созданного в результате Февральской революции, также входило территориальное расчленение страны, предоставление суверенитета Украине, народам Кавказа и Средней Азии. В обмен на военную помощь Колчак и Деникин готовились передать под протекторат Франции и Англии исконно российские земли.

Великий князь Александр Михайлович Романов, давая оценку событиям Гражданской войны, незадолго до своей кончины, в 1933 году, писал: «Положение вождей Белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, они призывали... к священной борьбе против Советов, с другой стороны, на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи...»

Сам Ленин такое признание политики большевиков расценивал следующим образом: «История сделала так, что патриотизм теперь поворачивает в нашу сторону». Этот поворот он воспринимал как необходимое условие преодоления раскола русского народа, перехода к социализму.

Октябрьская революция остановила политику распада, носившую явную антироссийскую окраску. В течение нескольких лет были предприняты кардинальные шаги по восстановлению исторической целостности России, в результате которых в декабре 1922 года был образован Советский Союз, положивший начало единению народов на новых принципах равенства, общей заботы о расцвете всех наций.

Позднее, выдвинув и реализовав план построения социализма в отдельной стране, Сталин, по сути дела, предотвратил уничтожение социалистического государства, о чем западные страны мечтали с первых дней после установления в России советской власти. А в результате победы над Германией он вернул утраченные территории, принадлежавшие некогда России.

Сталину удалось сделать то, о чем в свое время мечтал Н. Я. Данилевский, последовательно изложивший в своем главном труде «Россия и Европа» идеи панславизма. Важнейшей задачей России Данилевский провозгласил освобождение братских славянских народов из-под чуждой власти. Конечным итогом этой борьбы должно было стать создание Всеславянского союза во главе с Россией, что сделало бы ее непобедимой.

Реальность этой цели обусловила наличие огромного числа противников и врагов панславизма как за рубежом, так и внутри страны. Но, несмотря ни на что, именно Сталину удалось создать такой союз после Второй мировой войны в своеобразной форме содружества социалистических стран. И это сразу же обусловило новую геополитическую роль страны, ее ведущие позиции на мировой арене.

Плодами сталинской политики страна пользовалась до тех пор, пока к руководству Советским Союзом не пришли Горбачевы, Яковлевы, Шеварднадзе — люди совершенно другой политической генерации, чуждой и враждебной интересам великой страны. Им удалось осуществить прямо противоположное тому, на что положил свою жизнь Сталин. Был предан забвению сталинский завет политикам: «Если славяне будут объединены и солидарны — никто в будущем пальцем не шевельнет».

В истории России уже были случаи, когда разгул антиславянских и антирусских сил, подобный тому, который происходит сегодня, отрезвлял многих политиков. Император Александр III выразил свое разочарование поведением некоторых стран, обязанных России своей независимостью, знаменитой фразой: «Отныне у России есть только два надежных союзника. Это ее армия и ее флот».

Эти слова часто вспоминаются сейчас, когда не ослабевает накал политической борьбы, вызванной агрессией режима Саакашвили против Южной Осетии. Конечно же война шла не с самим Саакашвили, а с его покровителями, применившими против Южной Осетии, с помощью своих советников, тактику «выжженной земли», обкатанную во Вьетнаме, Ираке, Афганистане, Югославии. Эта наглая авантюра окончательно высветила новую расстановку сил на международной арене, при которой США и европейские государства основной упор в борьбе против России стали делать на соседние с ней страны. Для некоторых из этих стран — бывших республик Советского Союза — антироссийская политика является теперь самым надежным пропуском в НАТО и другие западные альянсы.

Как справедливо заметил лидер коммунистов Крыма Леонид Грач, «конфликт в Южной Осетии показал, что американская стратегия, направленная на раскол восточнославянской цивилизации, принимает

формы вооруженного противостояния. Речь идет о выживании восточнославянских народов, о сохранении независимых восточнославянских государств и созданного трудом многих поколений научного и промышленного потенциала». Соединенным Штатам позарез необходим плацдарм для создания реальной угрозы национальной безопасности России с юга. Их заветная мечта — превратить многонациональный Кавказ в подобие Балкан, взорванных на виду у всего мира управляемыми извне национал-сепаратистами. Поэтому в трагедии сербского народа надо видеть тщательно планируемую и подготавливаемую масштабную акцию против русского народа, ее репетицию.

Мы должны ясно представлять, что в основе войны, развязанной против Южной Осетии, лежит русский вопрос — вопрос о судьбе русского народа и, что неразрывно связано друг с другом, о судьбе всех народов нашей Родины. Через дестабилизацию обстановки на Кавказе хотят взорвать многонациональную Россию. Логика здесь простая: если Грузии под патронатом США всё дозволено, то и сепаратисты внутри Российской Федерации могут себя уже ничем не ограничивать.

Не утихает борьба, которая, по признанию Збиг-нева Бжезинского, ведется «против России, за счет России и на обломках России». Капиталистический мир вернулся к временам «холодной войны» против СССР, о которой совсем недавно прозападные круги внутри нашей страны наигранно рассуждали как о чем-то невозможном, навсегда ушедшем в историю. Если и есть угроза нашей стране, пытались внушить нам высокопоставленные чиновники, то она исходит от терроризма. Нельзя не видеть между двумя «холодными войнами» — прошлого и настоящего времени — одну существенную разницу: Советский Союз обладал несравнимо более высоким военным потенциалом, чем нынешняя Россия, пользовался огромным авторитетом в мире, за ним стояли страны Варшавского договора.

Еще совсем недавно предупреждение президента Академии геополитических проблем Леонида Ивашова о том, что «Америка потихоньку готовится к военной кампании против России», многие не воспринимали всерьез. Столкновение России и Грузии перевернуло представления миллионов людей о сегодняшних реалиях. Теперь они каждый день сами видят и слышат, как многие западные лидеры прямо указывают на Россию как на страну, враждебную мировой цивилизации, которая должна быть подвергнута не только политической и экономической блокаде, но и силовому воздействию. Меры, предпринятые Россией для защиты населения Южной Осетии и Абхазии, — всего лишь повод для этого. Причины такой позиции совершенно другие: во-первых, в Соединенных Штатах считают, что именно Россия — главное препятствие для установления полного контроля над Евразией; во-вторых, США вместе со своими друзьями на Западе мечтают о присвоении природных богатств России, потребность в которых возрастает с каждым днем. Не случайно бывший госсекретарь

США Мадлен Олбрайт высказывала мысль, что природные богатства нашей страны должны принадлежать всему миру.

Не нужно надеяться, что в осуществлении подобных устремлений кто-то будет руководствоваться гуманными соображениями, общепризнанными нормами морали. В начале пятидесятих годов на стол президента США Эйзенхауэра лег секретный доклад о тайных операциях ЦРУ. Он отражал преобладавшие тогда настроения в Вашингтоне, которые последние полвека, вплоть до нынешнего дня, остаются неизменными: «Сегодня ясно, что мы столкнулись с беспощадным противником (имеется в виду СССР. — Г. З.), чья конечная цель заключается в достижении доминирования в мире любыми средствами и ценой. В этой игре нет правил. И в ней не действуют общепринятые нормы человеческого поведения... Если Соединенные Штаты хотят выжить, должно быть пересмотрено традиционное американское представление о честной игре (fair play). Мы должны развивать эффективные службы разведки и контрразведки; мы должны научиться ниспровергать, саботировать и уничтожать наших врагов более тонкими, изощренными и эффективными способами, чем те, которые они применяют против нас. Кроме того, необходимо, чтобы американский народ научился понимать и поддерживать эту отвратительную философию...»

К сожалению, сбывается то, о чем неоднократно предупреждали коммунисты: внешнеполитический курс, выбранный Россией в начале девяностых годов, рано или поздно приведет ее к утрате самостоятельности. Последствия этого курса будут означать только одно: с Россией перестанут считаться сначала ведущие западные державы, а затем и соседи, поощряемые США. И действительно, из ведущих держав Россию уже мало кто боится, а в международных отношениях, как известно, уважают прежде всего сильных.

Все это полностью отвечает интересам творцов «нового мирового порядка», которым не нужна сильная Россия с современными технологиями, высокоразвитыми промышленностью и сельскохозяйственным производством. Россия, которая в течение нескольких десятилетий славилась своим оборонным могуществом.

Да, мы хорошо знаем, как горстка отступников и предателей, захвативших власть в 1991 году, пытаясь выслужиться перед своими хозяевами на Западе, нанесла обороноспособности России непоправимый урон в девяностые годы. Колоссальные жертвы, принесенные русским народом и другими народами СССР на алтарь победы во Второй мировой войне, в результате развала послевоенной системы мироустройства оказались преданными. Вывод наших войск из Восточной Европы, куда они пришли как победители и освободители, превратился в унижительное бегство великой армии, когда-то победившей фашизм и принесшей свободу континенту. Это позорное бегство — без каких-либо серьезных гарантий будущей безопасности,

без заключения юридически обязательного договора с НАТО, без требования одновременного роспуска и Варшавского, и Североатлантического блоков — нельзя оправдать ничем. Это — откровенное предательство национальных интересов России.

Но эта капитулянтская политика российской верхушки не претерпела каких-либо существенных изменений и в последующем. Иначе чем можно объяснить, например, сдачу уже в 2003 году таких стратегических объектов, как база радиоэлектронной разведки в Лур-десе на Кубе и военно-морская база в Камране во Вьетнаме. При этом многие продолжают ратовать за такую «стабильность», забывая про погубленную подводную лодку «Курск» и затопленную космическую станцию «Мир».

Довольно свежи воспоминания, как новые политики страны, олицетворяющие себя с Россией XXI века, пытались украсть у своего народа Знамя Победы, предлагая заменить его главные символы. Не менее кощунственна по своему смыслу замена боевых знамен Российской армии на опереточные полотнища, стилизованные под знамена царской армии.

На каких традициях будет воспитываться личный состав современных вооруженных сил, если сдали в архив знамена, которым присягали и которые целовали наши деды и отцы, мы сами, наши сыновья и внуки? Какое отношение у международного сообщества может вызвать страна, которая так оплевывает свое прошлое, свою родословную, очерняет великие десятилетия своего наивысшего расцвета и могущества? Стоит ли удивляться в таком случае, что в Эстонии и Польше попирается память о советских людях, отдавших свои жизни в боях за освобождение от фашизма, если мы сами перевернули с ног на голову и опошлили свою историю? Не отсюда ли берут истоки наглость Саакашвили, устроившего этническую чистку в Южной Осетии, или циничная ложь Ющенко, который с помощью подотчетных ему СМИ вводит народ Украины в заблуждение по поводу «голодомора» и военного конфликта России и Грузии?

Коренное изменение международного положения России настойчиво диктует необходимость поиска для нее новых подходов к внешней политике. В свое время, в конце XIX века, Петербург постарался осуществить стратегический поворот к Востоку. Понимая, что контроль над огромными территориями страны зависит прежде всего от уровня развития средств коммуникации, русское правительство начало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Были приняты меры по активному заселению регионов Сибири и Дальнего Востока. Весьма символично и то, что Александр III в 1890 году отправил наследника престола, будущего императора Николая II, в ознакомительное путешествие на Восток.

Однако этому, как бы мы сейчас сказали, «евразийскому» подходу к решению геополитических проблем не суждено было стать доминирующим в сознании русского общества. Наиболее влиятельная его часть была по-прежнему ориентирована на Запад, воспитывалась исключительно на европейских ценностях, мечтала о европеизации России.

В более поздней истории, с середины восьмидесятых годов прошлого века, слепое преклонение перед Западом на каждом шагу демонстрировали «перестройщики». Для них было характерно пренебрежительное отношение к восточным соседям, в частности к Китаю, как к зоне вековой отсталости. Опыт развития этой великой страны игнорировался и тогда, когда весь мир заговорил о феномене китайского чуда и его настоящем архитекторе — Дэн Сяопине. В конце семидесятых годов он выдвинул в качестве стратегической задачи модернизацию Китая в четырех областях: в сельском хозяйстве, промышленности, обороне, науке и технике.

Не нужно обладать музыкальным слухом, чтобы уловить созвучие этих преобразований с тем, что предпринял в двадцатых — тридцатых годах Сталин для того, чтобы ликвидировать отставание от западных держав. Приведем для примера слова Дэн Сяопина, произнесенные в марте 1978 года: «Повышать уровень отечественной науки и техники, разумеется, необходимо за счет наших собственных усилий... Однако независимость и самостоятельность — это не замкнутость, а опора на собственные силы, это не безрассудный отказ от всего иностранного... Даже тогда, когда наша наука и техника достигнут передового мирового уровня, мы все равно должны перенимать у других все лучшее».

Это открытое заявление о необходимости учиться у Запада не было началом скрытого движения к капитализму, как у Горбачева после провала перестройки. Дэн Сяопин — убежденный коммунист. Китай продолжает уверенно идти по социалистическому пути, а важнейшими принципами китайской доктрины развития остаются марксизм-ленинизм и руководящая роль Компартии. При этом рыночная экономика не рассматривается как синоним капитализма и развивается в рамках социализма. Пока российские власти хоронили социализм, КНР развивала свою экономику невиданными темпами, до 10—12 процентов в год.

Пожалуй, главный урок Китая заключается в том, что для таких гигантских и своеобразных стран, какими являются Китай и Россия, прогресс возможен только на путях социализма. Капитализм для них — путь к краху. Не отказавшись от социалистического пути развития, Китай смог освободиться от вековой отсталости, преодолеть разрушения времен «культурной революции» и встать вровень с высокоразвитыми странами. Это подтвердили и блестящее проведение летних

Олимпийских игр 2008 года, и выдающийся успех на них китайских атлетов.

Говоря о том, что новые «хозяева» России не сумели, а скорее, просто не захотели разглядеть опыт Китая, следует заметить, что их мало волновало и то, что в девяностые — начале двухтысячных годов происходило по внутреннюю сторону восточных границ. А в это время многие сибирские города и поселки приходили в запустение. Если в советское время численность населения Сибири и Дальнего Востока каждое десятилетие в среднем увеличивалась на два миллиона человек, то за последние 15 лет она сократилась на пять миллионов жителей. Уезжают отсюда из-за разрушения промышленности, полного невнимания к нуждам людей, отмены имевшихся льгот. Лозунг, брошенный в сталинское время Валентиной Хетагуровой, канул в историю. А ведь пополнение населения сурового и уникального по своим богатствам края, раскинувшегося к востоку от Урала, было важнейшей статьей государственной политики России на протяжении четырех столетий.

... «Обезьянничанье Европы», по меткой характеристике славянофилов, с давних времен было болезнью не только российской либеральной интеллигенции, но и значительной части высшей бюрократии. Поэтому в принципе верный геополитический поворот к Востоку выродился в захватнические действия. Так, например, Россия попыталась в конце XIX века, подобно другим европейским странам, принять участие в разделе Китая. Осуществление политики на восточном направлении негодными средствами закончилось катастрофой Русско-японской войны.

Но при всех ошибках и заблуждениях главный акцент в имперской внешней и внутренней политике всегда делался на необходимости построения самодостаточного государства. Чтобы быть сильной и могущественной, Россия должна была иметь возможность самостоятельно отвечать на все вызовы внешнего мира, не рассчитывая на помощь извне. В идее государственной самостоятельности была своя правда — правда народного опыта, выстраданная всей русской историей. Правда, свидетельствующая о том, что Россия нередко оставалась один на один против полчищ «двунадесяти языков», объединявшихся, чтобы покончить с нею.

В послереволюционный период казалось, что под напором фанатиков «перманентной революции» в России не осталось государственных мужей, способных мыслить подобными категориями. Однако такой человек нашелся. Воплотить в жизнь совершенно новую геополитическую модель поведения России удалось Сталину. Не случайно говорится, что настоящая политика — это процесс реализации национальной идеи. Сталин соединил все лучшее, накопленное в традиционных российских концепциях — имперской самодостаточности и славянского «Большого пространства», — с возможностями советского,

социалистического строя.

Он прекрасно понимал, что Запад никогда не смирится с усилением России-СССР, с ее превращением в динамично развивающуюся, самобытную сверхдержаву. Известный югославский политик М. Джилас вспоминал, как однажды Сталин подвел его к карте мира и уверенно произнес, указывая на Америку и Великобританию, а затем на Советский Союз: «Никогда они не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным — никогда, никогда!»

По мысли Сталина, победа над фашизмом стала крупнейшей геополитической победой славянства. В своем историческом обращении к народу 9 мая 1945 года он сказал ясно и недвусмысленно: «Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией».

Еще более показательным для характеристики геополитических воззрений Сталина является его выступление по случаю победы над Японией, опубликованное в печати 2 сентября 1945 года, в день окончания Второй мировой войны. Главная мысль этого выступления заключается в утверждении неразрывной преемственности геополитических целей России на примере Дальнего Востока. Японская агрессия против Российской империи началась еще в 1904 году. Потом была интервенция в ходе Гражданской войны. Затем Хасан и Халхин-Гол. И вот, наконец, наша окончательная победа. Все это, считал Сталин, — звенья одной цепи.

«Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания, — говорил он. — Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции».

Здесь весьма показательна демонстрация исторической преемственности русской геополитической традиции: от Российской империи — к Советскому Союзу! Здесь и воплощение в жизнь провозглашенного Сталиным принципа, коротко и ясно выраженного в одной его фразе: «Нужно раз навсегда усвоить ту истину, что, кто хочет торжества социализма, тот не может забыть о Востоке».

В полном соответствии с интересами своей страны Сталин максимально расширил зоны влияния на морских и океанских направлениях, заблокировав любые попытки создать непосредственные угрозы государственным границам державы. Была создана автономная,

самодостаточная экономическая система, способная при грамотном использовании колоссальных ресурсов страны обеспечить устойчивый рост народного благосостояния.

Верное наблюдение находим в обстоятельном исследовании историка Святослава Рыбаса и писательницы Екатерины Рыбас «Сталин. Судьба и стратегия» (М., 2007): «Сталинское восприятие страны как единой экономической системы и как геополитического явления выразилось во множестве решений, которые работают и в послесоветское время. Перечислим некоторые: Северный морской путь, "второй" экономический центр России (Урал — Сибирь), выход советского Дальнего Востока в Тихий океан через глубоководный пролив (Курильские острова), создание Северного флота, создание высокотехнологичной промышленности, развитие образования и науки, освоение природного потенциала. И еще, конечно, модернизация всей экономики и создание огромного слоя образованных людей, который и являлся стержнем советского общества».

Сталин, как никто другой, понимал и необходимость мировоззренческого обновления страны в рамках ее новой геополитической формы — СССР. Результатом этого стало изменение государственной идеологии Советского Союза в сороковых годах. В основе нового курса лежало стремление создать эффективную и соответствующую требованиям времени идеологию патриотизма, которая могла бы стать надежным мировоззренческим основанием для функционирования государственных механизмов огромной советской державы и ее союзников.

«Идеологическая перестройка» при сохранении ее темпов не оставляла сомнений в том, что пройдет 10—15 лет, и СССР полностью преодолеет негативные последствия радикальных ломок, происшедших в двадцатые и тридцатые годы. Что страна сумеет максимально развить конструктивные результаты, достигнутые во всех сферах идеологии, в утверждении новых политических, культурных и экономических принципов развития человеческой цивилизации.

Формирование в лице СССР мощнейшего альтернативного центра мирового влияния, олицетворявшего прежде всего справедливость и народовластие, вызвало на Западе состояние, близкое к панике. Ведь под угрозой оказались все усилия торгово-финансовой космополитической элиты по созданию «мировой системы международного разделения труда» — основы для последующей политики закабаления человечества в рамках «нового мирового порядка».

Полное драматизма глобальное столкновение двух архетипов мировой политики, экономики и культуры концентрировалось в противостоянии двух сверхдержав — США и СССР, отлилось в жесткие формы «холодной войны».

К глубокому сожалению, Сталину не хватило нескольких лет, чтобы сделать свою «идеологическую перестройку» необратимой и обеспечить восстановление необоснованно прерванной российской духовно-государственной традиции. После смерти вождя его преемники круто развернули вспять политический курс страны. Весь «цивилизованный» Запад громко приветствовал этот маневр, скромно умалчивая о том, каких трудов он стоил его политикам, дипломатам, спецслужбам и «агентам влияния».

С начала «холодной войны», когда были запущены тайные механизмы разрушения Союза, и до финального акта драмы в 1991 году можно выделить три этапа, три последовательных периода развития геополитической диверсии против СССР.

Первый из них начался сразу после смерти Сталина и проходил под лозунгами «десталинизации» и хрущевской оттепели. Эпоха «застоя» закономерно продолжила этот губительный процесс, а стараниями многих нынешних «демократов», ходивших тогда в непримиримых ортодоксах, была законсервирована изжившая себя идейная догматика. Отсутствие здоровой мировоззренческой базы отозвалось болезненной путаницей и во внутренней жизни страны, и в области советской геополитики.

Год за годом все промышленные, военные и людские ресурсы использовались для погони за миражами глобального мирового лидерства, совершенно чуждого самому духу российской традиции. Результат не замедлил сказаться: экономическая ситуация внутри СССР стала последовательно ухудшаться. Идеологический, религиозный и культурный вакуум создал невиданно благоприятные условия для проникновения в советское общество чуждых ценностей, разрушительных мировоззрений и паразитарных стереотипов общественного сознания.

«Смена поколений» в высших кремлевских эшелонах позволила нашим противникам приступить ко второму этапу демонтажа СССР — созданию идеологической базы его развала. В годы горбачевской «перестройки» в ряду главных причин «вялотекущей катастрофы», вызвавших в короткий исторический срок крах СССР, заняли свои места откровенная русофобия, антипатриотическая истерия и оголтелый антикоммунизм, навязчивая пропаганда «прелестей» западного либерализма.

Третий, завершающий этап глобальной диверсии занял всего два года — 1990-й и 1991-й — и был направлен на политическое обеспечение полного распада единого союзного государства. Во внутривнутриполитической области он характеризовался «борьбой с реакционерами» в руководящем аппарате партии и правительства, резким всплеском окраинного и регионального сепаратизма, параличом центральной власти и использованием «демократического» российского руководства в качестве тарана для разрушения общего экономического, правового и

культурного пространства державы.

После развала СССР и напрямую связанного с этим крушения евразийского геополитического блока Запад, как показали последующие события, не ослабил свою жесточайшую агрессивность в стремлении поработить Россию. В этих целях велась отработка новых приемов подавления неугодных в войнах на территории Сербии, Афганистана, Ирака, были осуществлены «цветные революции» в Грузии и Украине, сопровождавшиеся проведением «демократических выборов» в этих странах.

Дружная поддержка западными государствами грузинской агрессии против Южной Осетии после противоправного признания ими независимости Косова развеяла у населения России последние иллюзии относительно «здравомыслия» США и европейских стран.

В ходе глобальной экспансии США и НАТО, претендующих на всемирную гегемонию и диктатуру, сбывается одно из сталинских предупреждений, легкомысленно забытое в угаре «оттепели» и «перестройки». Еще в 1946 году, вскоре после печально известной речи Черчилля в Фултоне, которая положила начало «холодной войне», Сталин сказал: «По сути дела г-н Черчилль стоит на позиции поджигателей войны... Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы мира.

Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы, как единственная полноценная нация, должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит г-на Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира. По сути дела г-н Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война».

Стоит в наше время поставить вместо Черчилля Буша, вместо английской расовой теории — доктрину о западной цивилизации как высшей, конечной стадии развития человечества, «обоснование» которой находим в рассуждениях о «конце истории» Фрэнсиса Фукуямы, — и сходство делается очевидным. Хорошо просматривается тот же национальный аспект: решающая роль англоязычных наций в фор-

мулировании основных целей западного либерализма. Возникает впечатление, что Сталин говорил именно о современных проблемах.

После распада Советского Союза многие государства, испытывающие трепет перед военной мощью США и НАТО, слепо поклоняющиеся ценностям «свободного мира», безоговорочно подчинились западному диктату. Католическо-протестантский и романо-германский Запад приступил к реализации своей вековой мечты — окончательному порабощению славяно-православной цивилизации. Втягивание славянских стран Восточной Европы в Североатлантический блок — лишь первый этап этого процесса. Завершением его должно стать расчленение утратившей национальную и духовную самобытность России на несколько «независимых» государств, находящихся под неусыпной опекой «мирового сообщества».

В свете обнажившихся в результате последних событий в Кавказском регионе геополитических проблем решение внутренних противоречий страны больше не терпит отлагательств. При всем их своеобразии они весьма сходны с теми, которые пришлось решать СССР в сталинские времена. Суть их заключается прежде всего в преодолении экономического отставания от развитых западных стран. А для этого не следует уповать на пресловутую интеграцию в западную экономику, на вступление в ВТО, которое, кроме утраты экономической самостоятельности страны, не сулит ничего хорошего.

Многовековая российская традиция строительства сильного, самодостаточного государства на деле является не чем иным, как единственно возможным и эффективным ответом на постоянную угрозу извне. Это хорошо понимал Сталин — в отличие от нынешнего руководства страны, упускающего огромные возможности экономического укрепления и развития России, которые предоставляют ей пока еще богатая сырьевая база и мировые цены на топливо. Но совершенно очевидно, что реализовать этот потенциал нельзя на изношенном идеологическом фундаменте, заимствованном у западных стран, с вороватым аппаратом современного чиновничества, далеким от заботы о процветании Отчизны.

Судя по всему, люди, связывающие свои надежды с либеральной моделью развития, имеют самое смутное представление об особенностях России, которые выделяют ее из ряда других стран Европы и Азии. А эти особенности — специфика геополитического положения, огромные пространства, протянувшиеся на десятки тысяч километров границы, суровый климат в большей части страны, экономическая уникальность большинства регионов — носят значительно более рельефный характер, чем те, которые, скажем, позволяют отличить Швейцарию от Австрии.

Пришла пора беспристрастно взглянуть на накопившиеся проблемы. Завтра будет поздно. Но чтобы бороться с неблагополучием в стране,

тяжелыми болезнями ее экономики, надо, хотя бы поначалу, признать их существование, а не создавать средствами СМИ картину всеобщего благоденствия. Ведь если судить о положении вещей по бойкой официальной пропаганде, по информационным программам телевидения, можно сделать вывод, что Россия едва ли не процветает. Но, как говорят в народе, сколько ни повторяй слово «сахар», слаще не будет. Для того чтобы ощутить осязаемые результаты, требуется обладать очень большим воображением.

На самом же деле страна стоит на пороге очередных экономических потрясений, чреватых серьезными испытаниями для миллионов людей. Нынешнее положение вещей наглядно подтверждает, что мало кто из главных действующих лиц развернувшейся в России драмы желает того, чтобы страна стала «самостоятельной экономической единицей, опирающейся главным образом на внутренний рынок». Такой, какой хотел ее видеть Сталин, такой, какой он ее сделал.

События вокруг Южной Осетии и Абхазии показывают — «точка невозврата» пройдена, страна вступила в новую историческую эпоху. Если весь предшествующий период — это время упущенных возможностей, то теперь невозполнимиими потерями для страны оборачивается каждый прожитый по инерции день. Ибо процессы деградации экономики не остановлены, их последствия губительны для страны.

Деиндустриализация привела к тому, что износ основных фондов, машин и механизмов давно миновал критическую черту, за которой начинается обвал.

Практически уничтожены важнейшие отрасли науки и производства. Число работающих в машиностроении за полтора десятилетия сократилось более чем в 7 раз, в легкой промышленности — в 3 раза. Почти в 20 раз снизилось производство гусеничных тракторов, в 10 раз — зерноуборочных комбайнов. В тяжелом положении находится оборонная промышленность, что вполне объяснимо: средств на оборону в России тратится в 20 раз меньше, чем в США.

Около 80 процентов вооружения и техники изношены, устарели и требуют немедленной замены. Характерный пример, касающийся нашей обороноспособности, приводил еженедельник «Независимое военное приложение» вскоре после ввода кораблей НАТО в Черное море. Выяснилось, что по мощности основного вооружения — количеству противокорабельных и зенитных управляемых ракет большой дальности, способных применяться по надводным целям, — весь российский Черноморский флот значительно уступает нескольким натовским кораблям. К тому же большинство его противокорабельных ракет имеют системы управления и наведения, уже не отвечающие жестким

требованиям современной войны на море. Впервые страна столкнулась с ситуацией, когда на наглую демонстрацию НАТО своей морской силы в непосредственной близости от берегов России она не смогла адекватно ответить.

Тревогу вызывают не только проблемы технического оснащения вооруженных сил. Трудно говорить о высокой боеспособности армии, недокомплект офицерского состава которой достиг 40 тысяч человек.

...Общая болезнь экономики в полной мере отражается на нефтяной и газовой отраслях, инфраструктура которых крайне изношена. Приходят в упадок технологии разработки месторождений. Всё промышленное производство страны, всё ее коммунальное хозяйство сидят на сотнях тысяч километров труб, 70 процентов которых уже трудно эксплуатировать.

Произошло катастрофическое сокращение валового внутреннего продукта. Если даже гипотетическое удвоение ВВП к 2010 году и станет реальностью, достаточно вспомнить, как мы жили в 1990—1991 годах, чтобы понять, на какие «рубежи» мы выйдем.

О каком развитии промышленности может идти речь, если наукоемкое производство составляет лишь один процент от его общего объема, что в 15—20 раз ниже аналогичного показателя современного Китая? Наука еще со времени распада Советского Союза хронически недофинансируется. Из страны уехали за рубеж сотни тысяч талантливых, самых образованных и подготовленных специалистов, и абсолютное большинство из них не собирается при нынешних условиях возвращаться на родину.

Наша страна давно утратила продовольственную безопасность, а сельскохозяйственное производство находится в тяжелейшем системном кризисе. Иллюзию изобилия продуктов питания в магазинах создает их недоступность для огромной массы населения. Потребление основных белковых продуктов — мяса и молока — в 2007 году, например, было на 25—30 процентов ниже, чем в «голодном» 1990 году. Зато стабильно растет потребление картофеля и хлеба, которые стали основным продуктом питания большинства россиян.

Поиск Сталиным эффективных механизмов развития сельскохозяйственного производства привел его к пониманию необходимости проведения массовой коллективизации, причем — в форсированные сроки: международная обстановка не позволяла долго раскачиваться. У нынешней власти для возрождения аграрного комплекса страны нет, видимо, ни воли, ни особого желания.

Во всяком случае, никто не пытается переломить негативные тенденции, развивать в стране внутренний рынок, создавать стратегические запасы продовольствия. Чиновники и олигархи купаются в роскоши и вывозят капиталы за рубеж, доходы государственного бюджета превращаются в иностранные ценные бумаги. Вместо реальных мер оздоровления экономики — «объяснения», что в постоянном удорожании продуктов питания политика ни при чем, все дело в росте мировых цен на продовольствие.

Крайне низкими остаются расходы на образование, в то время как страна по уровню его развития находится на 30-м месте в мире. Идут бессмысленные эксперименты. Единый государственный экзамен не повысил качество знаний выпускников, но породил широкомасштабную коррупцию и ограничил число поступающих в вузы, особенно на бесплатное обучение. Деление высшей школы на бакалавриат и магистратуру понизило статус высшего образования и лишает страну полноценных кадров. Практически развалена система среднего специального образования.

Культура не находилась в таком загоне, как в наши дни, со времен топтания по ней «пролеткультовцев». Когда-то генерал де Голль утверждал, что культура — это нефть Франции. В России пока еще есть и нефть, и культура, но при такой политике скоро не будет ни того ни другого.

Так называемые национальные проекты — это даже не латание дыр, это пыль в глаза населению России, чтобы отвлечь его от истинного, тревожного положения вещей во всех сферах экономики, науки, образования и культуры. Нацпроекты стали шумной рекламной акцией власти, но их эффективность велика лишь на телеэкране. Суммарные расходы на «приоритетные» проекты — «Образование», «Здоровье», «Развитие агропромышленного комплекса», «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» — от расходной части бюджета составляют настолько ничтожную долю, что выделяемые средства можно назвать жалкими подачками, которые никак не могут повлиять на достижение ощутимых результатов.

В нынешней России между фасадами Москвы, еще нескольких крупных городов и действительной жизнью миллионов людей зияет ужасающая пропасть. А все правительственные решения по борьбе с бедностью, принятые за это время, — лишь дымовая завеса, за которой буржуи становятся всё богаче, а все прочие — беднее. Показатели разрыва между уровнями жизни богатых и бедных являются одними из самых высоких в мире. Олигархия не стесняется своих скандальных прибылей: у 10 процентов жирующих 90 процентов всех доходов. По данным журнала «Forbes», Россия уверенно занимает первое место в Европе по количеству миллиардеров. Характерно, что перечень имен, которые фигурируют на его страницах, в полной мере отражает приоритеты

российской экономики — продажа сырьевых ресурсов — и подтверждает, что за Россией все прочнее закрепляется роль сырьевого придатка Европы.

Удивляет, что эта тенденция многими государственными руководителями и политическими деятелями рассматривается как позитивная. Наивно уповать на то, что Запад без наших энергоносителей никуда не денется, а следовательно, нефть и газ обеспечивают безопасность страны. Логика, прямо скажем, сомнительная, с ее помощью можно вводить в заблуждение только легковверных. Но ведь именно эта мысль преобладала в оценках международной ситуации, сложившейся после грузино-российского конфликта. Использовалась как некое «успокоительное» средство для общественного мнения, когда международная обстановка накалилась и стала вызывать тревогу. Хотя, казалось бы, каждый мало-мальски образованный человек понимает, что экономическая зависимость делает реальной угрозой утраты суверенитета страны.

Зеркальным отражением существующих социальных проблем является сложившаяся демографическая ситуация. Ее можно обозначить двумя словами: Россия вымирает. Это страшное словосочетание выражает суть политики, которая далека от решения экономических и социальных вопросов, обеспечивающих сохранение народонаселения — главного ресурса страны — и не намерена поворачиваться к ним лицом.

Есть зловещая символичность в том, что начало эпохи вымирания в нашей стране приходится именно на то время, когда обманутые люди доверили управление ей олигархии и криминальному капиталу. Если процесс сокращения населения России будет идти такими же темпами и впредь, то в недалеком будущем само существование Российского государства в его нынешних границах станет практически невозможным.

Все разговоры о якобы начавшемся росте рождаемости носят чисто пропагандистский характер. С одной стороны, Россия получила, пожалуй, последний подарок от советской власти: в жизнь входит поколение «скачка рождаемости», наблюдавшегося в середине восьмидесятых годов. С другой — вымирающих россиян стали интенсивно замещать мигранты, что уже породило в стране целый ряд новых социальных проблем.

Чтобы понять, что происходит с Россией, надо видеть главное: под личиной добродушия, которую пытается принять буржуазия, десятилетиями не меняются цели господствующего капитала. В свое время Березовский хорошо и доходчиво разъяснил суть лозунгов

свободы и демократии по-русски: «Больше нами никогда не будут управлять голодранцы».

Еще осенью 1952 года Сталин обратил внимание делегатов и гостей XIX съезда партии на следующее обстоятельство: «Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы. Теперь от либерализма не осталось и следа. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Это знамя придется поднять вам и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа».

КПРФ на собственном опыте имела возможность убедиться, что утверждающая свою власть олигархическая буржуазия выбросила за борт и другое знамя. Это, как называл его Сталин, — «знамя национальной независимости и национального суверенитета». И это знамя придется поднять и понести вперед — если мы хотим быть патриотами своей страны и стать руководящей силой нации. Именно так Сталин ставил вопрос перед коммунистами.

Актуальность сталинской идеи органичного слияния борьбы за социализм с движением за национальную независимость, демократические права и свободы трудящихся приобрела в наши дни особую остроту. Мы являемся свидетелями настоящего взрыва национального самосознания народов различных регионов мира, подвергшихся идеологической, политической и военной агрессии Запада. Наблюдается неудержимый прорыв огромных людских потоков к своим традиционным корням, и это мощное движение тесно связано с нарастанием борьбы против либерального тоталитаризма.

Особенностью России является то, что национально-освободительная борьба народа становится одновременно главной формой классовой борьбы угнетенных, ограбленных и обнищавших народных масс против криминальной компрадорской буржуазии и коррумпированной бюрократии за восстановление социальной и национальной справедливости. Только победа в этой борьбе даст нашей стране возможность найти выход из исторического тупика, создаст почву для нового сплочения всех народов исторической России.

События сталинской эпохи служат для нас не только яркими приметам прошлого, но и маяками будущего — того будущего, за которое борются российские коммунисты. Эти события учат нас, все подлинно демократические силы понимать и чувствовать свою ответственность за судьбу страны. Коммунистическая партия Российской Федерации давно заявила, что принимает на себя ответственность за прошлое, настоящее и будущее нашей державы. Как говорил Сталин, «раз мы пришли к власти и взяли на себя задачу преобразования страны на основе социализма, мы отвечаем и должны отвечать за все — и за плохое, и за

хорошее».

Компартия готова ответить на вызовы, которые бросили ей работодатели России. Это прежде всего:

колоссальное социальное неравенство;

демографическая катастрофа;

духовно-нравственная деградация;

развал экономики, посаженной на иглу экспорта природных ресурсов;

утрата обороноспособности и потеря ключевых союзников.

Если Россия и дальше пойдет по такому пути, то у нее не останется никаких перспектив в XXI веке.

Российские коммунисты считают, что только социализм сможет отвернуть Россию от гибельного курса, освободить ее от полукOLONиальной зависимости. Социалистическая перспектива дальнейшего развития страны — единственная путеводная звезда к спасению для трудящегося населения и будущих поколений. Именно социализм наиболее полно воплощает в себе тысячелетнюю русскую идею, которая способна сплотить нацию для одоления смуты и хаоса «реформ», обратить взоры людей к духовным и нравственным истокам страны, в которой им выпало родиться и жить.

Речь не идет о бездумном копировании прошлого опыта, воссоздании каких-либо ущербных «версий социализма», которые подавляют личность, стригут всех под одну гребенку. «Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов, — писал И. В. Сталин еще в 1934 году. — Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, социалистическое общество представляет единственную прочную гарантию охраны интересов личности».

Не всем нравился такой подход к пониманию основных задач социализма. И не случайно борьба с попытками вульгарной трактовки социализма в сталинскую эпоху выливалась, как правило, в острые полемические столкновения. При этом многие идеи, высказанные Сталиным, имеют непреходящее значение. «Некоторые думают, что социализм можно укрепить путем некоторого материального поравнения людей на базе бедняцкой жизни, — говорил он. — Это не верно. Это — мелкобуржуазное представление о социализме. На самом деле социализм может победить только на базе высокой производительности

труда, более высокой, чем при капитализме, на базе изобилия продуктов и всякого рода предметов потребления, на базе зажиточной и культурной жизни всех членов общества...»

Оценивая закономерности развития человечества в начале XXI столетия, КПРФ исходит из того, что каждый народ и каждая страна должны реализовывать эти закономерности с учетом своих национальных особенностей и своего исторического опыта. Теория и практика коммунистического движения в нашей стране, извлеченные из него уроки позволяют утверждать, что разрешить наболевшие в российском обществе проблемы может, как мы уже говорили, только русский социализм. Формулируя эту цель, коммунисты имеют в виду прежде всего его характерные черты и отличия.

Русский социализм предполагает гармоничное сочетание державной мощи с народными свободами, государственного регулирования — с демократическими институтами, национальной самобытности — с дружбой народов, нашего многовекового исторического опыта — с достижениями советского строя, со всем лучшим, что заложено в мировой культуре.

Русский социализм — это социализм в его обновленных формах, отвечающих современному уровню производительных сил, с высоким качеством жизни населения, условиями для развития личности.

Сталинский взгляд на социализм для нас важен тем, что, по его убеждению, общество, за которое борются коммунисты, должно быть не только наиболее справедливым в социальном плане, но и «самым богатым в мире». Это и есть главная особенность русского пути — пути развития России. Обращаясь к трагедии начала девяностых годов — падению КПСС, распаду СССР, ликвидации мировой системы социализма, — нетрудно увидеть, что именно нерешенность задачи повышения благосостояния основной массы людей во многом обусловила деструктивный взрыв.

Соединение исторического опыта социально-классовой борьбы с русской идеей, с народными традициями позволяет обеспечить действенность массового движения сопротивления, придать ему созидательный характер, направить его на решение давно назревших коренных интересов России.

Компартия Российской Федерации — это единственная реальная политическая организация в стране, последовательно отстаивающая интересы людей наемного труда. Из предшествующего опыта российского, советского и мирового коммунистического движения КПРФ берет все проверенное практикой, что позволяет ей формироваться как истинной партии трудящихся, дающей ответы на самые актуальные

вопросы современного общественного развития.

КПРФ выступает во главе самых широких патриотических сил, способных спасти страну в час труднейших испытаний. Как и в девяностые годы, Компартия остается главным объединительным центром протестного движения против антинародной политики олигархии и компрадорской буржуазии.

Обращение к достижениям Советской страны в сталинскую эпоху призвано сегодня помочь решению целого ряда практических задач наших дней и обозримого будущего. Как воссоздать в России сильное, справедливое, эффективно действующее государство? Как вернуть державе ее естественную геополитическую роль? Как решить острейшие национальные проблемы? Как в кратчайшие сроки одолеть экономический хаос, нищету и безработицу? Как объединить общество в стремлении к высшим нравственным идеалам и значимым политическим целям?

Уверенно удерживая положение политического и морального лидера российского общества, КПРФ разработала свою обновленную Программу, которая раскрывает основные задачи деятельности партии в современных условиях, дает ответы на самые животрепещущие вопросы. В основу ее содержания положена главная цель всей борьбы коммунистов, без которой все другие шаги прогрессивных сил теряют смысл, — вернуть народу власть и собственность.

Власть и собственность сделают народ хозяином своей судьбы.

Свою первоочередную задачу Компартия видит в том, чтобы отстранить от власти мафиозно-компрадорскую буржуазию.

Напомним, что Сталин был сторонником унитарной системы формирования союзного государства, сторонником жесткой централизации в государственном управлении. Но эти взгляды диктовались специфическими чертами России, условиями времени, в котором приходилось в те годы строить новое общество. Это в конечном счете определялось интересами страны и отвечало интересам основной массы трудящихся. В отличие от нынешней централизации власти, которая осуществляется в интересах узкой группы лиц; Не случайно поэтому построение так называемой вертикали управления в «новой» России сопровождалось и сопровождается беззастенчивым подавлением демократических свобод, без которых сегодня немыслима жизнь любого цивилизованного общества.

На знамени КПРФ начертано слово народовластие, что означает власть трудящегося большинства, объединенного посредством Советов и иных форм самоуправления народа. Эта власть позволит российскому

обществу прекратить опасное балансирование на скользкой грани, с которой можно окончательно сползти к авторитарности. Она положит конец всевластию олигархических кланов, породивших ненасытный класс чиновников и бюрократов, которые, подобно тромбам, закупорили всю кровеносную систему государства.

Вернув власть трудящимся, КПРФ вынесет на всенародное голосование проект новой Конституции России, которая закрепит переход власти к Советам трудящихся, передаст в руки народного государства основные отрасли экономики, создаст гарантии их использования в общенародных целях. Только опираясь на волю граждан, партия начнет демонтаж системы экономического и социального неравенства.

Предполагается создать открытую избирательную систему, где не будет места информационному террору, грязным технологиям и всевластию денег. Выборы в органы власти станут прозрачными, освободятся от давления частного капитала и черного пиара. Коммунисты сломают систему тотальных фальсификаций, созданную российской бюрократией, будут добиваться наказания виновных в нарушениях закона при организации избирательных кампаний. Выборы в органы государственной власти и местного самоуправления будут проводиться на основе реального равенства участников и свободного волеизъявления граждан.

Все граждане получают твердые гарантии соблюдения прав личности, свободы слова и вероисповедания. Гарантируются свобода оппозиционной деятельности, многопартийность, отказ от вмешательства государства во внутреннюю жизнь партий.

Решая эти задачи, КПРФ исходит из того, что сплочение подавляющего большинства населения страны, всех, кому дороги коренные интересы государства, может обеспечить только создание правительства народного доверия.

В своей борьбе за возвращение страны на социалистический путь развития, за ее целостность и независимость, благополучие и безопасность граждан, физическое и нравственное здоровье народа Компартия руководствуется целями, близкими и понятными всем трудящимся.

Провозглашенное в качестве одной из главных задач партии достижение социального равенства будет основываться на освобождении труда, на ликвидации эксплуатации человека человеком и всех видов социального паразитизма. В случае своего прихода к власти КПРФ ликвидирует главные источники эксплуатации народа, установив общественную собственность на землю, природные ресурсы, ключевые отрасли производства. Будут возвращены в собственность государства электроэнергетика, транспорт, военно-промышленный комплекс,

нефтяные и газовые месторождения, незаконно приватизированные заводы и шахты. Доходы этих отраслей должны пополнять госбюджет и использоваться в интересах всех граждан. Ограничивается экспорт невозполнимых природных ресурсов, таких как нефть, газ, алмазы, взят курс на их глубокую переработку внутри страны, наряду с лесом и морскими биоресурсами.

При этом сохраняется все многообразие форм собственности, доказавших свою жизнеспособность, способность служить общенациональным интересам. Национализация ведущих отраслей экономики будет сочетаться с мерами по развитию малого и среднего предпринимательства.

Полученные от национализированной собственности средства будут направляться на модернизацию промышленности и сельского хозяйства, транспортной системы, на жилищное и дорожное строительство, масштабное развертывание геолого-разведочных работ. Расширяя ресурсный потенциал страны, они помогут осуществить меры экологической защиты и охраны природы.

Стимулированию экономического развития будет служить шкала прогрессивного налога, при которой налогообложение богатых людей будет составлять 30 и более процентов от доходов.

Намеченные меры помогут укрепить обороноспособность страны, модернизировать предприятия военно-промышленного комплекса, повысить боевую готовность вооруженных сил и авторитет воинской службы. Будут обеспечены социальные гарантии военнослужащим, предоставлено жилье их семьям, значительно улучшено обеспечение военных пенсионеров.

Компартия считает недопустимым, что триллионы рублей в Фонде будущих поколений и Резервном фонде, в который продолжают поступать доходы от высоких цен на экспорт нефти и газа, по-прежнему находятся без движения. Государственные средства, хранящиеся в западных банках под символические проценты, продолжают работать на чужую экономику. Необходимо вернуть их в Россию и использовать в интересах экономического и социального развития.

Расчеты специалистов показывают, что при правильной, разумной политике в области сельского хозяйства Россия имеет реальную возможность за кратчайший срок превратиться в крупнейшую продовольственную державу мира и полностью отказаться от импорта продуктов питания. В каждой стране поддержка сельского хозяйства — это политика социальной ответственности. Например, в стоимости произведенной сельхозпродукции объем государственных дотаций в странах ЕС составляет в среднем 33 процента, а в Норвегии, северной стране,

близкой нашей по климатическим условиям, — 68 процентов. Как видим, на Западе, в отличие от России, понимают, что сельское хозяйство является важнейшей отраслью и нуждается в дотациях. У нас же с начала реформ, еще на рубеже восьмидесятых — девяностых годов, навесили на село ярлык «черной дыры», в которую якобы бесполезно вкладывать средства. И предпочитают закупать продовольствие за рубежом, что, по сути, означает субсидирование чужого фермера вместо поддержки своего крестьянина.

Утрата продовольственной безопасности, рост цен — плоды этой безответственной политики. КПРФ считает, что серьезная модернизация сельского хозяйства требует, чтобы вложения в него составляли не менее 10 процентов расходной части федерального бюджета. Это поможет в короткие сроки преодолеть катастрофическое отставание агропромышленного комплекса от организации сельскохозяйственного производства в ведущих странах. В качестве основы возрождения села следует рассматривать всестороннюю поддержку крупных коллективных хозяйств по производству и переработке сельхозпродукции.

Стратегическая задача успешного развития страны — всесторонняя поддержка фундаментальной и прикладной науки, которая также стала полем реализации чисто коммерческих интересов. Ученые имеют право на достойную жизнь и должны быть обеспечены высокой заработной платой и всем необходимым для исследовательской деятельности. Для этого следует увеличить финансирование науки, осуществить поддержку существующих наукоградов и начать строительство новых. Предстоит большое внимание уделить развитию наукоемкого производства.

КПРФ выступает за восстановление высокого стандарта всеобщего и бесплатного образования, который прекратит разрушение советской системы в этой области, признанной лучшей в мире. Будет прекращено повсеместное навязывание перехода на двухуровневый «болонский стандарт» («бакалавриат — магистратура»), которое осуществляется в стране вопреки мнению образовательного сообщества. Коммунисты намерены восстановить серьезно пострадавшую за годы реформ, а местами и полностью разрушенную, систему профессионально-технического и среднеспециального образования.

Компартия считает необходимым осуществить срочную программу мер по борьбе с бедностью. Зарплаты, пенсии, стипендии, объем иного социального обеспечения не могут быть ниже прожиточного минимума и должны закрепляться законодательно. Будет введен госконтроль над ценами на товары первой необходимости и топливо, возвращены гарантии и льготы социально незащищенным категориям граждан. В трудовом стаже станут учитывать время учебы, армейской службы, отпуска по уходу за ребенком. Компартия не намерена повышать возрастные рамки для выхода на пенсию.

Намечено восстановить социальные льготы советского времени. Их получат многодетные семьи, инвалиды, граждане, проживающие в сложных природно-климатических условиях. Возвратятся гарантии бесплатного и качественного образования и медицинского обслуживания. Поднять престиж честных тружеников помогут звание «Ветеран труда» и соответствующие ему льготы.

Коммунисты намерены инициировать пересмотр всех законов, ухудшивших материальное положение граждан, позволяющих растаскивать и грабить природные ресурсы страны. В их числе — 122-й закон «О монетизации льгот», Трудовой, Жилищный, Земельный, Лесной и Водный кодексы.

Правительство народного доверия восстановит ответственность власти за жилищно-коммунальное хозяйство, расширит государственное жилищное

строительство.

Одним из его первых шагов станет решение наиболее острой проблемы, от которой находится в зависимости все будущее России. Речь идет о том, чтобы остановить вымирание страны, начавшееся при Ельцине и не прекратившееся по сей день.

Общество давно бьет тревогу, считая, что смертность россиян растет, в первую очередь по мере того, как становятся все более дорогими и недоступными для них качественные продукты питания, медицинское обслуживание, лекарства. Именно здесь, по мнению многих демографов и социологов, кроется причина того, что в современной России умирает в два раза больше людей, чем в советское время. Сегодня в стране детей восьмилетнего возраста в два раза меньше, чем восемнадцатилетних. Постоянно растет поток мигрантов из ближнего зарубежья, за которым скрываются, как считают многие демографы, значительно более высокие цифры смертности русского населения, нежели нам дает официальная статистика.

Замещение вымерших русских мигрантами, которыми латаются демографические дыры, оборачивается тем, что население России нередко пополняют люди, совершенно отчужденные от нее. Подвергнувшись жестокой эксплуатации на частных предприятиях, они зачастую начинают испытывать и враждебные чувства к нашей стране, воспринимают ее лишь как пространство для заработка. Общество, состоящее из морально и физически деградирующего коренного населения и мигрантов, выступающих в роли рабочей силы, но не ассоциирующих себя духовно и социально со страной пребывания, является идеальной средой для криминально-репрессивной системы управления.

КПРФ исходит из того, что необходимы серьезные практические меры по росту рождаемости, а не их имитация в виде обещанного материнского капитала за рождение второго ребенка. К моменту выплаты он будет иметь чисто символическое значение, так как за счет него невозможно будет всерьез решить ни проблемы жилья, ни образования. Власть не хочет понять, каким тормозом роста рождаемости стали принятые законы о платности образования и здравоохранения, откровенно людоедский Жилищный кодекс, в соответствии с которым коммунальные услуги из года в год дорожают на четверть. Эти законы необходимо либо упразднить, либо принципиальным образом скорректировать в целях защиты граждан.

Компартия считает необходимым разработать программу, включающую предоставление семьям бесплатного и действительно доступного жилья, восстановление льгот для многодетных семей, воссоздание сети общедоступных детских садов.

Важны не только материальные факторы стимулирования будущих родителей. Не менее важно восстановление базовых жизненных ценностей, главной среди которых является полноценная семья.

Назрела острая необходимость создания особой государственной комиссии по защите детства в России. КПРФ считает, что в течение двух лет, при заинтересованном отношении государства, можно будет решить проблему детской беспризорности, которая является позором страны.

Предлагаемые меры явятся основой создания для людей достойной жизни, утверждения в обществе принципа социальной справедливости, предполагающего гарантированное право людей на труд и его должное вознаграждение, доступное всем образование, бесплатную медицинскую помощь, благоустроенное жилье, отдых, заботу государства о семье, детях и ветеранах.

Наряду с этим необходимо будет вернуть не только утраченную ответственность общества перед гражданином, но и каждого гражданина перед обществом, восстановить единство прав и обязанностей человека.

КПРФ — это единственная партия в России, для которой интересы Родины превыше всего. Краеугольным камнем всей ее политики явится формирование у людей патриотизма, уважения к истории и культуре, традициям страны. Предполагается коренным образом перестроить всю систему духовного и нравственного воспитания людей, положив в ее основу принципы справедливости, добра, человеколюбия, нестяжательства, пресечь распространение пошлости и насилия через телевидение, восстановить уважение к своему родному языку. Уже сейчас партия приступила к реализации своей программы по русскому вопросу.

Будут обеспечены подлинное равноправие наций, дружба народов, единство патриотических и интернациональных начал. Большая роль отводится защите исторических и духовных ценностей великой русской культуры как основы духовного единства многонациональной России, национальных культур всех народов страны. Средства массовой информации законодательно ограждаются от пропаганды пошлости, насилия и цинизма.

Своим приоритетом КПРФ считает преодоление трагического разрыва между братскими народами Советского Союза, искусственно созданного в течение двух последних десятилетий, восстановление на добровольной основе единого союзного государства. Предпосылками реализации этих целей служит то, что эксплуатируемые народы бывших союзных республик все больше сознают, куда ведут их утвердившиеся у власти круги, свои так называемые «элиты».

Будут немедленно предприняты шаги к заключению реального и прочного российско-белорусского союза, присоединению к нему всех желающих.

Во внешней политике полностью отрицается возможность каких-либо территориальных уступок. КПРФ укрепит позиции России на Дальнем Востоке, реализует масштабную программу развития Сибири и дальневосточных регионов.

Соотечественники за пределами России получают ее защиту. Внешнеполитический курс страны будет служить утверждению многополярного мира, расширению сотрудничества с государствами независимого выбора, роспуску агрессивного блока НАТО, повышению роли ООН. Россия будет активно участвовать в борьбе против международного терроризма, одновременно выступая против попыток приравнять к экстремизму борьбу за национальное освобождение и социально-классовое равенство.

КПРФ отвергает все обвинения в популизме, которые звучат в ее адрес тем громче, чем реалистичнее и решительнее требования партии, ее действия. За такими обвинениями кроется лишь одно — стремление олигархических кругов и вскормленной ими бюрократии всеми силами защитить свои алчные интересы, сохранить свои позиции в обществе незыблемыми. Но обманывать народ становится все труднее.

С целью подтверждения вотума народного доверия КПРФ готова вынести ключевые положения своей программы строительства новой России — могучей и процветающей страны, страны XXI века — на всероссийский референдум.

* * *

Конец XX века и начало третьего тысячелетия стали для России временем огромных человеческих и материальных потерь. В новую эпоху страна вступила с подорванной экономикой, загубленной промышленностью и разоренным селом. С утраченным лидерством в образовании и науке.

С такой участью наш великий народ никогда не смирится. Народ с уникальной культурой, с героической историей побед и свершений, с примерами жертвенного служения добру, правде и справедливости — такой народ заслуживает иной жизни. Жизни, а не жалкого существования на грани нищеты, прозябания, без надежды на то, что завтра всё изменится к лучшему.

Но у России есть шанс для прорыва в будущее. Еще не весь экономический потенциал утрачен. Не все природные ресурсы вычерпаны. Не все научные школы свернуты. И есть главное — люди, способные мыслить и действовать, трудиться и побеждать. Люди, уставшие от безрадостной жизни и умеющие решать сложнейшие задачи. Готовые создавать новую Россию и способные осознать, что великой она может быть только на пути социалистического развития.

У коммунистов есть все основания для социального оптимизма. Это — более чем вековой опыт революционной борьбы за утверждение идеалов социальной справедливости. Это — наша история. Это выдающиеся успехи, расцвет нашей Родины в XX веке.

Обращаясь к биографии Сталина, перечитывая сталинские строки, видишь, что это целая программа деятельности коммунистов в новой исторической эпохе. В обстановке, когда под напором «глобализации» круто меняется судьба народов, идет ломка духовных основ их жизни, а государства лишаются суверенитета, перенимают «демократию» западного образца, утрачивают свою самобытность. Рушится сам смысл существования человеческой цивилизации.

Вот почему для нас особенно важен опыт становления Советского Союза в качестве мировой сверхдержавы, лидера огромного геополитического блока, культурного и идеологического феномена всемирно-исторического масштаба. Становления, которое пришлось на период правления такого выдающегося человека и политического деятеля, каким был Иосиф Виссарионович Сталин.

Трудно опровергнуть главный аргумент Сталина, который стараются не замечать его нынешние оппоненты, — это великая держава, которую оставил он наследникам. Держава, без которой не решался ни один серьезный вопрос в мире.

«Историческая победа будет за мной». Эти пророческие слова Сталина в наши дни должны помнить не только коммунисты, но и те, кто пытается опорочить народного вождя.

Сталин был человеком огромной веры в созидательную мощь своего народа. Эта вера передавалась миллионам людей, поскольку она подкреплялась и утверждалась практическими делами. Без единства веры, слова и дела было бы невозможно пройти по пути, избранному Сталиным. По пути, который привел к невиданному расцвету страны, в которой все народы ощущали себя великими и могучими.

Этот путь был нелегким. Были серьезные ошибки и заблуждения, от которых никогда не застрахованы первопроходцы. И чем труднее было идти, чем неприступнее были препятствия, тем чаще и громче звучал в партии бессмертный сталинский девиз: «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять».

Эти слова вдохновляют всех коммунистов и сегодня. Нам по силам одолеть крепость, в которой засели временщики России.

Мы сможем это сделать! Волею большинства страны. Силою единства ее трудового народа. Объединившись со всеми, кто выбирает путь возрождения России.